

Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю.

На путях к новой цивилизации

(очерки духовно-экологического
мировоззрения)

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Алтайский государственный технический университет
им. И.И. Ползунова»
Кафедра ЮНЕСКО АлтГТУ**

А.В. ИВАНОВ, И.В. ФОТИЕВА, М.Ю. ШИШИН

НА ПУТЯХ К НОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

(ОЧЕРКИ ДУХОВНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ)

МОНОГРАФИЯ

**Изд-во АлтГТУ
БАРНАУЛ • 2014**

ББК 87.2 + 87.7

И 20

Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю. На путях к новой цивилизации (очерки духовно-экологического мировоззрения). — Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2014. — 219 с.

ISBN 978-5-7568-1064-6

В монографии развиваются и углубляются идеи, высказанные авторами в предыдущей работе «Духовно-экологическая цивилизация: устойчивые перспективы», выдержавшей два издания. Ключевая идея заключается в том, что переход к новому типу цивилизационного существования подразумевает системную и целенаправленную трансформацию науки, образования, культуры, экономики и политики в сторону утверждения приоритета духовных и экологических ценностей. В работе прочерчиваются стратегические линии подобной трансформации, а также даются конкретные рекомендации по претворению их в жизнь. При этом утверждается, что каждый отдельный человек является живым и деятельным фактором мировой истории.

Отдельные очерки посвящены Сибири и Алтаю, которые своим пространственным расположением, богатством природных ресурсов и традициями мирного общежития разных народов призваны сыграть ключевую роль в переходе к духовно-экологической цивилизации.

Книга предназначена для широкого круга читателей, которым небезразлична судьба человечества, находящегося в переломной точке своего существования.

Рецензенты:

д-р филос. наук, проф. В.Ю. Инговатов,
д-р филос. наук, проф. Т.А. Семилет

ISBN 978-5-7568-1064-6

© Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю., 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
<i>Раздел первый</i> Линии становления духовно-экологической цивилизации	7
<i>Очерк первый</i> «Порядок бытия»	7
Порядок против хаоса	9
Свобода, равенство и братство в «новом мире»	21
«Голый король»	27
Природа человека	32
Новое осмысление «порядка бытия»	38
<i>Очерк второй</i> Наука и образование: поле битвы за человеческую душу	44
«Конец науки» или начало метанауки?	45
«Компетенции» и «на-на»-технологии	55
<i>Очерк третий</i> Культура и искусство: критерии подлинности	69
Культура и анти-культура	69
«Рыночный подход» в культуре	74
Самовыражение и самосовершенствование	79
Что такое искусство?	83
<i>Очерк четвертый</i> «Государство правды» как политическая форма нового мироустройства	95
Почему в России не популярны политические партии?	95
Коренные недостатки демократии	96
Территориально-корпоративное представительство как альтернатива всеобщему и равному избирательному праву	102
Черты «государства правды»	109
<i>Очерк пятый</i> Человек для экономики или экономика для человека?	119
Глобальный тупик техногенно-потребительской модели экономики	119
Сталинская экономическая модель 30-50-х годов: плюсы и минусы	124
Духовно-экологическая модель хозяйствования: мобилизация творческих сил природы и творческих способностей человека	129
Сущность и основные черты «зеленой экономики»	135

Формирование «зеленого каркаса» Большого Алтая и неотложные меры по его переходу на рельсы «зеленой экономики»	145
Раздел 2 Новый мир: взгляд из Сибири.....	151
<i>Очерк первый</i> Евразийский мир и духовно-экологическая интеграция	151
Евразийская идея и ее критики	153
Евразийский культурно-географический мир и его интеграционный потенциал	161
Линии евразийской духовно-экологической интеграции.....	171
Линия экологической и культурной интеграции.....	180
<i>Очерк второй</i> Сибирь как пространственная скрепа и ось интеграции Евразии	184
Отношение к Сибири в России и за рубежом. Правда и вымысел в образе Сибири	184
Деятели русской науки и культуры о стратегии развития Сибири.....	195
Геостратегические ресурсы Сибири в контексте глобального кризиса	202
Некоторые стратегические проекты развития Сибири как центра Евразии	207
Заключение	212
Приложение	216
Алтайская хартия	216

ВВЕДЕНИЕ

Эта книга — уже третья наша совместная работа, посвященная фундаментальной теме: обоснованию необходимости и возможности перехода России и всего земного сообщества от сегодняшнего техногенно-потребительского типа цивилизационного существования, явно обнаружившего свою тупиковость, к новому — *духовно-экологическому*, или *ноосферному*.

Первая книга под названием «Духовно-экологическая цивилизация: устои и перспективы» вышла в свет в 2001 году. Но ее идеи зародились и вызревали еще раньше, на серии международных конференций «Алтай – Космос – Микрокосм», в числе организаторов которых были и авторы книги. Первая из конференций прошла в 1993 году в Барнауле и в Горном Алтае, и все отметили ее необычность — во-первых, очень высокий уровень большинства докладов (почти не было «проходных» выступлений, как, увы, сплошь и рядом бывает сегодня), во-вторых, редкое единодушие большинства участников. Оно проявилось и в близости их мировоззренческих позиций, и в быстро установившихся и сохранившихся на долгие годы научных и человеческих контактах¹, и в общем неравнодушии к судьбам мира, активной жизненной позиции. Если не побояться пафоса, то общее ощущение было примерно таким: священный Алтай собрал в свои чертоги всех, кто готов бороться за общее лучшее будущее и, главное, понимает, каким оно должно быть. Из обсуждений и горячих дискуссий на этих конференциях и родилась наша первая книга. Кстати, и сам ключевой термин «духовно-экологическая цивилизация» также родился в уже далеком 1993 году.

Таким образом, конференции «Алтай – Космос – Микрокосм» стали по сути программными. Обобщая и развивая высказанные на них идеи, мы в первой книге зафиксировали и обосновали ключевые тезисы, связанные с необходимостью перехода к цивилизации нового типа. Книга вызвала стойкий интерес², но одновременно и

¹ Основное ядро участников сохранялось на протяжении всей серии конференций, которые прошли в период 1993-2000 гг. на Алтае.

² О чем, в частности, говорит ее обильное цитирование, возникавшая необходимость переиздания в 2010 году, затем ее издания в 2012 году в Монголии. Сейчас она переведена на английский и китайский языки.

критику, и полемику. Главным здесь был упрек в утопизме нашей модели. Восприняв его со всей ответственностью, мы выпустили работу «Скрижали метаистории: творцы и ступени духовно-экологической цивилизации» (2006 год). В ней мы на конкретных исторических примерах постарались, во-первых, показать, что этот идеал общественного устройства — не утопия, хотя бы потому, что в истории человечества он неоднократно сбывался, пусть лишь частично и на короткие сроки. И, во-вторых, что всегда за этими взлетами стояли личности, выдающиеся по своим человеческим, нравственным качествам, обладавшие высочайшим чувством сопричастности миру и ответственности за мир. Их энергия и самоотверженность заражала других людей и поворачивала руль истории. Самая же главная наша мысль заключалась в том, что именно подобные люди, а не обыватели, преследующие лишь собственные интересы, — воплощают не просто человеческий идеал, а человеческую *норму*, которая, однако, нам не *дана*, а *задана*, и к которой мы все должны стремиться, если хотим, чтобы у нас вообще было будущее.

И, наконец, монография, которую читатель держит в руках, представляет не только развитие нашей теоретико-философской модели, но и приложение ее к конкретным реалиям сегодняшней жизни, а также и жизни будущей. Поэтому она насыщена примерами, прогнозами и конкретными рекомендациями, — последние, разумеется, полностью открыты для обсуждений и споров. При этом первый очерк посвящен философско-мировоззренческим вопросам: ведь, как известно, «нет ничего практичнее хорошей теории» и, добавим, *истинного* мировоззрения. А на нем, в свою очередь, базируются и практические выводы в очерках, посвященных проблемам экономики и политики, науки и образования, культуры и искусства, где мы стремились выявить наиболее животрепещущие современные проблемы и наметить пути их решения на основе духовных и экологических приоритетов. И, конечно, мы не могли обойти проблем России как великой евразийской державы и Сибири как ее важнейшего стратегического региона. Этими очерками заканчивается наша книга, так как, на наш взгляд, Сибирь имеет все шансы стать одним из очагов, где начнется восхождение человечества к новому лучшему будущему.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

ЛИНИИ СТАНОВЛЕНИЯ

ДУХОВНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Очерк первый

«Порядок бытия»

Нынешнюю историческую ситуацию можно смело назвать пиком *антропогенного*, т.е. порожденного именно человеком, *хаоса*, по сравнению с которым даже жизнь человечества двадцатилетней давности кажется вполне благополучной. В самом деле, тогда большинству людей относительно устойчивый капитализм еще казался реальной и положительной альтернативой казарменному социализму; европейская демократия — азиатским деспотиям, а рыночная экономика, основанная на конкуренции, — плановому советскому застою. Еще не было яростных атак на нормальную двухполую семью, и никто даже не думал, что можно всерьез обсуждать проблему усыновления сирот однополыми парами. Сегодня же на глазах расшатывается буквально все — и казавшиеся еще вчера незыблемыми устои западной капиталистической цивилизации, и система международного права, и мировая экономика вместе с финансами, и система когда-то предоставляемых бесплатно благ со стороны государства, и, главное, основы семьи, культуры и образования. Рим времен упадка со всеми его язвами и пороками словно воспроизводится ныне во всемирном масштабе, а степень взаимного непонимания между людьми, странами и культурами оказывается прямо пропорциональной росту технических средств коммуникации. Стала очевидным фактом давно высказанная мысль о том, что чем мощнее материально-технический прогресс, тем слабее и ущербнее становится человек.

Свою первую книгу о духовно-экологической цивилизации, изданную четырнадцать лет назад, мы как раз и начали кратким анализом уже тогда становящегося все более явным глобального кризиса, в котором оказалась современная *техногенно-*

потребительская цивилизация европейско-американского образца¹. Вслед за многими авторами мы подчеркивали, что ее идейной основой является забвение духовной вертикали бытия и абсолютизация «горизонтального», «телесного» измерения мира. Иными словами, не высшие идеалы и ценности человека определяют и упорядочивают низшие формы его жизнедеятельности, а, наоборот, низшие страсти и материальные интересы подчиняют себе высшие. В социуме духовная культура (религия, философия, искусство) становится падчерицей техники и экономики, а человек из духовного и бесконечного существа — из божественного микрокосма — превращается в конечное и смертное невротическое существо. Сегодня же эти порочные идейные установки не просто сохранились, но дошли до своего логического конца, в полной мере обнажив болезни духа современного мира.

Почему речь должна идти в первую очередь именно о духе? Потому что, по нашему глубокому убеждению, абсолютно правы те мыслители, которые утверждают четкую иерархию выстраивания человеческого бытия. В его основе всегда лежат **базовые идеи и ценности**, а они, прямо или косвенно, определяют направленность всех сфер жизни: начиная от важнейших, то есть культуры, науки, образования, и заканчивая экономикой и политикой. И хотя многие аналитики по-прежнему пытаются искать причины углубляющихся глобальных проблем в несовершенстве конкретных моделей и механизмов общественного устройства, но на самом деле оно вторично. Корни происходящего — в подмене *истинных*² идей и ценностей ложными и разрушительными. Поэтому мы начнем нашу книгу, как и предыдущую, с анализа сегодняшнего среза нарастающего духовного, то есть **нравственно-мировоззренческого** кризиса. Вначале в предельно кратком ретроспективном анализе попытаемся обозначить его основные причины и закономерности.

¹ Мы имеем в виду именно сам тип, а не конкретные страны, т.к. те или иные элементы техногенно-потребительской цивилизации распространяются по всему миру, хотя, к счастью, с растущим сопротивлением.

² Мы сознательно употребляем этот «немодный» термин».

Порядок против хаоса

Если начать с нравственности, или морали¹, то надо сразу отметить, что с ней всегда были проблемы. Люди легче подчинялись праву как внешней силе, а не морали, которая требует *самодисциплины*, — и это понятно: подчиниться нажиму проще, чем самому бороться со своими слабостями и пороками. Помимо этого, издавна шли споры о том, что такое сама мораль, где ее источник; есть ли какие-то объективные критерии для оценки человеческих качеств, то есть какие надо считать добродетелями, а какие пороками и почему? Как сочетать личную и общественную мораль? Почему, применяя моральные нормы жестко и бескомпромиссно, мы часто получаем «на выходе» зло, а не добро²? Да и что такое добро, а что зло? — риторический вопрос, который, однако, соблазнял многих теоретиков и практиков объявлять мораль условной, «договорной» и превращать ее из внутреннего духовного регулятива — в свод внешних правил общежития³.

И тем не менее за всеми этими спорами ясно видны основные принципы, составляющие *ядро морали*, которые в разной форме и с разной степенью полноты проходили через всю культуру человечества. То и дело нарушаясь на практике и даже временами, казалось бы, совсем исчезая, они вновь возвращались и худо-бедно регулировали человеческую жизнь. Даже в самые темные периоды хотя бы часть из них формально признавалась и была основой официальной идеологии. Раньше казалось, что такое «формально-идеологическое» признание мало чего стоит, но сегодня придется признать, что это не так, — даже эта тонкая ниточка служила якорем, удерживая общество, как корабль на плаву, от полного затопления.

Эта устойчивость базовых моральных принципов хорошо видна при анализе различных направлений мысли и социальных течений, например, XIX века, то есть нравственных установок идеали-

¹ Мы не разводим здесь эти понятия, так как они по своей сути синонимичны, а уточнять нюансы смысла для целей этой книги нет никакой необходимости.

² Типичный пример — заповедь целомудрия, которая, во-первых, несправедливо применялась практически только к женщинам, особенно к девушкам, во-вторых, ее нарушение влекло за собой совершенно не адекватные поступку наказания.

³ Подобные утилитаристские и договорные теории популярны на Западе, но при этом мораль вообще перестает быть моралью, основанной прежде всего на глубинном внутреннем *переживании и со-переживании*.

стов и материалистов, либералов и консерваторов. Вспомним идейных оппонентов в отечественной литературе: «радикала» Чернышевского, «умеренного либерала» Тургенева и «консерватора» Достоевского. При всей разнице их взглядов моральные принципы очень близки — и у героев «Что делать», и у тургеневского Рудина, да и у старца Зосимы. Если же взять для контраста, скажем, французский натурализм, — то разве герои Золя, которым отданы симпатии автора (например, в «Жерминали»), исповедуют что-то особенное? Как бы ни спорили о частностях, но в каких-то глубинных основах они были между собою согласны.

А теперь зафиксируем главный тезис: эта «моральная устойчивость» опиралась на определенный тип **мировоззрения**, который мы прямо назвали бы *метафизическим*¹. Его центральным стержнем является признание некоего **объективного «порядка бытия»**.

При этом сразу же отметим, что само понятие *порядка* имеет разные оттенки и уровни смысла. Чаще всего он понимается просто как наличие определенной внешней организации, как нечто полезное, но в то же время ограничивающее. Мы еще вернемся к этой теме, а пока подчеркнем, что сейчас речь идет об ином. Под **порядком бытия** как основой мировоззрения мы здесь понимаем следующее. Во-первых, мир *един* на всех его уровнях: природно-космическом, социальном и духовном. А это значит, что все мы, через гигантскую и сложнейшую сеть «нитей», связаны друг с другом, с природой и с Богом². Во-вторых, это единство определенным образом «выстроено», — то есть в мире имманентно заключены *мера, организация и гармония*, противостоящие дисгармонии и хаосу.

Мировой порядок прямо детерминирует природу, бытие «тварей неразумных» и до определенной степени отношения в обществе, связанные с воспроизводством человека как физического существа; в человеческом же сознании он сложным образом *преломля-*

¹ У термина «метафизика» есть разные смыслы. Первый восходит еще к Аристотелю, а вернее, к его ученику Андронику Родосскому, и означает по существу теоретическую философию как таковую, которая исследует *предельные основания бытия*. Именно этот фундаментальный смысл, к счастью, и возрождается — в противовес хаосу бессистемной и без-основной сегодняшней псевдофилософии. При этом не случайно с понятием «метафизики» ассоциируются религиозная и идеалистическая философии, которые также снова обретают права гражданства.

² как бы его ни понимать — как Сверхличность, Абсолют, Дао или совокупность идеальных начал бытия.

ется в виде **нравственных установлений и законов разума**, которые его не принуждают, но ориентируют, направляют¹ и задают иерархию, направленную «вертикаль» бытия. Она предстает для нас в виде **основных оппозиций**: добро – зло, истина – ложь, красота – безобразие (а отсюда уже следуют оппозиции низшего порядка: норма – патология, польза – вред и т.д.).

При этом одни мыслители считали этот порядок исходящим от Бога (Логоса, Абсолюта, Дао), другие — от единых для всех структур человеческого разума, или же основывали его на природных законах (в том числе и саму мораль, как в социобиологии). Но, главное, не сомневались, что этот порядок *есть*, что он объективен, то есть не зависит от чьего-либо произвола. Из этого также следует, что *сознание человека как-то сопричастно этому мировому порядку* — а, значит, мы способны познать его проявления как в природе (законы природы) и в обществе (социальные законы)², так и в себе (законы разума и морали)³.

И человек, наделенный свободной волей, обладает правом выбора. Он может либо целенаправленно стремиться познать порядок бытия — и, по мере его постижения, следовать ему, гармонизируя и себя, и свое окружение. Либо же он может своевольно нарушать его, внося в мир хаос и дисгармонию. Первое действие будет моральным, второе анти-моральным.

А отсюда уже можно пытаться выявить личные и социальные **идеалы**, а также базовые **мировоззренчески-нравственные принципы**. Они, повторим, менялись на протяжении веков, но за этой динамикой виден некий инвариант, «корень морали», который

¹ То есть это не прямая, как в природе, а косвенная, опосредствованная детерминация.

² При всем глубоком своеобразии природы самих социальных законов, явно отличающихся от действия законов природных. См. в этой связи не утратившую своей актуальности статью великого русского социолога П.А. Сорокина «Историческая необходимость» (Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992).

³ Подчеркнем: именно познать, а не «сконструировать», и здесь принципиальное отличие от типичного для западной этики противопоставления «суждений ценности» и «суждений факта». И в связи с этим заметим: именно признание объективности и познаваемости моральных законов объясняет разницу моральных кодексов в разных культурах и эпохах, — ведь любое познание сопряжено с неполнотой и ошибками, с акцентом на одних сторонах в ущерб другим. Отсюда и различные, часто противоречащие друг другу моральные нормы — как в науке различные гипотезы и теории, одни более приближенные к истине, другие ошибочные.

можно выразить следующим образом, отчасти перефразируя В.С. Соловьева¹:

- *служение Высшему* — тому, что превосходит мое индивидуальное бытие и вносит в жизнь цель и смысл (служение Богу, науке, искусству, человечеству);

- признание и утверждение *ценности чуждого бытия*, как физического, так и духовного (начиная с заповедей не убий»², «не укради» и заканчивая утверждением духовной ценности другой личности, ее свободы, достоинства и прав). Отсюда, в пределе, следует отказ от эгоизма и индивидуализма и утверждение соборного бытия;

- ответственность за собственное бытие, прежде всего за *саморазвитие*, раскрытие своего человеческого потенциала.

И отдельно нужно выделить два универсальных принципа, которые одновременно являются и нормами ответственного бытия, и самостоятельными ценностями, и, главное, — способами осуществления любых целей. Это, во-первых, напряженный *труд* во всех его формах, — которым мы строим и окружающую нас часть мира, и самих себя. И, во-вторых, *долг и самодисциплина*, которые противопоставляются субъективно-произвольному «хочу». И, как уже сказано, человек и общество сами делают свой выбор, принимая или отвергая этот мировоззренчески-нравственный фундамент.

Мы привели примеры из XIX века, но именно тогда ситуация начала радикально меняться, и надвигающийся роковой поворот гениально почувствовали те же русские писатели, особенно Достоевский. Он определил главную причину этого поворота как утрату «связующей мысли». Вспомним, как в романе «Идиот» один из героев рассказывает средневековую историю о человеке, совершившем ряд преступлений против церкви:

«Преступник кончает тем, что идет и доносит на себя духовенству... Спрашивается, какие муки ожидали его по тогдашнему времени, какие колеса, костры и огни? Кто же толкал его идти доносить на себя?..

¹ См. «Оправдание добра» В.С. Соловьева: основа морали — стыд, жалость и благоговение.

² Эта заповедь, как известно, также всегда была предметом споров и разных толкований, например, относительно сферы ее применения: следует ли ее распространять, скажем, на врагов отечества? Можно ли убивать тех, кто сам покушается на чужую жизнь? А в XX веке она, впервые для европейской мысли, распространилась на природу, что тоже стало предметом дискуссий.

Стало быть, было же нечто сильнее костров и огней и даже двадцатилетней привычки! Стало быть, была же мысль сильнейшая всех несчастий, неурожаев, истязаний, чумы, проказы и всего того ада, которого бы и не вынесло то человечество без той **связующей, направляющей сердце и оплодотворяющей источники жизни мысли** [выд. нами — *авт.*]! Покажите же вы мне что-нибудь подобное такой силе в наш век... Покажите мне связующую настоящее человечество мысль хоть в половину такой силы как в тех столетиях... Богатства больше, но силы меньше; связующей мысли не стало»¹.

Обратим внимание, о каком интересном парадоксе здесь идет речь. С одной стороны, — беспредел средневековья, когда человеческая жизнь вообще мало значила. Но, с другой стороны, «окраска» этого беспредела была совершенно иной, чем сегодня. Ведь речь чаще всего не шла об отрицании Добра или Истины как таковых, а лишь о том, что *я* в силу своей греховности отчужден от них; *мне* они сейчас недоступны. Но здесь нет ни отрицания, ни отчаяния: да, мы грешны, слабы, эгоистичны и жестоки, но это *мы* такие, а есть Высшее, есть Христос, Богоматерь как источники добра и справедливости (того самого «порядка бытия»), а значит, и я еще могу найти силы раскаяться, спастись... Этот огонек брезжил где-то под мрачными пластами в глубине души даже у многих отпетых преступников, и именно это фундаментальное внутреннее переживание Достоевский и определил как «связующую мысль» — отблеск той самой духовной вертикали, связующей весь мир, от Бога до травинки, в одно живое Целое.

И постепенное **разрушение представлений о мировом порядке бытия** («утрата связующей мысли») началось именно с того, что этот порядок перестал связываться с Богом, — или, говоря шире, перестал восприниматься как укорененный в высшей, духовной реальности. Но и в секуляризованном обществе эти представления еще не исчезли, а как бы спустились на социальный уровень и рационализировались. Некоторое время они основывались на просвещенческом идеале человека — как существа разумного, понимающего, что его интересы зависят от процветания общества, от его рационального и упорядоченного устройства (посредством науки и техники и той же морали, ибо без этого никакого порядка быть не может). И, разумеется, эти идеи подпитывались верой в

¹ Достоевский Ф.М. Идиот // Достоевский Ф.М. Собр.соч. в 15т. Т.6. Л., 1989, с.381.

«естественный порядок» — в *незыблемость природных законов*, вписанность человека как живого существа в целостность природы.

Но и эти представления не устояли. В XX веке они подверглись атакам сразу с двух сторон.

Во-первых, была подорвана вера в прогресс и в просвещенческого разумного человека, особенно после безумия двух мировых войн и наступления «рационального мирового порядка» — в виде колониализма, империализма, изощренных форм манипулирования со стороны правящих и финансовых элит с целью превращения людей в однородные управляемые «массы». Но законный протест против подобного насильственного «упорядочивания» (*псевдо-порядка*) породил резкий крен в противоположную сторону. Стали активно развиваться направления, где на щит был поднят хаос, бессознательное, иррациональное «подполье» человеческой души, и все более подвергалась сомнению и отрицанию сама идея порядка. Это отрицание достигло пика во второй половине XX века в философии постмодерна, где и разум, и мораль, и образование, и воспитание были объявлены «репрессивными», подавляющими свободу личности; более того, и сама личность лишалась своего онтологического центра и рассыпалась на «микротексты», социальные роли и т.д. Личность цельную, социально и морально ответственную заменила личность децентрированная, игровая и, естественно, безответственная.

Во-вторых, ушла в прошлое простая и ясная научная картина мира XIX века. Успехи естествознания обнаружили пугающую сложность мироустройства, особенно при погружении в глубины материи и в беспредельность Вселенной. Рассудок и здравый смысл «забуксовали» в попытках охватить мироздание; в теории познания сформировались направления, где был, по сути, поставлен крест на прежних горделивых претензиях «царя природы» познать мир. Стало считаться, что мы его не познаем, а только «конструируем»¹, а поэтому даже не имеем права говорить, что в природе есть какой-либо объективный порядок, — это всего лишь наш разум, для себя, как бы упорядочивает непознаваемую реальность,

¹ Парадигма конструктивизма, конечно, содержит момент истины, заключающийся во влиянии множества факторов на познавательный процесс и «обрастании» полученного образа массой субъективных «довесков». Но ее выводы, в русле тотального отрицания истины, неправомерно абсолютизированы, теоретически противоречивы и не согласуются с реальной практикой.

создавая некую картинку. Таким образом, на жертвенный костер, куда гуманитарии уже сложили культурные детерминанты и моральные ценности, теперь была возложена *истина*, в ее классическом понимании; стало популярным ее «конвенциональное» толкование. Этот процесс закономерно сопровождался прагматизацией научно-технических разработок, направленных не только на создание телесного комфорта, но и на обслуживание всевозможных человеческих прихотей, в том числе извращенных.

Резюмируя, можно утверждать, что **к концу XX столетия сбылось предсказание Достоевского: если Бога нет — все позволено**, причем, размах «позволенного» далеко превзошел опасения великого писателя.

Но новый XXI век принес и новые «достижения». Обнаружилось, что еще не все позволено, не все рамки сломаны и не весь порядок разрушен. И началась массовая атака на последние бастионы — на семью и воспитание детей; на нормальные отношения полов — сначала на их нравственно-духовный аспект, потом уже и на биологический и, наконец, на само понятие пола. Более того — на сами законы функционирования живого (в том числе человеческого) организма — и, наконец, на человека как такового. Как утверждают апологеты трансгуманизма, на сцену выходит «человек-киборг», лишенный всего человеческого.

Начало этого «извращения понятий и убеждений» также в свое время было прозорливо отмечено Достоевским как крайне опасный симптом разложения личности и общества — более опасный, чем сами по себе пороки и преступления:

«Недавно все говорили и писали об этом ужасном убийстве шести человек... и о странной речи защитника, где говорится, что при бедном состоянии преступника ему *естественно* должно было придти в голову убить этих шесть человек. Защитник... был в полнейшем убеждении, что он говорит самую либеральную, самую гуманную и прогрессивную вещь... Как по-вашему будет: это извращение понятий и убеждений... есть ли это случай частный, или общий?

Все захохотали.

— Частный, разумеется, частный, — засмеялись Александра и Аделаида...

— Нет, не частный, — тихо, но твердо проговорил князь... — Если б это искажение не было таким общим случаем, то, может быть, не было бы и таких невозможных преступлений, как эти...

— Невозможных преступлений? Но уверяю же вас, что точно такие же преступления и, может быть, еще ужаснее, и прежде бывали... Разница в том, что у нас прежде было меньше гласности, а теперь стали вслух говорить и даже писать о них, потому-то и кажется, что эти преступники теперь только и появились. Вот в чем ваша ошибка, чрезвычайно наивная ошибка, князь, уверяю вас, — насмешливо улыбнулся князь Щ.

— Я сам знаю, что преступлений и прежде было очень много, и таких же ужасных; я еще недавно в острогах был, и с некоторыми преступниками и подсудимыми мне удалось познакомиться. Есть даже страшнее преступники, чем этот, убившие по десяти человек, совсем не раскаиваясь. Но я вот что заметил при этом: что самый закоренелый и нераскаянный убийца всё-таки знает, что он *преступник*. А эти ведь... **не хотят себя даже считать преступниками** [выд. нами — авт.]. Вот в этом-то и состоит, по-моему, ужасная разница»¹.

В качестве иллюстрации приведем несколько примеров этого тотального извращения некогда незыблемых идей и принципов, взятых почти произвольно из лавинообразного потока новостей. Конечно, читатель сталкивался с подобной информацией и, возможно, иронизировал над нею, но собранные вместе эти сообщения вызывают уже не желание иронизировать, а стойкий шок.

«...К тому, что понятие "традиционная семья" безнадежно устарело, в Норвегии приучают со школьной скамьи, а при министерстве по делам детей, равноправия и социальной интеграции даже создан специальный Центр, который занимается образовательными программами, нацеленными прививать детям отношение к содомии как к норме... Тех, кто протестует против вовлечения несовершеннолетних в акции извращенцев, обвиняют в "отсутствии толерантности"»².

«...В шведских школах, в отличие от французских, уже давно приучают детей расстаться с "архаическими" сексуальными стереотипами в играх и поведении. В шведском словаре уже существует неологизм "hen", бесполое местоимение, которое относится и к мальчикам, и к девочкам... Следующий законопроект... гласит, что буквы М и Ж или изображения мужчин и женщин в туалетах будут упразднены, как "дискри-

¹ Достоевский Ф.М. Указ.соч, с. 338-339.

² Чечулинский А. В Скандинавии первоклашкам устраивают гей-парады. — URL: <http://www.1tv.ru/news/social/215116>

минационные и ущемляющие права "хена", а туалеты будут совмещенными»¹.

«...Власти Франции объявили, что намерены расформировать религиозные сообщества "члены которых демонстрируют признаки фанатизма", в частности католиков-традиционалистов... Причины этого очевидны — христианство, по мнению руководства ЕС, несет угрозу идеям евроинтеграции, поскольку противоречит новым "европейским ценностям". Таким, например, как однополые "браки" или система тотального контроля»².

«В ЕС всерьёз принялись за обсуждение легализации инцеста. Европейские политики открыто в прессе и на ТВ представляют инцест как европейскую "гендерную норму". При этом по аналогии с "гомофобией" предлагается ввести понятие "инцестофобии", за проявления которой наказывать... "Гендерной нормой" предлагается признать половую связь между отцом и дочерью, матерью и сыном, братом и сестрой, а также всеми родственниками, включая кровных»³.

«Органы ювенальной юстиции полностью контролируют поведение родителей и детей. Главный тезис властей — биологические родители больше не должны иметь приоритета в воспитании своих собственных детей. Родителей могут наказать вплоть до изъятия ребёнка даже за угощение детей конфетами. Количество сладкого должно строго контролироваться.

В Норвегии законодательно запрещено плакать, слёзы — признак эмоциональной нестабильности. Слёзы матери лишившихся детей из-за ювенальной юстиции, в суде будут являться доказательством того, что она нестабильная или сумасшедшая, и лишь усугубят "вину"»⁴.

«Бельгийский парламент 86 голосами против 44 одобрил эвтаназию для несовершеннолетних... Бельгия стала второй страной в мире после Нидерландов, разрешившей детский суицид»⁵.

В этом потоке безумия обращает на себя внимание растущая жестокость, вопреки декларируемым «гуманистическим ценно-

¹ Сологубовский Н. В Швеции общественные туалеты будут общими! — URL: http://maxpark.com/community/4269/content/1968201?utm_campaign=mostinteresting&utm_source=newsletter

² Франция как колыбель революции... — URL: http://communitarian.ru/novosti/v-mire/vo_francii_oficialno_obyavili_o_nachale_goneniy_na_hristian_31102013/?bitrix_include_areas=Y

³ В Западной Европе широко обсуждается легализация инцеста. — URL: <http://file-rf.ru/news/13808>.

⁴ В Норвегии хотят отменить семью. — URL: <http://www.pravda.ru/society/family/pbringing/09-02-2012/1107475-Norway-0/>

⁵ Парламент Бельгии принял закон о детской эвтаназии. — URL: <http://www.pravoslavie.ru/news/68494.htm>

стям». О квалификации материнской любви как «эмоциональной нестабильности» нечего и говорить. Но читатели наверняка вспомнят и кошмарный эпизод с убийством жирафенка в знаменитом копенгагенском зоопарке на глазах детей. И это отнюдь не случайность. Как отмечает Ю. Тюрин,

«...кровавые шоу типа "кормление льва живностью" начались в зоопарке Копенгагена, наверное, лет десять назад, что совпало по времени с приходом к власти в Дании правительства либералов (при поддержке националистов) и общей волной брутализации мировой политики...: "побеждает сильнейший", "жизнь — жестокая вещь", "человек по природе волк", "государство вам ничего не должно" и т.д. Этот комплекс представлений, осторожно отсылавший к этике нацизма, исподволь получил выражение в столь странных "воспитательных" формах, как кровавые шоу в копенгагенском и других европейских зоопарках: "знакомство с реальной жизнью" для самых маленьких — и их родителей, то есть потенциального электората»¹.

Самое главное здесь, как и говорил Достоевский, — то, что эти явления отнюдь не случайны и не единичны. Это именно целенаправленная, организованная атака на устои человеческого бытия, причем, с государственным утверждением и санкционированием. **Впервые в истории в целом ряде стран происходит массовое официальное узаконивание анти-моральных и анти-разумных «норм», доведенных до уровня полнейшего абсурда.** Но мало того: ведь приведенные факты — лишь наиболее вопиющие. Это, образно говоря, те нарывы, которые вышли на поверхность общественной жизни и поэтому видны всякому. А внутри социальных организмов уже давно идут «воспалительные процессы» во всех жизненно важных сферах; прежде всего, в образовании, науке, культуре, в том числе и в нашей стране. Критики, как правило, обращают внимание на организационно-бюрократический развал, связанный с бесконечными «реформами», но за всем этим стоит еще более тревожная вещь: то самое *разрушение идеи порядка*, идеология постмодернистской «деконструкции» и «децентрации», которая разъела эти сферы, как серная кислота. Она уже, к сожалению, внедрилась в сознание многих деятелей культуры, педагогов, ученых и через них транслируется в массы, о чем мы еще будем говорить.

Но оснований для пессимизма все же нет. Буквально в те месяцы, когда писалась эта книга (в мае — июне 2014 года), во многих

¹ Тюрин Ю. Зачем убили жирафа? — URL: <http://izvestia.ru/news/565538>

странах (США, Франция, Перу, Германия) прошли массовые митинги в защиту традиционной семьи; в многострадальной же Швеции состоялся траурный марш в защиту детей:

«Организаторы сообщают, что ожидают 10000 участников мирной демонстрации протеста против ювенального террора традиционных семей в Швеции. Авторы идеи просят всех родителей прийти в этот день на манифестацию в темной траурной одежде и с черной повязкой на рукаве. Организаторы акции публикуют данные, согласно которым сегодня, по информации Центрального Статистического бюро в Швеции проживает около 2 миллионов детей (от 0 до 17 лет). Из них по статистике ежегодно из традиционных семей беспричинно ИЗЫМАЕТСЯ около 20000 мальчиков и девочек. Говорят, что “под заказ однополых. Ну и для извлечения сверхприбылей от торговли детьми, видимо, тоже...”

6 июня демонстранты потребуют **ОСТАНОВИТЬ** детоторговлю в Швеции и защитить право ребенка на родную семью»¹.

Это говорит о том, что многие, слава Богу, начинают видеть абсурдность и опасность происходящего. Но далеко не все. Сколько людей даже в нашей стране, искренне считая себя блюстителями либеральных заветов, защищают гей-парады или кошунство Pussy Riot в храме, а также протаскиваемый определенными кругами законопроект о ювенальной юстиции? Достаточно, чтобы не успокаиваться на мысли, что все это, мол, случайные всплески безумия. Нет, отнюдь не случайные, и борьба с ними лишь начинается. И уклониться от нее вряд ли получится даже у любителей отсидеться в «хате с краю»; эти проблемы раньше или позже коснутся всех.

Мы не останавливаемся здесь на проблеме «кому все это выгодно?» Разумеется, такой чудовищный «сон разума», — точнее, уже не сон, а горячечный бред, — не мог охватить сотни миллионов людей сам собой, без целенаправленной манипуляции общественным сознанием со стороны тех, кто заинтересован в этом оболванивании. Но эта тема уже исследована многими авторами, в том числе российскими (можно вспомнить работы А.С. Панарина или С.Г. Кара-Мурзы), и основные субъекты манипуляции давно названы: крупный капитал, военщина, политические элиты². И тех-

¹ Швеция: траурный марш в защиту детей 6 июня — URL: protivkart.org/.../5040-marsh-v-zaschitu-detey-v-traure-i-s-grobami-v-stokgolme-6-iyunya.html

² А также разнообразные «черные логи», играющие, судя по всему, куда большую скрытую роль, чем считает большинство современной интеллигенции, презри-

нологии тоже известны; в частности, в Интернете сейчас популярны статьи о модели американского социолога Дж. Овертона («окно Овертона»¹), в которой отражена технология легализации любых, самых аморальных и чудовищных идей. Судя по всему, именно она и используется сегодня для легализации гомосексуализма, инцеста, «ювенальной юстиции» и пр.; при этом авторы статей справедливо подчеркивают, что

«...описанное Овертоном Окно возможностей легче всего движется в толерантном обществе. В том обществе, у которого нет идеалов, и, как следствие, нет чёткого разделения добра и зла»².

Правда, не исследован вопрос о тех теоретиках — философах, культурологах, философствующих ученых, которые стали признанными идеологами «антипорядка», — о том, кто из них попро-

тельно отмахивающейся от этой темы и считающих ее обсуждение «дурным вкусом». Но, как давно было сказано, главный успех дьявола — в том, что он смог убедить людей, что не существует.

¹ Согласно модели Овертона, для каждой идеи в обществе можно создать «окно возможностей». На одной его границе идея воспринимается как «немыслимое, невозможное» («черное»), а на противоположной — как «нормальное и легализованное» («белое»). Чтобы легализовать идею, ее постепенно продвигают от одного края до другого, создавая специально промежуточную область «серого». **«1-й шаг. От немыслимого до радикального:** Неким человеком, группой лиц или организацией предлагается для обсуждения, скажем, в академических кругах, совершенно табуированная тема. Например, педофилия. **2-й шаг. От радикального до приемлемого:** Параллельно с обсуждением возникает партия педофилов, а СМИ тиражируют эту новость. Табу снято. При этом педофилов начинают сравнивать с другими радикалами, например, неонацистами. Возникает градация серого. Педофилы страшны, но уже стали реальностью. Они уже часть общества. Главное на этом этапе — эвфемизм. Нужно ввести в оборот новый политкорректный термин. Не содомиты, а "геи", не людоеды, а "антропофаги", не педофилы, а "детолюбые". **3-й шаг. От приемлемого до разумного:** Поднимается тема любви. "Вы ведь любите своих детей, почему другие не могут любить ваших детей? А если эта любовь взаимная? Люди должны иметь право на счастье. Разумно ли им бороться за свои права? Конечно, да!" **4-й шаг. От разумного до популярного:** Интервью, откровения, ток-шоу на тему педофилии. "А знаете ли вы, что такой-то писатель/музыкант/известный общественный деятель был педофилом? Нужно принимать человека таким, каков он есть. Вам же нравятся их произведения?" **5-й шаг. От популярного до политики/нормы:** "Слушайте, так много известных людей оказались "детолюбями". В Норвегии — это вообще часть культуры. Зачем лишать людей права быть счастливыми? Давайте легализуем эти отношения, закрепив их законодательно!"» — Постолов И. Окно возможностей Овертона и легализация греха — URL: // <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/67684.htm>

² URL: http://www.za-nauku.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=8004&Itemid=35

сту был использован, а кто встал под эти «черные знамена» совершенно сознательно. Но не будем гадать; здесь важнее зафиксировать другое: *успех манипуляции возможен лишь при попустительстве самих манипулируемых*. Когда люди, читая откровенную заумь Ж. Делеза или патологические излияния В. Сорокина, или же сталкиваясь с бессмыслицей политкорректности, боятся довериться своему внутреннему голосу и сказать, что «король голый», — это и создает первую брешь в их естественной защите.

При этом надо понимать, что пессимизм и фатализм в этом вопросе (мол, мощь манипуляторов велика и лишь растет, и так всегда было в истории и будет дальше), — тоже результат манипуляции. В своей уже упомянутой книге «Скрижали метаистории»¹ мы сделали попытку обосновать противоположный тезис: над «профанной» историей политической возни, войн и дележа ресурсов — идет подлинная и главная *история духа*, которая делается не политиками и не банкирами, а теми, кто является проводником и защитником высших целей и ценностей человеческого бытия, кто деятельно служит высшему. Поэтому цель нашей книги — не заниматься философией власти и анализом темной мировой закулисы, а помочь кому-то обрести уверенность в добре и стойкость в истине, доверие к своему глубинному Я и, как следствие, — сформировать иммунитет против зла и волю к добру. Вспомним фразу Христа: «...Идет князь мира сего и во Мне не имеет ничего»².

Свобода, равенство и братство в «новом мире»

Здесь может возникнуть «наивный» вопрос: неужели в социальном организме нет никакого иммунитета? Например, хотя бы в виде так называемых общечеловеческих ценностей, да и просто объективных, научных критериев при принятии того или иного закона.

Но дело в том, что и сами эти ценности и критерии подверглись сомнению. Причем, отчасти справедливо: например, сейчас многие авторы, в том числе западные, критикуют либерально-демократическую доктрину за унификацию, за неучет разнообразия культур. Правда, в этой справедливой критике снова налицо

¹ Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю. Скрижали метаистории: творцы и ступени духовно-экологической цивилизации. Барнаул, 2006.

² Иоанн, 14:30.

крен в противоположную сторону — в отрицание глубинного единства человеческой природы: ведь разнообразие не означает отсутствия единых основ. В то же время трудно прямо отрицать сами по себе свободу, равенство, братство, права человека; другое дело, что эта система ценностей очень неполна.

Но главная проблема в том, что и она, как и вообще любая система ценностей или критериев, чтобы быть «работающей», *нуждается в идее о порядке бытия*, как в твердой почве под ногами. Нельзя жить в топи или на зыбучих песках — засосет. Именно это и произошло. Скажем, при разработке «Хартии прав человека» в середине XX века еще были живы остатки вековых представлений о нормах нравственности, о естественных законах, которыми регулируется жизнь мира и отдельной личности. Поэтому ее создателям явно не приходило в голову, что *свободу* можно официально трактовать в духе «все позволено»¹ — и разрушение семьи, и организация кровавых шоу для детей, и кощунственные действия в храме. Но вскоре массы вполне логично решили: а почему нет? Кто доказал, что этого нельзя делать? Все можно, раз все в мире условно и «конвенционально». Ну, а несогласные — придерживающиеся твердых норм и ценностей — подвергаются остракизму. Отсюда, кстати, ясно, что о *братстве* нет даже смысла говорить. Собственно, не было смысла и раньше, о чем точно писали русские мыслители XIX-XX веков, отмечая индивидуализм западного общества, ну а теперь уж тем более.

А что же произошло с третьей «священной коровой» либерализма — *равенством*? Также лишенное метафизической опоры, оно претерпело еще более поразительную трансформацию — из равенства перед законом превратилось в насильственное и абсурдное *уравнивание, нивелирование* людей по их качествам, способностям, даже природным данным. А вслед за этим и в стремление вообще стереть и запретить даже любые намеки на какие-то сущностные различия: все должны быть «равны» в смысле «одинаковы»! Советской системе, которую так любили критиковать за «уравниловку», такое даже и не снилось. Именно здесь находится корень безумных законов, например, о запрете употреблять слова «мама» и «папа» («упразднить гендерные различия»).

¹ Прозорливый отечественный мыслитель Н.А. Бердяев очень точно назвал это «детским» пониманием сущности свободы.

Кстати, если посмотреть на это со стороны системного подхода, то сразу ясно, что подобная уравниловка полностью разваливает любую систему — хоть природную, хоть социальную. Ведь сколько-нибудь сложная (а значит, развитая!) система именно *упорядочена, иерархична*, там нет в помине равенства в смысле унификации, да еще и вкупе с обособлением всех элементов (в результате проповедуемого индивидуализма). Только в самой примитивной «нуль-системе», например, в куче песка, элементы именно «равны» в смысле «одинаковы», а также и обособлены. Но такая нуль-система, в отличие от первой, не развивается и не имеет будущего.

И показательно, что декларация предельной свободы/плюрализма оборачивается подавлением всех неугодных и несогласных, тиранией считающих себя «ущемленными» меньшинств — тех же «сексменьшинств» или «афроамериканцев» — над (пока еще) большинством. Как пишет Т. Толстая,

«Расовый вопрос в Америке — заминированная территория... Президент одного колледжа сообщил, что зал, предназначенный для торжественного выпуска студентов, закрывается на ремонт. Студенты огорчились. "Что ж делать, — вздохнул президент, — у меня самого был черный день, когда я об этом узнал (black day)". "Ах, черный день?! Черный?! — возмутился чернокожий студент. — ...Слово черный для вас связано только с отрицательными эмоциями!" Долго извинялся и каялся напуганный президент: оговорился, больше не буду, простите и так далее»¹.

При этом, подчеркнем еще раз, в «политкорректности-толерантности» налицо полнейшее отсутствие логики и здравого смысла. С одной стороны, утверждается, что все человеческие особенности, вкусы, пристрастия — именно «равны» в смысле «ни одно не хуже другого». А с другой стороны, намек на эти особенности почему-то воспринимается как оскорбление. Возьмем, например, требование «цветовой слепоты»: ты как бы не должен замечать черного или желтого цвета кожи, это неприлично. Но ведь самым этим требованием предполагается, что черный или желтый цвет «хуже», — иначе почему их не надо замечать? Или упомянутый запрет на «гендерные различия» — то есть быть женщиной (да и мужчиной) само по себе оскорбительно? Но и на этом «маразм

¹ Толстая Т. Политическая корректность // Наталья Толстая, Татьяна Толстая. Двое: разное. М.: Подкова, 2001.

политкорректности»¹ не заканчивается. Снова процитируем Т. Толстую:

«По-английски домашнее животное — от игуаны до сенбернара — называется *pet* (что-то вроде "любимчик"). Политическая корректность требует, чтобы к этим "любимчикам" относились как к равным и называли *animal companions* ("животные товарищи"). Соответственно как только гуппи и хомячки повышены в статусе, к ним начинают применяться критерии человеческого общества. Домашние животные обязаны вести себя в соответствии с законами, писаными для людей, и это уже отражено в американском законодательстве.

Так, собака не имеет права лаять и кусаться, кот — царапаться и воровать рыбу-мясо. Газетное сообщение: некий кот, уже неоднократно до того причинявший беспокойство соседям, забрался в студенческое общежитие и, в отсутствие хозяев, наелся чем бог послал и что ему приглянулось. Вернулись студенты и попросили кота выйти вон. (Это важный юридический момент: если бы студенты сразу схватили кота, это было бы нарушением котовых прав...) Высказанное пожелание не имело воздействия; кот не внял. Студенты перешли ко второй фазе и стали отлавливать кота. Тварь не покидала помещения и вела себя агрессивно. Фаза третья: была вызвана полиция. Кот был отловлен, судим, найден виновным в неоднократном нарушении общественного порядка (то есть у него уже был привод) и приговорен к смертной казни. К счастью для преступника, на выручку пришло Общество защиты животных: кот был взят Обществом на поруки (на лапы?) и помилован»².

Мы не случайно отметили полный алогизм происходящего: ведь логика, рации в сегодняшнем постмодернистском мире также заклеены как проявление «репрессивности», «тоталитарного» порядка. И, значит, тоже должны быть упразднены — что и делалось в течение всего XX века. Поэтому и научные аргументы для многих уже ничего не значат.

Это надо хорошо понимать, так как многие люди искренне недоумевают: ну, допустим, моральное чутье утрачено, но можно рассуждать хотя бы на уровне школьной биологии! Об уравнивании в правах и обязанностях людей и животных и говорить нечего — инициаторы этого явно нуждаются в помощи психиатра. Но ведь и в других вопросах, похоже, полностью утрачены как здравый смысл, так и элементарные знания. Скажем, признавая право-

¹ В Интернете есть сайт с таким названием, где здравомыслящие энтузиасты привели наиболее абсурдные примеры торжества «политкорректности».

² Там же.

мерность гомосексуализма и тем более инцеста, — мы мостим дорогу к *биологическому уничтожению* вида *homo sapiens*. Интересно, что еще в 80-х годах XX века основатели социобиологии Ч. Ламсден и Э. Уилсон прозорливо писали:

«Если общество... пытается перехитрить гены, обеспечивающие табу на инцест, то оно... получает в результате все более растущее число страдающих и умирающих детей... Тогда почему бы не обмануть гены и не сформировать умы, которые терпимо относятся либо даже предпочитают рост числа деформированных детей?»¹

Подобная идея, отмечали тогда авторы, абсурдна, но ее реализация не невозможна, и это может поставить под вопрос само выживание общества.

Ну а сегодня, как видим, абсурд обрел права гражданства. И науку в ее классическом понимании также стремятся «упразднить» как один из «оплотов мирового порядка». Ведь в ее основе незыблемые *законы природы*² плюс человеческий *разум*, который эти законы не просто «конструирует», но, в конечном итоге именно познает, достигая объективной *истины*. Ну а теперь «мы все это переменили» — как писал один из карикатурных героев Тургенева. Природа сейчас понимается просто: как детский конструктор, из деталей которого можно по нашей прихоти разбирать и снова собирать все, что нам заблагорассудится. Включая живые организмы, в том числе самого человека,— от хирургического перекраивания тела с целью смены пола и до всевозможных экспериментов с геномом. Вот показательный пример подобных рассуждений:

«Индивид... это агрегат, собранный из крупных микробиологических координирующих практик... Для научно-технического комплекса индивид — используемый ресурс, а попытки охранять его “святость” правом, морально-этическим комплексом — барьер для прогресса... Мы свободны двигаться в новые огромные территории компьютеризованных и созданных генными методами природных сфер обитания, где пределы задает лишь сила воображения»³.

¹ Lumsden Ch., Wilson E.O. *Promethean Fire. Reflection on the Origin of Mind*. Cambridge (Mass.) — London: William Collins Sons & Co Ltd, 1983. P.19

² в том смысле, что мы признаем их существование независимо от нашей субъективности. Естественно, что по мере дальнейшего познания наше понимание этих законов углубляется.

³ Бертильссон М. Второе рождение природы: последствия для категории социальное // Социс, 2002, №9, с.119-123.

Но и на этом постмодернистская «деконструкция» не останавливается, подвергая перетасовкам не только тело, но и личность, — которая, согласно этим взглядам, есть не более чем набор «масок», «текстов» и социальных ролей. И не случайно сегодня на щит поднимается так называемый «трансгуманизм». Напомним, что речь в нем идет о необходимости

«...осуществить "трансформацию" традиционного человека — на основе применения открытий в области нано-био-инфо-когно (NBIC) технологий и искусственного интеллекта (AI) — в постчеловека. Это человек, "модифицированный" с помощью hi-tech-технологий до такой степени, что с традиционной общепринятой точки зрения уже не является человеком»¹.

Основной упор здесь делается на идею «перезагрузки сознания» с помощью различных новейших технологий. При этом сознание понимается как «информация», которую можно скопировать с мозга на любой носитель.

Но как же так, спросит читатель; ведь это пишут специалисты? Дело в том, что сегодня, в связи с падением уровня образования во всем мире, **множится число специалистов, которых уже нельзя назвать учеными**: они знают лишь свою крайне узкую сферу и неизбежно «плавают» при попытке выйти за ее пределы. Поэтому они и не в состоянии дать адекватную оценку многим проектам, за которые самоуверенно берутся, — например, тому же созданию «человека-киборга». И это понятно: ведь они не знакомы с огромным массивом литературы, как философской, так и действительно научной — *высоконаучной*, посвященной громадной сложности проблемы сознания. В том числе, с исследованиями, где современная научная мысль все явственнее сближается с древними знаниями и где сознание *никоим образом* не может быть отождествлено с «информацией» в ее упрощенном понимании.

Ну а в обществе эта девальвация рации, вкуче с уничтожением образования и насаждением примитивно-потребительских «ценностей» оборачивается откровенной и всесторонней деградацией. Вот показательные цифры из весьма эмоциональной (и неудивительно!) статьи, написанной на материале Германии:

¹ Каланчина И.Н. Каким видится человек будущего: о различных основаниях современной футурологии — URL: <http://www.fondaltai21.ru/news/actual/9540>

«Мне, помнящему реалии еще 1970-х, все время кажется, что теперь приходится жить среди существ, все более и более напоминающих придурков. Напоминающих тем, что у них постоянно упрощается и становится безобразной речь. Тем, что они не знают самого элементарного и почти ничего не читают. Мало того, на глазах растет... неумение по-человечески разговаривать, связно выражая свои мысли.

...Регресс отмечают вполне научные замеры.... Если в 1975 году выпускники реальной школы давали 75,2% правильных ответов в заданиях на грамотность, то в 2008 году — только 58,2%... Та же картина — в проверке способности совершать элементарные математические действия. В 1975-м выпускники реальной школы давали 75,8% верных ответов. В 2008-м — только 56,4%.... Неумение выражать связно и четко свои мысли в написанном тексте: промышленность — 53,9%. Строительство — 49,7%. Ай Ти и масс-медиа — 58,2% (!). Торговля — 57,3%. Отели и рестораны — 54,9%. Транспорт — 51,4%. Банки и страхование — 60,9%.

...То есть, перед нами — генерация новых неграмотных, созданная в богатой западной стране! Что называется, время — назад»¹.

А если еще вспомнить вызывающие нервный смех примеры современных инструкций к бытовым товарам (типа «не гладить данным утюгом одежду, надетую на тело»), которые любит приводить М. Задорнов, — то картина становится еще более удручающей. Ведь подобные инструкции явно имеют массового потребителя с соответствующим уровнем мышления. Возникает четкое ощущение, что мир прямым ходом движется к реализации одной из антиутопий — Брэдбери, Замятина или Оруэлла.

«Голый король»

Но нет ли в рассуждениях апологетов деконструкции какой-то истины? Ведь эти идеи родились не на пустом месте и опираются на определенные аргументы. Попробуем в них разобраться.

Первый аргумент, как мы помним, связан с социокультурными процессами. Сегодня человеческий мир представляется сложным, «нелинейным», противоречивым, — а это, как многим кажется, опровергает идею порядка. Ну а постмодернизм, как считается, просто отражает и выражает эти изменения, то есть

¹ Калашников М. Мир деградантов — URL: <http://forum-msk.org/material/society/9059833.html>

«...лишь фиксирует и описывает те принципиальные сдвиги, которые наступили в самосознании европейской культуры под влиянием реалий XX века... Культурно-историческая ситуация современности внесла в атмосферу интеллектуальной жизни действительно новые, особые смыслы... Постмодерн говорит нам: истинная культура, культура современности... это не только Кант и Гуссерль, Бетховен и Айвз, Толстой и Кафка, и если вы до сих пор мыслите только в этих координатах "культурной истинности", то пора перестать быть снобами и посмотреть на себя в зеркало посткультуры... К постмодерну надо относиться серьезно — в том смысле, что он совершенно закономерен и идеально вписывается (в онтологическом смысле) в реалии современной цивилизации и культуры»¹.

Но это типичное рассуждение грешит типичными же ошибками. Прежде всего, это придание любым социокультурным процессам статуса «объективных закономерностей». Мол, все, что происходит в мире, — неизбежно; людям же остается смириться и адаптироваться. Причем, не только внешне, но и внутренне: хочешь не хочешь, а принимай «новые смыслы» и глотай постмодернистские опусы и перфомансы.

Автор цитируемой статьи не замечает прямой неувязки: ведь как раз с постмодернистских позиций история — это всего лишь «...некая тонкая пленка сплетающихся друг с другом, пронизывающих друг друга, но, тем не менее, самым проблематическим образом связанных между собой индивидуальных текстов-событий»². Но, в таком случае, с какой стати фаталистически склоняться перед этим случайным сплетением событий-«текстов»? Почему «новые смыслы» имеют приоритет перед старыми, и зачем их непременно принимать, тем более что они завтра же сменятся другими? Кстати, еще Толстой заметил, что ссылаться на современность и ее «требования» любят ограниченные люди.

Но главное даже не в этом. Существуют ли в истории объективные законы — большой вопрос. Мы разделяем идею о том, что это некие *мета-законы*, сложное отражение того самого мирового порядка (Дао, Логоса) в социальном бытии. Но, как уже сказано, они детерминируют человеческое бытие не прямо, а *косвенно*. Это

¹ Уваров М.С. Элитарен ли постмодернизм — URL: http://www.sofik-rgi.narod.ru/avtori/uvarov_postmodern.htm

² Рашковский Е.Б. Постмодерн: культурная революция или культурная контрреволюция? Христианство в истории. — URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/3268>.

означает, что свободная воля человека и человечества может повернуть колесо истории куда угодно. И если выбранный путь лежит «в русле Дао», то личность и общество будут развиваться и процветать; если же наоборот, — деградировать и исчезать с лица Земли¹. Поэтому все социокультурные процессы и «новые смыслы» мы должны не слепо принимать и адаптироваться к ним, а *оценивать* как *истинные* или *ложные*.

Более того, разумный человек тем и отличается от животного, что не столько адаптируется к внешней среде, сколько активно изменяет ее. А также способен изменить себя самого, но именно не адаптируясь, а *выявляя свою глубинную суть*, освобождаясь от случайного и вредного, о чем мы еще будем говорить. Но при этом, подчеркнем еще раз, **если он преобразует себя и мир в соответствии с мета-законами, то пожинает благие плоды; если идет против них — встает на путь, что называется, богоборчества — то результаты неизменно оказываются разрушительными.** И за подтверждениями далеко ходить не надо. Масштабные кризисы во всех сферах — видимый знак нашего «отклонения от Дао»: расширяется не только общество, но и природная основа нашего существования. Это признают даже оппоненты: вспомним еще раз статью Бертильссон, которая в конечном итоге признает:

«Природа... разверзается природными катастрофами: землетрясения, пожары, молнии, наводнения... Природа мстит в форме рисков и опасностей»².

Второй довод постмодернистов связан, как уже было сказано, с развитием естествознания, особенно физики. Популярны утверждения о том, что среди истоков постмодерна — «...теория отно-

¹ В.С. Соловьев проводил очень близкую мысль: «...Следует признать, что в мире моральном есть также роковая *необходимость*, но... *косвенная* и *обусловленная*. Призвание, или та особая идея, которую мысль Бога полагает для каждого морального существа — индивида или нации — и которая открывается сознанию этого существа как его верховный долг, — эта идея действует во всех случаях как реальная мощь, она определяет во всех случаях бытие морального существа, но делает она это двумя противоположными способами: она проявляется как закон жизни, когда долг выполнен, и как закон смерти, когда это не имело места». Соловьев В.С. Русская идея // Русская идея. Сборник произведений русских мыслителей. М., 2002, с.229.

² Там же. Соппротивление людей подобным «практикам», в частности, внедрению ГМО-продуктов, заставляет надеяться, что у достаточной части населения здравый смысл все же не сломлен.

сительности Эйнштейна, квантовая механика Нильса Бора»¹ и т.п. Действительно, ломка привычных представлений, размывание граней между фундаментальными понятиями (материя – энергия, волна – частица, поле – вещество), принципиальная роль наблюдателя, — многих сбивают с толку. Еще большей популярностью пользуется синергетика, которую любят интерпретировать как «оправдание хаоса» против порядка. Но все эти поспешные выводы грешат некомпетентностью или, по крайней мере, поверхностностью. Вот типичный пример:

«...Постмодернистской по духу является гипотеза И. Пригожина о нестабильности Вселенной, исходя из которой мир находится в неустойчивом равновесии, балансируя на грани порядка и хаоса. Следует назвать и фрактальную геометрию Б. Мандельброта... В общем для постнеклассической науки характерны отказ от господствовавшего представления о мире как о ригидном универсуме, подчиненном сумме неизменных законов, в котором нет места хаосу, неустойчивости, нелинейности, неопределенности, и переход к его пониманию в качестве постоянно меняющейся, аморфной, многовариантной в своем развитии и бесконечно сложной реальности»².

Правомерно задать вопросы: на каком основании многовариантность, изменчивость и нелинейность ставятся в один ряд с аморфностью? Почему наличие законов подразумевает «ригидный» универсум? И при чем здесь фрактальность, самая суть которой — именно порядок? Типичное невежество гуманитария.

Но во всех подобных рассуждениях присутствует еще более кардинальная ошибка: крайняя упрощенность *интерпретации самого порядка*, о чем мы уже говорили. **Порядок бытия столь же многомерен, сложен и динамичен, как и само бытие.** Приведем простейший довод: все эти новые явления и процессы описываются математически. А это и значит, что они отражают *порядок* (не отрицать же упорядоченность математики!), — но не примитивный, с которым многие, видимо, только и знакомы, а как раз тот сложный, динамичный, о котором мы говорим.

¹ Титов Д. Ситуация постмодерна в философии и культуре. Место и роль хиппи в становлении постмодернизма — URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Article/Tit_SitPost.php

² Емелин В.А. Лабиринты постмодернизма: идентификация ускользающего смысла. — URL: http://istina.msu.ru/media/publications/articles/245/88d/592700/LABIRINTYi_POSTMODERNIZMA_IDENTIFIKATsIYa_USKOLZAYuSchEGO_SMYiSLA.pdf

В первом приближении, наверное, можно сказать, что существуют:

1) наиболее простые, «редуцированные» порядки, отражающие простые и статичные структуры;

2) принципиально более сложные *порядки процессов* (функции);

3) еще более сложные *мета-порядки, которые задают формирование порядков* определенных классов.

Ну а над всем, судя по этой логике, царит Дао, Абсолют, Бог — Порядок всех порядков, задающий невообразимо тонкую и сложную сетевую взаимосвязь между ними.

Так что открытия естествознания как раз и доказывают высочайшую упорядоченность мироздания — но не примитивную, а, напротив, сложнейшую и пока еще трудно постижимую нашим человеческим разумом. Что же касается довода с хаосом, как бы получившем права гражданства в синергетике, то эта древнейшая идея — *творящего хаоса* — давным-давно утвердилась именно в критикуемой, но не понимаемой постмодернистами метафизике. При этом существование *первичного* хаоса, заключающего в себе бесконечный потенциал новых форм, не только не противоречит идее порядка, но *подразумевает его* как «свое иное». Вот именно — «порядок из хаоса», как и называется бестселлер Пригожина и Стенгера, по сути переоткрывших средствами естествознания эту давно известную философскую идею (подчеркнем, что речь идет именно о *природном*, «творящем» хаосе, а не о вторичном, антропогенном).

Еще один популярный аргумент — «виртуальное торжествует над реальным»¹. У многих сегодня сложилось впечатление о стирании границ между «виртуальной реальностью» и «реальной реальностью», более того, о доминировании первой над второй («мы сами задаем и разрушаем любые порядки!»). Но это снова типичное недодумывание: в компьютерную «реальность» можно играть сколько угодно, но Универсум с его законами от этого даже не шелохнется².

¹ Уваров М.С. Элитарен ли постмодернизм? — URL: http://www.sofik-rgi.narod.ru/avtori/uvarov_postmodern.htm

² даже если признать субстанциальность идеальной реальности, в пользу чего уже есть множество аргументов. Мы дали достаточно развернутый обзор этих доказательств и их интерпретацию в книге: Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю.

Что же касается связи идеи порядка с тоталитарными режимами, то и здесь накопилась масса недоразумений. Ведь в разумной критике этих режимов речь идет не об упразднении порядка и законов, а о принятии *адекватных* законов и контроля над их выполнением. Такой внешний порядок абсолютно необходим, пока человечество не готово полностью руководствоваться моральными нормами. Либертарианцы возразят: законы, мол, должны охватывать минимальный и лишь внешний круг общественных отношений и не вмешиваться в частную жизнь, где любое упорядочивание равнозначно насилию. Но на этот довод есть известный контрдовод: любой человек живет в обществе, и поэтому буквально все, что он делает, прямо или косвенно «аукается» на других людях. То есть граница между общественной и личной жизнью крайне зыбка и условна. Иными словами, порядок необходим везде; другое дело, что вводить и регулировать его необходимо предельно продуманно.

Конечно, на эту тему можно сказать еще очень многое, и мы далее будем на страницах книги к ней обращаться. Но, надеемся, что даже из этого поверхностного и беглого обзора ясна, мягко говоря, непродуманность аргументов апологетов «деконструкции». Король снова оказался голым.

Природа человека

Остается еще один важный вопрос. Если свободная воля человечества (то есть, по сути, сумма многих и многих индивидуальных волей) выбрала сегодняшний цивилизационный путь, то не значит ли, что этот выбор как раз и закономерен? И тогда вроде бы нет смысла рассуждать, куда он ведет: иного пути нет, и остается лишь как-то приспособливаться. Именно так рассуждают многие современные авторы. Остановимся на этом подробнее и снова немного пофилософствуем.

Собственно говоря, мы выше уже касались этой проблемы, говоря о принципиальной важности свободной воли и личностного выбора. И подчеркнем, что это, по сути, вопрос о «*природе человека*» и о том, каким образом человек может поступать вопреки собственной природе, выбрав ложный путь и цели своего существова-

ния. Эти вопросы не надуманы: они издревле волновали философов. Но более того: на них давно были получены глубочайшие ответы в рамках древних доктрин, а также в их дальнейшем развитии вплоть до XX века. В них была обоснована сложная духовно-физическая природа человека, вписанного в реальность Космоса, закономерности его развития и многое другое. Мы в последней своей книге назвали эту линию *«метафизикой всеединства»* (по имени выдающегося по своим результатам направления в русской философии)¹.

Но, как уже сказано, в последние века эта линия была вытеснена усеченными и простыми моделями-схемами «разумного человека» и «разумного общества». Как писал Ортега-и-Гассет,

«вся история в целом представляется нам гигантской лабораторией, где производятся всевозможные опыты, чтобы найти формулу общественной жизни, наиболее благоприятную для выращивания "человека"»².

Эти схемы представлялись самоочевидными и не нуждающимися в метафизических основаниях. Надо лишь, как считалось, освободить человека от внешнего гнета, создать условия для полноценной жизни. И, казалось бы, европейская история шла в этом направлении, в русле которого и сформировалась либерально-демократическая доктрина. При этом ее сторонники были убеждены, что освобожденные люди автоматически потянутся к свету знания и культуры и «выращивание человека» пойдет полным ходом.

Но эти иллюзии быстро развеялись. Вместо общества нравственных, активных и разумных граждан на сцену вышла инертная «масса», о которой так много писали в XX веке. Здесь стоит напомнить, что «массовость» мало связана с социальным статусом и даже с образованием. Проще всего, вслед за Ортегой-и-Гассетом, охарактеризовать «человека массы» как *существо, лишенное идеалов* и, следовательно, неспособное на отрешение от себя и служение чему-то высшему. И это неудивительно: ведь для него «все равны» и «все равно» — в смысле «в мире нет ничего и никого, перед чем/кем я могу искренне и с благоговением склониться». По-

¹ См. Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю. Человек восходящий: философский и научный синтез «Живой Этики». Барнаул, 2012.

² Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. — URL: www.koob.ru

этому «человек массы» духовно инертен, эгоистичен и индивидуалистичен, воспринимает мир как нечто сугубо внешнее, безразличное и предназначенное исключительно для его личного обустройства. Говоря в терминологии Э. Фромма, он нацелен на *обладание*, а не на *бытие*.

Это печальное «открытие» — то, что массовый человек отнюдь не таков, каким представлялся философам-просветителям, и, стало быть, нет никаких надежд на скорое торжество прогресса и разума, на построение процветающего и бесконфликтного общества — стало называться «крахом проекта Просвещения».

Разочарование в этих идеях вызвало и отказ от попыток решения проблемы «природы человека». Человек распался на множество плохо согласованных друг с другом моделей-схем. При этом даже самый очевидный вопрос не получил ответа, а именно: почему люди такие разные? Почему одни — безликие и алчущие «люди массы», т.е. эгоисты и потребители, а другие — самоотверженные подвижники и борцы? Почему одни сострадательны и гуманны, другие — равнодушны и жестоки? Почему кто-то довольствуется низкопробными шоу, а кто-то тяготеет к высокой культуре и т.д. Причем, все эти различия в итоге были квалифицированы не как *добродетели и пороки*, а как «личностная специфика»: мол, если вы, скажем, глубоко религиозны, то попросту таковы ваши вкусы. Показательно, что эта тенденция захватила не только культуру, но и психологию: духовно-нравственные проблемы по большей части также оказались вытесненными в сферу личных особенностей, а процесс психотерапии свелся к адаптации клиента к внешним социальным реалиям, желательно с минимальным напряжением и при пассивности самого клиента. Нечто типа подкручивания разболтавшихся гаек в машине. И, судя по всему, без особых успехов; не случайно Р. Мэй иронически назвал подобные методы «макдональдс-терапией»¹.

Иными словами, самая популярная сегодня схема предельно примитивна: никакой особой и сложной духовной природы у человека якобы нет. Он просто «разумное животное», то есть индивидуалист и потребитель, преследующий свои цели. Причем, прежде всего телесные и материальные, ну а плюс к этому — просто по

¹ Цит. по Динабург С.Р. Аксиологические основания невозможной профессии: заметки о психотерапевтической нейтральности // Вестник Пермского университета. 2011. Философия. Психология. Социология Выпуск 2(6). С.108.

своей прихоти! — и любые другие: познавательные, творческие и пр., которые ничем не лучше и не хуже первых. И надо лишь найти механизмы, чтобы в рамках общества эти разнородные цели согласовать. Да, мы все разные, почему — неясно, а объединены друг с другом лишь одним: необходимостью сосуществовать вместе на крохотном земном шарике. Поэтому давайте как-то ухитримся приспособиться и не мешать друг другу (отсюда и «толерантность»). Конфликты при этом неизбежны, но попробуем решать их без особой крови. Вот, по сути, и весь итог долгих исканий. Итог, прямо скажем, не вдохновляющий.

Но самое печальное, что и он недостижим. Конфликты и взаимное непонимание лишь нарастают, причем во всех сферах — не только в геополитической и экономической, но и в идейной. Скажем, те же «виктимизированные сообщества»¹ («афроамериканцы», сексменьшинства, феминистки и иже с ними) агрессивно требуют все больших прав и льгот, в ущерб тем, кто, напротив, не хочет мириться с однополыми браками, узаконением инцеста или гонениями на религии. Можно сколько угодно твердить о толерантности², но эти заклинания ничего не решают: ведь никому не ясно — почему я должен терпеть то, что идет вразрез с самыми моими глубинными и жизненно важными интересами? Нет никаких единых критериев: кто прав, кто заблуждается? — и в итоге каждый «тянет одеяло на себя». Многие западные авторы уповают на совершенствование правовой системы, но, как верно пишет Дж. Грей, право — это не истина в последней инстанции, а тоже отражение чьих-то представлений (конкретных групп, этносов и

¹ «Это название, производное от англ. victim — жертва, — представляет собой почти до безграничности расширенное понимание дискриминации. Вопрос только в том, по какому признаку представители той или иной группы чувствуют себя дискриминированными, т. е. жертвами общества (в такую группу могут, например, объединиться лысые и т. п.)» — Лобанова Л.П. Новый стиль речи и культура поколения. Политическая корректность. — URL: www.portal-slovo.ru/philology/37421.php

² Известный политолог Дж. Грей в работе «Поминки по Просвещению: политика и культура на закате современности» старается вернуть исходный смысл термина «толерантность», который как раз предполагал оценочность, то есть признание, что один образ жизни и мыслей может быть лучшим, другой худшим. Но он также уходит от ответа на вопрос: по каким критериям мы можем оценивать лучшее и худшее? Эти критерии могут быть выработаны только на основе признания неких абсолютов, которые не зависят от нашей субъективности (см. Грей Дж. Поминки по Просвещению: Политика и культура на закате современности. М., 2003.)

даже личностей). И поэтому правовая система постоянно меняется, в том числе под давлением тех же меньшинств, отражая то одни, то другие интересы и снова вызывая несогласия и конфликты. Получается заколдованный круг.

И снова скажем, что выйти из него можно лишь вернувшись к древним идеям о **единой природе человека, вписанной в мировой порядок бытия**, и о его свободной воле, которая в постоянной внутренней борьбе выбирает свой путь — саморазвития или же саморазрушения. Выбирает и то, как именно идти, по каким дорогам и тропинкам; прямо и уверенно или же постоянно уклоняясь и набивая шишки. Именно поэтому люди и разные, причем, *качественно* разные: одни поднимаются к вершинам, а другие, увы, сползают вниз.

Ясно, что здесь не может идти речь о неразборчивой «толерантности». Надо четко понимать, что есть **равноценные** (взаимодополняющие, взаимообогащающие) **различия**, естественное многообразие (те же самые различия пола, расы, национальности, культурных традиций), — а есть совсем иное: не просто различия, а **непримиримые противоречия**, несовместимость верха и низа, позитивного и негативного, лжи и истины, красоты и безобразия. И принимая и поддерживая первое, — необходимо изживать ложь, безобразие и порок, а во многих случаях прямо бороться против них. И это не сугубо человеческое «бинарное мышление», как многие считают, а характеристика *самого мирового бытия как упорядоченного целого*, в которое лишь человеческая воля привносит зло. Эта древнейшая идея, которую люди самоуверенно отвергли, сегодня возвращается во всей своей полноте.

Теперь напомним еще один важнейший метафизический тезис. А именно: внутренняя, глубинная человеческая основа, «природа человека» — едина и согласована с природой Универсума. Но дело в том, что она **не проявляется автоматически**, сама по себе — как наивно полагали и в чем жестоко обманулись философы-просветители.

Эта глубинная природа, как принято говорить, нам «не дана, а задана». Образно говоря, это зерно духа, которое надо прорастить личными усилиями, — в отличие от реального зерна, которое как

раз прорастает само¹: «порядок бытия» прямым образом направляет жизнь этого зерна и всей низшей природы в целом. Человек же должен приложить собственные усилия — вначале для того чтобы осознать в себе это «зерно», услышать голос своего духа. И потом, руководствуясь им в жизни, постепенно вырастить из себя Человека.

Эта древнейшая идея отразилась в наиболее глубоких философских и религиозных системах в модели «двух Я» в человеке. Низшее, эмпирическое «я» (то есть наша привычная личность) — это как бы сырой материал, руда со множеством ненужных примесей, из которой только еще предстоит выплавить благородный металл. Высшее же Я — это, с одной стороны, то самое «зерно», «искра Бога в душе», которая имманентно присутствует в нашем сознании как образец, *идеал совершенной, прекрасной личности* (вспомним греческий термин «калокагатия»). С другой стороны, это одновременно и то лучшее и высшее что *сейчас* есть в данном конкретном человеке, — то есть его личный «золотой слиток», выплавленный на данный момент его усилиями, неуклонным стремлением к идеалу. Иногда приходится слышать вопрос: «зачем такие мучения, почему этот голос духа не звучит в нашем сознании автоматически»? Но в этом случае каковы были бы наши заслуги? В чем бы состояло и проявлялось достоинство и благородство, упорство и мужество, чуткость и тонкость и все прочие нравственные качества, которые и придают человеку его духовную красоту? Мы превратились бы в роботов с заложенной программой развития.

Теперь с этих позиций можно совершенно иначе посмотреть на сегодняшний цивилизационный путь, которым несколько последних столетий шло человечество и который некритически или по злему умыслу был объявлен «закономерным и неизбежным». Против этого тезиса возникают сразу несколько возражений.

Во-первых, еще раз подчеркнем, что свободный выбор человека — и, значит, общества — может быть как верным, так и ложным. И *сам факт ложного выбора*, то есть то, что он уже состоялся, — *не превращает его в правильный и «естественный»*. Тем более что на выбор влияют очень многие факторы и, в первую очередь, как раз господствующие в обществе идеи, ценности, уровень

¹ Хотя и тут надо сделать оговорку: все последние данные свидетельствуют об активности растений, не говоря о животных. То есть в каком-то смысле даже зерно растения прилагает «личные усилия», чтобы прорасти!

культуры и образования. Все это сегодня находится в весьма плачевном состоянии. И не забудем о том масштабном целенаправленном воздействии на умы и души людей, которое идет уже достаточно продолжительное время. Более сильные и стойкие люди сопротивляются внешнему прессу, но многие не выдерживают.

Во-вторых, нынешняя техногенно-потребительская цивилизация существует очень недолгое, по историческим меркам, время, и поэтому вряд ли можно считать ее глобальным «выбором»; скорее, временным заблуждением.

В-третьих, **не может быть «естественным» путь, ведущий цивилизацию к гибели**, — а в этой печальной оценке сходятся сегодня самые разные исследователи.

И, в-четвертых, самый, пожалуй, убедительный факт — уже упомянутое растущее сопротивление людей насаждаемому «плюрализму» и моральному беспределу. Оно особенно показательно именно на фоне промывания мозгов и как раз говорит о том, что наша человеческая природа все громче подает свой голос.

Новое осмысление «порядка бытия»

Итак, то, что разрушение идеи о порядке бытия заводит в тупик, — достаточно очевидно. Но это, так сказать, доказательство «от противного». А есть ли какие-то современные «положительные» данные, которые говорили бы о том, что мы должны к этой идее вернуться? И если да, то как сегодня понимать этот порядок? И на что мы здесь можем опираться — прежде всего, на какую мировоззренческую базу? Развернутые ответы на эти масштабные вопросы даны во многих книгах¹, и мы отсылаем к ним интересующихся читателей, а в этой работе лишь обозначим основные тезисы.

Начнем с того, что **мы не имеем в виду буквальный возврат к какой-либо одной конкретной религии или философской доктрине**. Наш центральный тезис, который мы поддерживаем и

¹ В том числе, в наиболее близких нам трудах русских религиозных философов, а также в интереснейшем, но еще плохо исследованном теософском учении Е.П. Блаватской и его продолжении в «Живой Этике» семьи Рерихов. Отсылаем читателя также и к нашим книгам, в частности, к уже упомянутой: Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю. Человек восходящий: философский и научный синтез «Живой Этики». Барнаул, 2012.

стараясь развивать вслед за многими выдающимися мыслителями, состоит в том, что разные религии, религиозные и идеалистические философские системы, да и сама наука (не «зараженная» постмодернистской идеологией) — представляют собой различные (а значит неполные) грани Истины и одновременно пути к Истине.

Их объединяет главное: *признание порядка бытия и вписанности человека в этот порядок* — со всеми выводами, которые отсюда следуют. Разъединяют же неизбежные искажения, вносимые нашим неизбежным субъективизмом, земным измерением религии, науки и философии. Можно утверждать, что отсюда и происходят все расколы между этими сферами и между различными мировыми религиями. **Объективных причин для противостояния нет**, и это становится ясно все большему числу людей, пытающихся эти расколы преодолеть. Но пока что не очень успешно: многие семинары и конференции, посвященные «диалогу религий», «диалогу между религией и наукой», сводятся к утверждению собственных позиций каждой из сторон вкупе с дипломатическими реверансами друг другу. И это понятно: ведь для настоящего диалога надо прежде всего признать, что над частными истинами того мировоззрения, которого ты придерживаешься, есть единая Истина. А за этим признанием у искреннего исследователя — на какой бы позиции он ни стоял — должно последовать решение посильно участвовать в соборном поиске этой Истины. Он неизбежно включает и непредвзятый анализ своего собственного мировоззрения, очищение его от «наростов», открытость другим путям и, главное, повторим, — **осмысление и дальнейшее развитие тех самых единых основ, общего ядра идей**, которое красной нитью проходит через всю историю человеческой мысли.

И здесь подчеркнем, что «положительных данных», свидетельствующих в пользу неслучайности этих идей, становится все больше. О них говорят уже более полувека: поразительны параллели физики микромира с буддизмом; удивителен факт «точной настройки» параметров Вселенной, зафиксированный в так называемом «антропном принципе». А вот выдержка из недавней статьи:

«В 2004 году нейробиолог Кристоф Кох писал: "...Все наши теории и эксперименты основываются на конкретных философских допущениях. Это обстоятельство прямо-таки бесит многих исследователей и поэтому редко признаётся. Такие базовые понятия, как реальность, космос, время, причинность, которые составляют ядро науки, опираются на метафизические предположения..." Заметны признаки того, что совре-

менная наука вновь начинает интересоваться философией. Причиной тому — трудности физики и космологии, а именно проблема объяснения "тонкой настройки" Вселенной.... Короче говоря, **Вселенная обладает таким набором свойств, как будто её специально настраивали под создание разумной жизни** [выд. нами — *авт.*]¹.

Здесь мы видим явный возврат к той самой идее «порядка бытия» и некоего Сверхразумного Начала, Абсолюта, задающего этот порядок. А величественный символ Дао, «Пути», фиксирует другой важнейший аспект — динамичность и сложность этого порядка, или, как бы мы сегодня сказали, *направленную эволюцию* мироздания, в ходе которой формируется и развивается нравственный разум. Отметим, кстати, что эта идея активно развивается в научно-философском направлении универсального эволюционизма.

Не менее показателен и явный возврат к идее о *субстанциальности идеального бытия*. В только что процитированной статье также говорится:

«Физик Макс Тегмарк в недавно вышедшей книге "Наша математическая вселенная" доказывает... что... все математические законы и построения **действительно существуют и являются предельным материалом вселенной** [выд. нами — *авт.*]².

Иными словами, идеальные структуры, начиная с математических (а также и ценности, смыслы), имеют *самостоятельное бытие*, и именно они формируют бытие материальное. И наше сознание при таком подходе — это отнюдь не «закодированная информация» в примитивном ее понимании, а особая реальность, сложным образом укорененная в идеальной реальности Космоса.

Напомним снова, что к этим и другим классическим метафизическим идеям на протяжении последнего века обращались такие известнейшие российские и западные ученые, как Д. Бом и Ф. Капра, В. Налимов и Дж. Лилли, М. Элиаде и Е. Торчинов, С. Курдюмов и Е. Князева, а сегодня их подхватывает и развивает множество других ученых, при этом, подчеркнем, не просто «философствуя», а подтверждая свои выводы многими эмпирическими данными³. Скажем, еще в русле трансперсональной психологии, у

¹ Целиков Д. Нужна ли физике философия? — URL: <http://compulenta.computerra.ru/veshestvo/fizika/10012419/>

² Там же.

³ Мы специально говорим о подтверждении этих идей эмпирическими фактами, вопреки попыткам философии науки XX века не просто зафиксировать «теорети-

истоков которой стояли известные ученые, началось активное исследование мистического опыта (так называемые «измененные состояния сознания»), где были получены интереснейшие результаты. Можно также вспомнить работу А.П. Дуброва и В.Н. Пушкина «Парапсихология и современное естествознание», где приведены результаты успешных и тщательно поставленных экспериментов, в частности, явно указывающих на зачатки психики у растений¹. Приведем еще одни поразительные результаты исследований, проводимых в Институте математики сердца (Калифорния, США), прямо пересекающиеся с древнейшими представлениями о сердце как органе духовного сознания:

- «Сердце — не простая "помпа", но очень сложный, самоорганизующийся информационный центр со своим собственным "мозгом"... Сообщения, которые сердце шлет мозгу, влияют не только на физиологическую регуляцию, но на восприятие, эмоции, поведение и здоровье...

- Сердце... участвует в функционировании единой системной модели (структуры) эмоций, которая включает мозг, нервную сеть и гормональную систему как основные компоненты... Сердце и мозг ведут непрерывный двусторонний диалог, каждый влияя на функционирование другого.

- Сердце создает сильное ритмизированное электромагнитное поле вокруг тела. Мозг и клетки тела постоянно «омываются» этим полем, которое может регистрироваться чувствительными приборами на расстоянии нескольких футов от тела... Сердечное поле является переносчиком эмоциональной информации и биоэлектромагнитной коммуникации как внутри, так и вне тела... Исследования показали четкие изменения поля сердца в зависимости от испытываемых нами эмоций, причем эти изменения регистрируются мозгом других людей вокруг нас и способны влиять на функционирование клеток, на воду...

- Сердце имеет свою собственную логику, которая часто отлична от автономной нервной системы... Сердце обладает подлинной сложной нервной системой, которая может быть классифицирована как «маленький мозг». Сложная схема этого мозга **позволяет ему действовать независимо от головного мозга — познавать, учиться и даже чувствовать и переживать** [выд нами — *авт.*]..

- Накапливаются факты, свидетельствующие о том, что энергетические взаимодействия, в которые включено сердце, **лежат в основе**

ческую нагруженность» факта (что справедливо), но, по сути, нивелировать его значение.

¹ Дубров А.П., Пушкин В.Н. Парапсихология и современное естествознание. М, 1989.

феномена интуиции и других важных аспектов человеческого сознания...[выд нами — *авт.*]. Сердце воздействует на наш интеллект и познание»¹.

Показательно, что и уже упомянутая психотерапия от упрощенно-редукционистских моделей и практик постепенно обращается к тем же самым древним представлениям. С.Р. Динабург пишет о том, что происходит возвращение в психотерапию морально-нравственных вопросов, необходимости для пациента осознания своей вины во многих собственных проблемах, а значит, необходимости самоизменения, работы над собой — того самого «выплавления золотого слитка из руды». Прежняя модель предполагала желание клиента с помощью неких манипуляций просто избавиться от страданий, переживаний, «...получить себя как продукт "излечения", не нуждающийся в дальнейшем движении»². Сегодняшний альтернативный подход базируется, как подчеркивает автор,

«... на обращении к универсальным духовно-нравственным ценностям, а не наличному социальному измерению человеческой реальности. В основе должно лежать признание существования общих духовных ценностей — духовных сил, управляющих поведением человека... У каждого человека есть все необходимые и достаточные "ресурсы" для ... радикальной внутренней трансформации... Таким образом, эта модель — не форма одностороннего воздействия на пациента, а общий отрезок пути (совместный процесс), на котором один (терапевт) создает условия для инициального опыта и извлечения смысла — расчищает дорогу и выступает в качестве проводника»³.

Добавим лишь, что на самом деле эти идеи не новы — их высказывали на протяжении всей второй половины XX века такие выдающиеся психологи-философы, как Э. Фромм В. Франкл, Р. Ассаджиоли, А. Маслоу и др.

И наконец, напомним, что все отчетливее фиксируется понимание того, что человеческая жизнь не заканчивается со смертью физического тела. Об этом косвенно говорят и известные наблюдения доктора Р. Моуди, и не менее известные результаты масштабных экспедиций Я. Стивенсона, собравшего около двух тысяч документированных свидетельств-воспоминаний о предыдущей

¹ Сайт Института математики сердца: — URL: <http://www.heartmath.org/research>

² Динабург С.Р. Указ.соч., с. 109.

³ Там же.

жизни¹. Кстати, отметим, что попытки объяснить эти явления субъективными психическими состояниями людей явно неудачны, так как почти все воспоминания опираются на проверяемые биографические факты.

Подчеркнем, что подобных результатов сегодня накопилось множество (мы привели лишь несколько), и они все настойчивее требуют системного анализа и осмысления. На наших глазах идет **формирование новой парадигмы**, в которой, как мы и подчеркивали еще в первой книге, будет постепенно осуществлен **синтез научной, философской и религиозной мысли**. Этот процесс идет все активнее, и современные ученые не должны отрицать очевидное. Мы еще обратимся к этой теме в следующем очерке.

Но, повторим еще раз, нельзя механически вернуться к какой-либо одной философской или религиозной доктрине, отягощенной ограничениями и искажениями. Тем более что и сама вера — это, по сути, *другая форма познания*, а процесс познания беспределен. И старые идеи для непредубежденного и серьезного исследователя каждый раз начинают поворачиваться новыми гранями. Формирование новой парадигмы, которую можно с равным правом назвать *метарелигией* или *метанаукой*, требует глубоких знаний, гибкого и целостного мышления, непредвзятости вкупе со строгостью и, главное, — систематического и упорного, индивидуального и соборного *труда*.

Причем, труда не только интеллектуального, но и *социального* — активного участия в преобразовании мира, по известной поговорке: «уходя, оставь мир лучшим, чем он был, когда ты пришел в него». Лишь в подобном самоотверженном, не-эгоистическом труде не только формируется тот самый «золотой слиток» нашей ис-

¹ Подобная работа ведется во всем мире, в частности, в Бангалорском институте психического здоровья и невропатологии и в Делийском университете, где за последние четверть века зарегистрировали около 300 подобных случаев. 45 из них описаны в недавно изданной в Дели книге известной исследовательницы в этой области доктора Сатвант Пасричи "Претензии на реинкарнацию. Эмпирическое изучение случаев в Индии". На протяжении более 10 лет она тщательно проработала десятки проявлений подобного феномена, описала как типичные, так и нетипичные случаи, выявила определенные закономерности (см. Капустин М. Блуждающие души.— URL: <http://www.theosophy.ru/lib/reink.htm>)

тинной личности, но даже и проверяются многие, казалось бы, глубоко теоретические положения¹.

Возвращаясь же к началу этого очерка, зафиксируем, что лишь на этой основе можно заново обосновать и мораль — не как свод догматов или правил поведения, мало отличных от этикета, а именно как голос собственного духа, к которому нужно научиться прислушиваться. И исходя из этого, вырабатывать *критерии оценки любого явления* личной или общественной жизни: должно ли оно быть поддержано культурой, воспитанием, образованием и, наконец, государственными законами — или, напротив, должны быть созданы условия для его постепенного преодоления (или же его следует прямо запретить).

В следующих очерках мы постараемся показать, что формирование нового духовно-экологического мировоззрения и постепенный переход к новой цивилизации, будет происходить в различных сферах жизни и потребует вполне конкретных действий, однако именно идея универсального порядка бытия задает твердый онтологический и ценностный фундамент подобных исканий и действий, позволяет обрести правильный стратегический ракурс видения того, что происходит в современном мире, дать не только разумную критику сущего, но и деятельно утверждать должное.

Очерк второй

Наука и образование: поле битвы за человеческую душу

Мы, разумеется, не претендуем в одном коротком очерке дать сколько-нибудь полную картину этих ключевых сфер жизни современного общества. Остановимся только на некоторых аспектах и проблемах, которые, на наш взгляд, наиболее показательны.

¹ Попутно отметим, что не может не вызывать недоумения довольно распространенная интерпретация *смирения* многими современными христианами как отказа от активной жизненной позиции (по сути, «взваливание на Бога» решения земных проблем).

«Конец науки» или начало метанауки?

Начнем с теоретических проблем. «Конец науки» — так назвал свою известную книгу американский журналист Дж. Хорган. Хотя у большинства людей все еще сохраняется представление о том, что наука семимильными шагами идет вперед и открывает неизблемые истины, но среди специалистов, напротив, раздаются голоса о том, что фундаментальная наука все более заходит в тупик. Не случайно на протяжении всего XX века так интенсивно развивалась философия науки, в рамках которой исследователи пытались осмыслить эти процессы. В нашей последней книге мы попытались суммировать основные тенденции и нарастающие проблемы в современной науке. Приведем некоторые из них:

- Выявляющийся *предел эмпирической проверяемости* теорий по мере углубления в микро- и мегамир. Это важнейшая проблема, которая уже встает в полный рост: ведь эмпирическая (опытная) проверка теорий — это «кит», на котором стояло все естествознание предыдущих веков. Но что делать, если все более сложные объекты, которые мы изучаем, — микрочастицы или, напротив, мегагалактики — уже нельзя привычно и напрямую «потрогать руками»? Мы судим о них лишь по косвенным проявлениям. Но ведь на этой основе можно построить совершенно разные теории, что сегодня и делается.

Причем, нельзя сказать, что это всего лишь частные проблемы в конкретных научных областях. Как раз наоборот: изучая элементарные частицы и космические процессы, мы пытаемся познать самую основу, «кирпичики», нашей реальности, и от этого зависит вся остальная картина мира. Поэтому не может не удручать то, в каком количестве здесь плодятся новые гипотезы, где главным критерием является удачная подгонка математического аппарата под опытные данные. Но это уже не наука, в ее традиционном понимании, а что-то иное, и встает вопрос — что именно?

- «Размывание» трактовок базовых понятий — таких, как материя, энергия, пространство, время и т.д. В обыденном сознании материя — это «вещество», то, что можно именно «потрогать руками». Но в сегодняшней науке это наивное представление ушло в прошлое. Сейчас материя понимается как довольно неопределенное *нечто*, которое *как-то* дает о себе знать в систематических проявлениях. Не очень обнадеживающая и содержательная трактовка, не правда ли? Более того, ведь ее вполне можно применить и

к *идеальной реальности*. Например, знаменитые виртуальные частицы определяются как «рожденные» вакуумом, с помощью которых «реальные» частицы обмениваются друг с другом взаимодействиями. Но ведь это опять лишь теоретическая модель: виртуальные частицы невозможно зафиксировать в эксперименте, а поэтому хочется задать «наивный» вопрос: материальны ли они, да и вообще — существуют или нет? По словам известного физика Хокинга, существуют, так как «...создают эффекты, поддающиеся измерению»¹. Хокинг не замечает, что точно в этом же смысле можно утверждать самостоятельное существование математических структур или самих законов природы (что, как мы видели, уже и делается): хотя сам закон нельзя «потрогать», но он именно «создает эффекты, поддающиеся измерению»!

Еще сложнее обстоит дело с понятием энергии:

«В ходе исторического развития науки энергия превратилась в одну из наиболее трудно доступных для понимания категорий... В некоторых из имеющихся определений можно видеть явное отождествление энергии-меры с той сущностью, которую эта мера призвана определять»².

Действительно, энергия из *меры* незаметно стала *субстанцией* — чем-то, что имеет реальное (как бы даже «отдельное») существование. Но как это понимать? Что это означает, когда частица (например, фотон) «превращается в энергию»? Показательно, что сами физики уже и не пытаются это объяснить с позиций здравого смысла³. Да и что такое частица, если она же — волна (причем тоже не в привычном смысле)? Еще хуже обстоит дело с множеством новых понятий, которые существуют в рамках самих научных теорий, и неясно — соответствует ли им что-то в реальном мире? А если да, то что именно? Ведь, повторим, теории множатся и не совпадают друг с другом.

«...Очень остро стоит вопрос о том, что же на самом деле мы наблюдаем? А еще острее вопрос стоит о том, что же на самом деле описывает большинство действительно выдающихся достижений человеческой теоретической мысли? Насколько реальны минивселенные и со-

¹ Хокинг С. Краткая история времени. От большого взрыва до черных дыр. — URL: www.koob.ru

² Вейник А.В.И. Термодинамика реальных процессов — URL: <http://veinik.narod.ru/html.content/veinik-0098.htm>

³ то есть не дают, как принято говорить, качественной интерпретации.

державшая их Мета Вселенная инфляционных моделей? Насколько объективны в своем существовании тахионы, кварки и лептоны, инфлатоны, аксионы, монополи?..»¹

• Общеизвестные параллели между современными научными моделями и древними философско-идеалистическими и философско-религиозными системами. Мы уже приводили их примеры в первом очерке.

Это одна из тем, которые особенно раздражают традиционных материалистов. Во-первых, из-за того, что совпадения научных представлений с древнейшими идеями отмечаются известнейшими учеными, которых трудно обвинить в «пропаганде лженауки». Во-вторых, в силу невозможности найти объяснение этому факту, кроме одного — того, что мыслители древности обладали способностями *прямого (интуитивного) видения* базовых структур реальности, что никак не вписывается в сегодняшние представления о человеческом разуме и сознании. Поэтому неудивительна реакция известного популяризатора науки:

«...Как без всяких экспериментов, одними чисто логическими рассуждениями древние философы сумели угадать то, что современная наука открывает, используя всю мощь доступных ей технических средств? Это выглядит каким-то чудом»².

Пытаясь все же объяснить данный факт, он пишет:

«На самом деле их идеи, конечно, опирались не на одну “игру ума”, но и на анализ повседневного опыта и тех сведений о свойствах физических явлений, которыми уже располагала наука того времени»³.

Но аргумент явно натянут: ведь если бы фундаментальные законы Вселенной так просто открывались, зачем вообще нужна «вся мощь технических средств»? И из какого повседневного опыта можно извлечь, например, представления о строении вакуума — Великой пустоты?

• Необходимость осмысления накапливающихся фактов так называемых паранормальных явлений. Попытки попросту отмахнуться от них ничего не дают: на фоне действительно распространенного и критикуемого шарлатанства — растет и число серьезных

¹ Эрекаев В.Д. Полиинтерпретационная квантовая парадигма — URL: http://newuc.jinr.ru/img_sections/file/Aspirant/PIKP.doc

² Барашенков В.С. Кварки, протоны, Вселенная. М., 1987, с.84.

³ Там же.

исследований, и, главное, неопровержимых фактов, которое скоро превысит критическую массу. Приведем всего несколько примеров. Это, прежде всего, известный феномен буддийского ламы Итигэлова. Он был поднят в 2002 году из-под земли, где пребывал в состоянии глубокой медитации 75 лет с 1927 года. Живое тело ламы — наглядное опровержение всех известных законов биологии и физиологии. Оно не разложилось за эти годы: ткани не отличаются от тканей обыкновенного человека, суставы гнутся. От тела исходит благоухание, и оно изменяет вес в присутствии других людей. В православии мы также сталкиваемся с явлениями преображенной телесности; например, в 1997 году были вновь обретены нетленные мощи преподобного Александра Свирского, умершего в 1533 году. Его тело также благоухает, мироточит и, подобно телу хамбо-ламы Итигэлова, не подвержено тлению. Кроме того, совершенно не объясненными остаются многократно наблюдаемые и строго зафиксированные факты, например, хождения по раскаленным углям; способности совершить физическую работу в состоянии аффекта, принципиально превосходящую реальные возможности человека (мать поднимает автомашину, спасая ребенка); гипноза без использования каких-либо специальных средств (слов, жестов и пр.); телекинеза; способности филиппинских целителей производить операции без травмирования ткани¹ и многие другие.

Таким образом, наука сегодня, как принято говорить, столкнулась с серьезным вызовом. И на этот вызов даются три основных ответа.

Первый, весьма распространенный — счесть все эти проблемы «запредельными», нерешаемыми, на которые поэтому не стоит тратить время. При этом науку начинают рассматривать только как средство материально-технического прогресса. Такой подход можно назвать *утилитаристским*: главная цель науки — давать проверяемые предсказания, чтобы помогать человечеству овладевать природой. Каким образом эти предсказания работают — не так уж

¹ Одна из авторов лично присутствовала еще в советское время на закрытом просмотре документальной любительской съемки таких операций, предоставленной врачом из Японии. Конечно, здесь надо различать подтвержденные случаи и многочисленные примеры откровенного шарлатанства, спекулирующих на интересе людей к необычному. Но сколько бы ни было подобных шарлатанств, они никоим образом не опровергают действительные и задокументированные факты (чего, к сожалению, не хотят признать авторы разоблачительных статей, выступающие в роли «борцов против лженауки»).

важно. Тем более что прикладная наука в совокупности с техникой (создание новых материалов, лекарств, механизмов и пр.) пока что активно развиваются.

Но не оказываемся ли мы при этом в роли лабораторных обезьян, которые «методом тыка» научились нажимать на разные рычаги и получать то банан, то конфету, не понимая действительных причин происходящего и, соответственно, не представляя, чем все это закончится. Подобный горький юмор давно уже звучал в произведениях научных фантастов, как, например, Б. и А. Стругацких:

«Мы обнаружили много чудес. В некоторых случаях мы научились даже использовать эти чудеса для своих нужд. Мы даже привыкли к ним... Обезьяна нажимает красную кнопку — получает банан, нажимает белую — апельсин, но как раздобыть бананы и апельсины без кнопок, она не знает. И какое отношение имеют кнопки к бананам и апельсинам, она не понимает. Назовем эту группу объектов полезными. Можно сказать, что в какой-то степени человечество ими облагодетельствовано, хотя никогда не следует забывать, что в нашем евклидовом мире всякая палка имеет два конца...»¹

Второй вариант ответа, о котором мы уже говорили, основан на постмодернистской парадигме. Здесь вопрос о познании мира вообще считается некорректным, да и неважным, и наука понимается как вид интеллектуальной игры, а теории — как конструкции нашего разума. Здесь мы сталкиваемся с чистейшей *апологией творческого произвола* в науке, в лучшем случае ограниченного рамками принятых в научном сообществе соглашений. Однако подобный подход справедливо не разделяется большинством ученых, более того, если его довести до логического конца, то надо ставить крест на главной цели науки — достижении объективной истины и, соответственно, на ее роли в качестве арбитра при решении практически всех основных проблем современного общества. Кроме того, предсказания-то науки все же работают, в отличие от других интеллектуальных игр, и это надо как-то объяснять!

Соответственно, *третий* ответ на «вызов» — кардинально пересмотреть наш взгляд на мир и на человека. Мы уже говорили об этом в первом очерке, но в силу важности темы вернемся к ней еще

¹ Стругацкий А., Стругацкий Б. Пикник на обочине // Стругацкий А., Стругацкий Б. Пикник на обочине. Отель «У погибшего альпиниста». Улитка на склоне. М., СПб., 2000, с. 129-130.

раз. Наука должна *осознанно* обратиться к богатейшему и практически ею не понятому и не оцененному (за исключением ряда выдающихся ученых) опыту других сфер культуры — философии и религии. Подчеркнем: не к обрядам и догмам, а к тому **единому ядру основных идей величайших философско-идеалистических и религиозных доктрин** (линии метафизики всеединства), о котором мы писали в первом очерке.

И прежде всего признать не просто «порядок бытия» (ученые-естественники чаще всего его признают), а именно ***порядок, укорененный в Высшей (идеальной) реальности***. То есть признать и саму эту идеальную реальность как имеющую самостоятельное существование и более того, *структурирующую, организующую нашу физическую материю*. Иначе говоря, вернуться на новом уровне к платонизму, чего многие ученые и философы до сих пор панически боятся («тяжелое наследие» узко-материалистического прошлого последних веков!). Но не случайно, напомним еще раз, последний век прошел под знаком постепенного отказа от формулы «материя первична, сознание вторично», причем со стороны всемирно известных ученых: слишком уж много данных говорит нам о «реальности идеального» и слишком много научных проблем разрешаются при принятии этой древней идеи. Интересующихся мы снова отсылаем к нашей последней книге¹, а сейчас приведем, для иллюстрации, лишь один пример.

Сегодня одной из самых сложных является проблема сознания² и связанная с ней проблема познания мира человеком. Но дело в том, что основные затруднения здесь как раз и возникли прежде всего из-за принятия наукой узко-материалистических установок: а) сознание замкнуто «в индивидуальной голове» и поэтому его связь с миром весьма опосредована (отсюда и все перегибы и тупики конструктивизма!); б) сознание не субстанциально; это всего лишь «уровень организации» нашей психики (слова, которые никак не объясняют сложнейшую реальность сознания и весь наш опыт!); в) никакого *развития* сознания нет, его структуры одинаковы у всех и отличаются лишь «количественно». Понятно, что при таких исходных установках исследования сознания, по сути, зашли в ту-

¹ Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю. Человек восходящий: философский и научный синтез «Живой Этики». — Барнаул, 2012.

² См. анализ этой проблемы в работе одного из авторов: Иванов А.В. Мир сознания. Барнаул, 1999.

пик, несмотря на массу накопленных эмпирических данных. Наука не может объяснить не только необычные феномены — те же прозрения древних мудрецов и вообще мистический опыт; паранормальные способности и т.д. — но даже саму природу нашего субъективного ментального опыта, включая базовое для всех людей переживание «я». В самом деле: если сознание — лишь «информация»¹, то откуда в нем это переживание собственной субъективности, своего «я», зачем оно и что это вообще такое?

У традиционной науки убедительных ответов нет², зато в рамках метафизики всеединства, где наше индивидуальное сознание рассматривается как некая проекция Абсолюта, часть *живого и одухотворенного* Космоса, — все становится на свои места. Возвращаются древнейшие представления о том, что смерть тела не означает смерти сознания, а лишь переход в иные формы существования. Становится понятно, что и само сознание, именно как часть Абсолюта, практически бесконечно в своем потенциале, о чем древние мудрецы не просто знали, но и достигали высочайших уровней его развития, *кардинально превосходящих* уровень среднего человека.

И с этих позиций сегодняшние проблемы науки, перечисленные вначале, прежде всего связаны с достижением *предела наших сегодняшних познавательных способностей*, исчерпанности потенциала, заложенного в «текущем» срезе нашего сознания, так или иначе привязанного к чувственно-телесной картине мира, которая только и мыслится реальной. На самом же деле — и в этом сходились наиболее прозорливые мыслители Востока и Запада — наш чувственный опыт, пусть даже и опосредствованный различными научными и философскими рационализациями, — не что иное, как «майя», пляска теней на стенах платоновской пещеры, подлежащая снятию через обретение более глубокого и объемного видения-понимания реальности. Говоря словами великого русского философа С.Л. Франка, за привычной обманчивой *действительностью*

¹ Да и что понимать под информацией? У этого термина сегодня, пожалуй, не меньше определений, чем у культуры.

² Известный исследователь проблем сознания Дж. Серл остроумно замечает: «Ранние материалисты доказывали, что не существует таких вещей, как обособленные ментальные феномены, ибо ментальные феномены тождественны состояниям мозга. Материалисты последнего времени доказывают, что не существует таких вещей, как обособленные ментальные феномены, ибо они не тождественны состояниям мозга». (Серл Дж. Открывая сознание заново. М., 2002, с. 64.)

перед человечеством рано или поздно должна открыться подлинная — более глубокая и объективная — космическая *реальность*.

Поэтому решение проблем современной науки лежит, помимо прочего, на пути *качественного развития более высоких способностей нашего сознания*, когда ученый начнет *напрямую видеть* те же элементарные частицы, а не строить относительно них догадки в буквальном смысле вслепую. А то, что такое развитие не только возможно, но и неизбежно, — нам говорит тысячелетний опыт исследования сознания и его безграничных возможностей, прежде всего, на Востоке. Мы здесь не разворачиваем аргументацию в пользу этого тезиса, так как это не является целью данной книги, но отметим, что аргументов достаточно¹. Понятно, что подобные способности проявятся далеко не у всех и не сразу: «сознание растет медленнее волоса», как говорит та же восточная мудрость. Однако даже одно признание возможности существования иных познавательных способностей уже значительно облегчит процесс их объективного экспериментального изучения и, соответственно, индивидуального овладения ими. Кстати, именно отказ науки объективно изучать эти трансцендентные (или паранормальные) способности сознания создает наиболее благоприятную среду для процветания корыстных шарлатанов, пользующихся доверчивостью сбитых с толку людей.

Если же говорить еще шире, то для преодоления большинства наших тупиков, и не только в науке, а и в жизни, — необходима опора на ключевую идею о **духовной эволюции**, или **качественной трансформации Человека** как такового, **не только интеллектуальной, но и нравственной**. Она представала в истории под

¹ Более того, можно еще раз напомнить имена В.В. Налимова, Е.А. Торчинова, М. Элиаде, Дж. Лилли и многих других, со всей серьезностью относившихся к тем особым возможностям сознания, которые зафиксировались в терминах «мистический опыт», «трансцендентный опыт» и пр. Е.А. Торчинов писал: «...Предположим на минуту, что древние (и не очень древние) "мистики" посредством определенной практики (она обычно называется психопрактикой; индийцы обозначают ее словом "йога") достигали способности воспринимать мир в его, скажем, аспектах, недоступных для обыденного восприятия; методы психопрактики в таком случае будут аналогичны научным приборам, расширяющим наше восприятие. Так не будет ли в таком случае игнорирование их опыта аналогичным поведению известного иезуита, не только не верившего, что Галилей может в телескоп видеть спутники Юпитера, но и принципиально отказывавшегося даже смотреть в этот прибор?» (Торчинов Е.А. Пути философии Востока и Запада: познание запредельного. М., 2007, с. 350-351.)

разными именами, в частности, в русской религиозной философии — как идея *обождения*. И в ее подтверждение также говорит вся наша история, в которой с замечательной регулярностью появлялись личности, *качественно* превосходящие средний уровень, — те, что остались в истории как великие духовные учителя человечества.

По сути это будет означать не конец науки, а начало «метанауки» — нового уровня и с новыми перспективами и, главное, — с новым человеком; более того, и начало нового этапа самой истории. Но метанаука как органичный синтез науки, религии и философии не рождается сама собой. Повторим еще раз, что ученые, во-первых, должны предпринять сознательные усилия по критическому анализу своих предвзятых установок и непредубежденно взглянуть на множество фактов, не укладывающихся в современную узко-материалистическую парадигму. Во всяком случае, этого от них требуют даже сами научные принципы. Во-вторых, осуществить более глубокое знакомство с серьезной религиозной и философской литературой; при этом наиболее близкой к науке окажутся не современные философские игры, а классическая и древняя линия метафизики всеединства: именно к ее ключевым идеям пришел целый ряд выдающихся ученых. Интересно, что даже многие нерелигиозные ученые, но с широким и непредвзятым мышлением, по сути, говорят о том же, как, например, известный этолог и социальный философ К. Лоренц:

«Если... человеку удалось бы полностью раскрыть бы причинные связи всех явлений, в том числе и происходящих в его собственном организме, то и тогда он не перестал бы хотеть, но хотел бы того же самого, чего “хочет” свободная от противоречий закономерность Вселенной, “Мировой Разум” Логоса. Эта идея чужда лишь нашему современному западному мышлению; древнеиндийской философии и мистике средневековья она была очень знакома»¹.

И, в-третьих, следует попросту вспомнить про научную честность, которая требует ставить на первое место поиск истины, а не карьеру, деньги, связи и личные отношения. Многие современные ученые в частных беседах признаются, что предпочитают умалчивать о необычных фактах и напрашивающихся из них радикальных

¹ Лоренц К. Обратная сторона зеркала // Обратная сторона зеркала, сб. М., 1998, с. 211.

выводах из страха перед мнением большинства и карьерными осложнениями. Но здесь стоит задать себе классический вопрос: от чего я буду испытывать удовлетворение, подводя в конце жизни итоги своей научной работы, — неужели от умелого сокрытия истины?

Теперь надо сразу же обозначить другую проблему, которую можно назвать обратной по отношению к догматическому научному материализму. Это **проблема неграмотных спекуляций** на идее упомянутого синтеза науки, философии и религии. И в связи с ней встает задача отсеивания всевозможных имитаций, псевдо-духовных доктрин и псевдо-научных теорий и практик; выявления *критериев истинности* в этой сложной области. Эта тенденция, увы, нарастает по мере девальвации образования и падения профессионального уровня ученых и философов. И она несет не меньше опасностей, чем религиозный или научный догматизм.

При этом на базе подобных псевдонаучных спекуляций (которые, кстати, почему-то всегда находят издателей!), как грибы, растут всевозможные «школы духовной самореализации», «школы ведической культуры» и т. д. с доморощенными «гуру», предлагающими «ученикам» искаженные обрывки древних психодуховных практик. Легко понять, что в подобном применении они ведут лишь к психическим расстройствам, чему авторы этой книги не раз были свидетелями. К сожалению, вклад в расцвет темной магии и распространение суеверий и хаоса в головах вносит и современное телевидение с его погоней за телевизионными рейтингами и общественным эпатажем, апелляцией к эмоциям и бессознательным слоям психической жизни.

Истинный же синтез подразумевает прежде всего *глубокие профессиональные знания* в этих сферах — единых в своей основе, но очень разных по методам, исходным установкам, по достигнутым результатам. В противном случае мы получаем вместо синтеза — эклектику, множество ужасающе примитивных и прямо абсурдных схем и «теорий», представляющих собой «винегрет» из обрывков научных и философских понятий и псевдо-окультурных¹ терминов. Причем, подобные «откровения» свойственны сегодня

¹ Мы намеренно пишем «псевдо-окультурных», т.к. истинный оккультизм как раз и составлял неотъемлемую часть всех древних систем. Наиболее простым образом его можно определить именно как научно-практический аспект (наряду с философским, этическим и социальным) древних учений.

не только явным шарлатанам, но и многим вполне серьезным ученым, которые самоуверенно вторгаются не в свои области, ограничиваясь лишь поверхностным знакомством с ними. Но изучение философско-духовного наследия прошлого требует не только *глубоких системных знаний*, но и особого, *длительного и упорного вживания в древние тексты*, в действительную суть и истинные цели отточенных тысячелетиями психо-духовных практик; тщательного и продуманного *сопоставления их с другими системами и с современным знанием*.

Но многие ли способны на такой длительный, упорный интеллектуально-духовный труд по изучению даже своей научной области, не говоря уж о смежных сферах и тем более о древней мудрости? Ведь с фундаментальными знаниями сегодня вообще большая проблема. Но здесь мы уже переходим от теоретических, внутренних проблем науки к внешним, социально-экономическим и культурным, которые неразрывно связаны с проблемами образования.

«Компетенции» и «на-на»-технологии

Мы начали этот очерк с теоретической критики фундаментальной науки, которая во многом застыла в своих исходных, весьма ограниченных основаниях. Но в сфере науки сегодня идут и гораздо худшие процессы, которые можно обобщить в простом тезисе: *постепенное падение общего научного уровня и профессиональной квалификации научного сообщества*, что неразрывно связано с понижением их профессионально-этического уровня, снижением моральной и социальной ответственности. Проще всего проиллюстрировать эту ситуацию, нарисовав мини-портреты современных «среднестатистических» ученых.

Если это естественник, то он, как правило, узкий специалист. Более узкий, чем гуманитарий, так как в сегодняшней гуманитарной сфере области тесно пересекаются. Занимаясь своей сферой и не претендуя ни на что большее, ученый-естественник, конечно, делает полезное и важное дело. Но, как мы уже говорили, многие из таких специалистов именно претендуют на большее. Они, во-первых, смело берутся за проекты, по отношению к которым не только не могут просчитать масштабы их последствий, но даже и понять необходимость таких прогнозов и оценок. Таковы уже упо-

мянутые проекты «человека-киборга», да и в целом, вмешательства в основы функционирования живого организма (включая ГМО, клонирование, операции по смене пола и т.д.); таковы проекты технического покорения Космоса с чисто потребительскими целями и многие другие. Часто такие естественники с пренебрежением относятся к гуманитарным дисциплинам, а поэтому, лишенные соответствующих знаний, и не могут взглянуть на свой проект с социокультурной и тем более с философско-мировоззренческой стороны; но при этом, как все не очень сведущие люди, они полны самоуверенности. Во-вторых, этот тип специалистов в первую очередь повинен в догматическом отстаивании устаревших рамок традиционной науки — опять же из-за нехватки знаний о науке как таковой, ее базовых принципах и допущениях, о ее методологии и, главное, о подводных камнях, которые во всем этом таятся. Дело в том, что имеющийся у такого специалиста *локальный* массив подтвержденных знаний, а также отработанные и вполне эффективные, но *частные* методы в конкретных разделах физики, химии или биологии — создают у него впечатление непоколебимости и безальтернативности науки и ее методов в целом (как в известной сказке Андерсена про горошину, уверенную, что весь мир ограничивается стручком).

В итоге подобные специалисты и создают питательную среду, в которой рождаются «комиссии по борьбе с лженаукой», где вместе с «водой» (действительным дилетантством и шарлатанством) агрессивно выплескивается и «ребенок», то есть прорывные идеи и новые взгляды, а также множество фактов, которые не укладываются в сегодняшнюю парадигму.

Если же наш «среднестатистический ученый» — гуманитарий, то проблем не меньше, но они несколько иные. В отличие от естествознания, здесь первоочередную роль играет личная авторская интерпретация, а опытная проверка теорий (если она вообще присутствует) носит другой характер. По сути, это часто и не проверка, а всего лишь иллюстрация к собственным рассуждениям. Мы давно не встречали критических отзывов, где задавались бы вопросы: какие именно данные использованы автором, не было ли при их отборе «подгонки» под свои модели и т.д.? Как бы ни была проблематична и во многом ограничена опытная проверка гипотез в естествознании, но она, в целом, все же дает определенный уровень научной строгости и отсева откровенной отсебятины (если,

конечно, честно проводится). И одновременно служит одним из важнейших критериев научной истины, — а в гуманитарной сфере этого, увы, нет.

Соответственно, у гуманитариев сегодня — полный разгул всевозможных интерпретаций, теорий, моделей и схем, противоречащих друг другу. Сплошные аморфные *концепты* вместо строгих *понятий*; «точки зрения» и авторское видение вместо панорамного осмысления явлений и доказательств. И ведь подобный «плюрализм» признается нормой! С этим связан и другой момент: у многих сегодняшних гуманитариев само знание часто сводится к простой осведомленности о чужих моделях, теориях и методах. Поэтому в гуманитарных текстах сегодня доминирует пересказ и пере-интерпретация друг друга, и редкостью становится глубокое осмысление, критический анализ познанного, поиск истины.

А без этого, да еще и при слабой эмпирической проверке, гуманитарная наука превращается в род публицистики (часто еще и бездарной). Или же, в другом варианте — в типичное схемотворчество, упрощенные и плоские модели, причем, основанные на неких аксиомах, в которые автор слепо уверовал и не пытается подвергать их сомнению. Вообще, нельзя не заметить, что уровень гуманитарной науки неуклонно падает. В нашей стране этому очень способствует еще и сформировавшаяся в последние десятилетия «круговая порука», всеобщее попустительство, в том числе при защите диссертаций.

Конечно же, все сказанное в очень разной мере относится к различным гуманитарным дисциплинам. В наибольшей степени эта вакханалия произвола и бездоказательности царит в новомодных гибридах, как, скажем, в коммуникативистике. Кроме того, здесь действует тот же механизм, как и в естествознании: если ученый не выходит за рамки своей области, строгость его выводов существенно больше, но если он начинает претендовать на обобщения, связанные с другими сферами, не зная их достаточно глубоко, то, как правило, результат удручает. Скажем, та же коммуникативистика зачем-то пытается заново изобрести этику, хотя этот раздел философии является одним из старейших и глубоко разработанных. В итоге многие «этические пассажи» коммуникативистов просто поражают своим дилетантизмом.

И разумеется, надо еще раз подчеркнуть, что речь идет именно о «среднестатистическом» специалисте. Наша критика ни в коей

мере не касается пока еще достаточной прослойки серьезных, компетентных и глубоких ученых.

Но здесь может возникнуть вопрос: если ситуация в современной науке такова, то может быть и правы наши чиновники, которые вроде бы пытаются навести здесь порядок, ввести жесткие (точнее, драконовские и репрессивные) меры контроля? Возможно, правы они и в том, что дают деньги (гранты) по большей части только «под заказ» государства и не финансируют какие-то отвлеченные фундаментальные исследования, практическая польза от которых неясна? Такие вопросы действительно возникают у людей, не знакомых близко с данной сферой. Более того, благодаря этой государственной политике и ее раздуванию в СМИ у многих уже сложился стереотип: мол, ученые — это бездельники, болтуны (за исключением практиков, разрабатывающих новые лекарства, технику или материалы), живущие на государственный счет и ничего полезного не производящие. Попробуем прокомментировать подобное мнение прежде всего для тех читателей, которые далеки от этих проблем.

Начнем с того, что сводить науку к ее практическому аспекту, к прикладным исследованиям и новым технологиям, делать ее придатком и прислужницей современного идола — рыночной экономики — значит рубить сук, на котором мы сидим. Во-первых, именно фундаментальная, а не прикладная наука, даже в сегодняшнем ее виде, формирует и мировоззрение, и само мышление, и, в конечном итоге, мыслящую личность. А также необходимый уровень культуры, и, следовательно, и человечности в обществе. Это, в первую очередь, родной язык и литература, а также история и философия. Резкое уменьшение объема этих предметов в школе уже принесло свои печальные плоды, о чем мы ниже будем говорить. Вообще же говоря, повторим наш старый тезис: не человек для субботы, а суббота для человека; не личность должна «вписываться в требования рынка», а наоборот: рынок, а точнее *экономическая сфера* (что не обязательно одно и то же) *должна быть организована так, чтобы каждая личность нашла применение своим интересам и способностям.*

Во-вторых, без фундаментальных исследований не будет и прикладных. Невозможно запланировать и «заказать» новые серьезные открытия, и если финансировать лишь то, что гарантированно приведет к новым товарам и быстрой прибыли, то мы очень

скоро начнем топтаться на месте. И если читатель не поленится поизучать историю вполне практических научных открытий, то увидит, какая большая доля из них была сделана именно незапланированно, в ходе бескорыстного научного поиска истины.

В-третьих, вообще абсурдно требовать материальных и практических результатов от таких наук, как математика, теоретическая физика или логика. Они подчас дают отдачу через десятилетия, словно заготавливая впрок теоретические схемы и модели, до которых практика на данный момент попросту не доросла. Например, двузначные логики, которые легли в основание современных языков компьютерного программирования, были разработаны в двадцатые-тридцатые годы прошлого века, а саму идею счетной машины можно найти, например, у средневекового схоласта и алхимика Раймонда Луллия. Идею связи электрических и магнитных процессов первым высказал философ Шеллинг, а идею множественности разумных миров во Вселенной — кардинал римской католической церкви и по совместительству великий ученый и философ XV века Николай Кузанский.

Вот теперь самое время поговорить о причинах падения уровня современных исследований. Правомерно ли винить ученых, которые сплошь и рядом вместо серьезной науки занимаются борьбой за гранты, участвуют в бешеной гонке за количеством (но не качеством!) статей и монографий, за научными степенями и званиями? Конечно, правомерно. Личной моральной ответственности с человека за содеянное им никто не снимал и снять не может. Попросту говоря, в любой ситуации надо уважать себя и свое дело больше, чем внешний (и в такой ситуации незаслуженный!) карьерный успех.

Но, с другой стороны, непосвященные мало знают о том, что в ходе так называемых «реформ» за последние десятилетия было сделано буквально все, чтобы подтолкнуть ученых к такому образу жизни, чтобы создать им в прямом смысле невозможные условия для работы, вынудить бороться за выживание, а не за научную истину. Понятно, что выдерживают этот пресс лишь самые стойкие. Ведь то, что сегодня делается, иначе как *разрушением науки* и не назовешь. Поскольку об этом написано уже множество статей, аналитических записок, обращений и т.д. — читатель легко найдет соответствующий материал. Мы же кратко остановимся только на одном вопросе, точнее, на сфере, которая самым непосредствен-

ным образом связана с наукой и с ее нынешними проблемами — **сфере образования**. Нет образования — нет и науки.

Собственно говоря, о его сегодняшнем плачевном состоянии в результате бесчисленных реформ также написаны горы возмущенных статей и обращений. Поэтому мы решили напомнить только о наиболее важных проблемах.

Итак, что представляет собой насаждаемая сегодня (и почти уже восторжествовавшая) модель образования в нашей стране? Начнем с самого главного — с ее мировоззренческих установок, то есть с того, как вообще видят сферу образования наши чиновники, как представляют ее сущность и цели.

Ведущий тезис гласит, что образование является «услугой» и его главная цель — обслуживание рыночной экономики. Прочитируем по этому поводу петербургского профессора С.Е. Рукшина, народного учителя РФ, воспитавшего десятки выдающихся учеников, отмеченных множеством наград:

«Ставим образование в положение бедной замученной женщины легкого поведения, которая вынуждена навязывать свои услуги, чтобы как-то заработать на жизнь. **Образование — это категорически не услуга. Это системообразующий институт нации и государства** [выд. нами — авт.]. Гражданами России нас делает образование и воспитание, а не купленные услуги. Когда-то Бисмарк сказал, что франко-прусскую войну выиграл не прусский солдат, а прусский учитель, воспитавший прусского офицера, фельдфебеля, инженера и солдата»¹.

Добавим, что это понятие по отношению к образованию и попросту бессмысленно. Услуга не предполагает активного участия «клиента», а образование *требует* ее по самой своей сути. Но поскольку ученикам этот «рыночный подход» уже вбили в голову, то нередко приходится сталкиваться с абсурдным мнением: «педагог обязан оказать мне образовательную услугу — вложить в меня знания независимо от моих усилий».

В целом же образование, ориентированное на «рынок», и вообще утрачивает свою сущность: ему вменяется цель готовить отнюдь не «свободную и ответственную личность» (как многократно и с пафосом декларировалось в официальных документах), а узко

¹ Рукшин С.Е. Дошли до точки невозврата — URL: http://www.spbvedomosti.ru/guest.htm?id=10293947@SV_Guest

мыслящего и духовно неразвитого специалиста-прагматика, человека-функцию под «заказ хозяина» с помощью «проектирования определенного типа мышления»¹.

Из ложного понимания смысла и целей образования с неизбежностью вытекают и негативные следствия. В том числе и социально-экономические. Например, рыночно-прагматистский подход не способен выполнить даже свою заявленную задачу — поставки специалистов тем сферам экономики, где они требуются. Ведь в условиях экономических кризисов, общей нестабильности в мире невозможно с достаточной точностью предсказать, какие именно специалисты и в каком количестве потребуются через несколько лет. Кроме того, этот подход ведет, как показывает практика, к экономически неверному механизму финансирования образования, когда из него выпадают целые научные и производственные области, не говоря уж о социальных издержках такого подхода — вымывания из сферы высшего образования прослойки молодежи, скажем, в удаленных селах с малым населением. Эти группы, будучи невостребованными обществом легко станут материалом для преступных группировок.

Еще более очевидны негативные следствия в отношении конечных результатов образовательного процесса. Рыночный подход ведет к *дефундаментализации образования*: как мы уже говорили, резко сокращаются часы на преподавание многих базовых предметов. Чиновники рассуждают просто: если образование само по себе ценности никакой не имеет, то и надо акцентироваться на практических курсах (типа пресловутого «менеджмента») и свести к минимуму объем теоретических знаний. И даже из этого скудного набора учащийся, якобы, сам должен выбирать, что ему надо. Последствия этого очевидны, и мы частично уже обрисовали их в типах «среднестатистических ученых».

Но ведь слабые ученые — это еще «цветочки»: они все же ученые, то есть регулярно занимаются интеллектуальной работой. А каков будет уровень обычных выпускников — агрономов, строителей, конструкторов, врачей? Нельзя стать хорошим врачом, не зная глубоко биологии и химии, или конструктором со слабым знанием математики и физики. А для углубленного их изучения в вузе — необходима серьезная школьная подготовка! Понятно, почему се-

¹ см. Федеральный государственный стандарт. Макет (вариант-2), стр. 9.

годня многие врачи делают мрачные прогнозы: «Через 10 лет вас лечить будет никому!» Трудно здесь винить самих школьных учителей: «...они замордованы. Учитель думает, как бы набрать баллы для аттестации — он работает с бешеной перегрузкой»¹. Не говоря уж о том, что они вынуждены следовать спущенным сверху программам и готовить (натаскивать!) учеников к ЕГЭ. Радует только, что маразм этой контролирующей metody, похоже, становится очевидным даже для чиновников министерства, и они его начали постепенно сворачивать, по крайней мере, для гуманитарных предметов.

То есть в сегодняшней ситуации **становится все более проблематичной даже такая ограниченная цель, как подготовка грамотного узкого специалиста**. И, наверное, не случайно главными понятием в современных стандартах министерства образования стали «компетенции». Как справедливо пишет тот же С.Е. Рукшин,

«Мы совершаем трагическую ошибку, говоря, что образование должно давать не знания, а компетенции, благодаря которым специалист будет знать, где нужные знания взять. Госпожа Простакова из фонвизинского «Недоросля» с ее «географию пусть извозчики знают» как раз обладала компетенциями: знала, где находятся нужные ей знания — у извозчика. А теперь представьте себе дежурного на атомной станции, который не обладает нужным знанием, а просто знает, где его взять. Или хирург у операционного стола, на котором лежит ваш ребенок! Не будет у него на это времени! Компетенции — это всего лишь дополнение к профессиональным знаниям и навыкам»².

Но самое трагически-забавное, что параллельно этому министерство всячески насаждает и требует обеспечить... научно-исследовательскую работу студентов и даже школьников! Правда, и здесь остается верным себе: на прокатившихся в последние годы по стране многочисленных российских и международных студенческих форумах, проведенных, как всегда, с шумом и размахом (для отчетности!), студенты представляли не серьезные научные разработки как таковые, — которые они, в силу сказанного, за редким исключением и не могут представить, — а некие «проекты» (еще одно модное сегодня словцо). При этом приветствовались именно «проекты», имеющие коммерческую направленность. То

¹ Рукшин С.Е. Указ.соч.

² Рукшин С.Е. Указ.соч.

есть, например, изобрести что-то на продажу или же разработать хорошую рекламную кампанию. Не говоря уж о том, что наукой тут и не пахнет, еще хуже другое: студенты прекрасно видят все происходящее. И наиболее умные и чуткие делают соответствующие выводы. Ну а многие, напротив, с быстро формирующимся у молодежи цинизмом принимают эти правила игры со всеми вытекающими для них и для всего общества последствиями.

Более того, «сверху» активно спускаются и приоритетные направления научно-исследовательской работы, в том числе в вузах. Откуда они берутся, кто расставил эти приоритеты — трудно сказать; иногда возникает впечатление, что кого-то из вышестоящих просто вдруг заворожили красивые термины. Например, «нанотехнологии». Частое употребление этого термина чиновниками, назойливое введение его в списки «приоритетов» уже стало причиной как раздражения, так и насмешек — не случайно их стали обзывать «на-на»-технологиями.

Приведем еще один показательный пример, который тоже характеризует весьма печальную тенденцию. Как нам недавно рассказали, в одной из средних школ отменили домашние задания для первоклассников. Правда, пока не удалось узнать, чья это была инициатива — опять же, министерства или ретивых местных чиновников; распространяется она на всех или на отдельные школы, избранные для нового эксперимента. Но сам по себе факт вопиющий. И несчастные учителя, прекрасно зная о правилах дидактики, *о необходимости повторения и закрепления материала*, — все же подпольно дают эти задания, но на собраниях класса умоляют родителей их не выдавать, если, не дай Бог, кто-то спросит... Откуда взялись подобные «новации» — понятно: из рассуждений о «перегрузках» учащихся, либо из модных идей отказа от «рутины» (повторения, заучивания и пр.) и развития «свободного творчества». Последнее звучит для непосвященных весьма привлекательно: что же может быть выше воспитания ребенка-творца, и при чем тут скучные упражнения? Но напомним рассуждения выдающегося педагога-теоретика и философа С.И. Гессена:

«Именно ради воспитания человека к творчеству мы говорим: урок должен оставаться уроком, т.е. содержать всегда точную и определенную цель работы... Преждевременное превращение урока в творчество ведет не к воспитанию творцов, а к воспитанию дилетантов... Оторвавшись от превышающей его ступени творчества, от которой он получает свое оправдание и смысл, урок вырождается в чисто механическую ра-

боту, в повторение учеником образца, показанного учителем. Но и преждевременно превратившись в творчество, он вырождается в практику поверхностного дилетантизма, воспитывающего разгильдяйство в работе вместо творчества»¹.

И в заключение отметим еще две взаимосвязанные тенденции в современном образовании: стремление исключить из педпроцесса самого педагога (насаждение дистанционного обучения) и требование максимально использовать различные «технологии». Вот буквальная цитата из шаблона современной рабочей программы: педагог обязан показать, какой процент в его работе занимают «...имитационные технологии: ролевые и деловые игры, тренинг, игровое проектирование, компьютерная симуляция, ситуация-кейс и др.».

Никто не будет спорить о полезности подобных форм работы как *дополнения* к традиционным формам; в частности, компьютерные технологии являются прекрасным подспорьем. Но за *навязыванием* их стоит не просто перегиб, а снова то же стремление рассматривать образование как «услугу» — услугу по механическому вложению некоего объема информации в головы. А услуга, как легко понять, совершенно не требует внутреннего контакта между «клиентом» и тем, кто услугу оказывает. Глубинный межличностный контакт достигается именно в традиционной лекции (конечно, если лектор — настоящий педагог) и характеризует отношения не «клиента» и «исполнителя», а *учителя и ученика*. Вспомним Чехова:

«Хороший дирижер, передавая мысль композитора, делает сразу двадцать дел: читает партитуру, машет палочкой, следит за певцом, делает движение в сторону то барабана, то валторны и проч. То же самое и я, когда читаю.

Предо мною полтора лица, не похожих одно на другое, и триста глаз, глядящих мне прямо в лицо. Цель моя — победить эту многоголовую гидру. Если я каждую минуту, пока читаю, имею ясное представление о степени ее внимания и о силе разума, то она в моей власти. Другой мой противник сидит во мне самом. Это — бесконечное разнообразие форм, явлений и законов и множество ими обусловленных своих и чужих мыслей. Каждую минуту я должен иметь ловкость выхватывать из этого громадного материала самое важное и нужное и так же

¹ Гессен С.И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. М., 1995, с. 125-126.

быстро, как течет моя речь, облекать свою мысль в такую форму, которая была бы доступна разумению гидры и возбуждала бы ее внимание, причем надо зорко следить, чтобы мысли передавались не по мере их накопления, а в известном порядке, необходимом для правильной компоновки картины, какую я хочу нарисовать. Далее я стараюсь, чтобы речь моя была литературна, определения кратки и точны, фраза возможно проста и красива. Каждую минуту я должен осаживать себя и помнить, что в моем распоряжении имеются только час и сорок минут. Одним словом, работы немало. В одно и то же время приходится изображать из себя и ученого, и педагога, и оратора, и плохо дело, если оратор победит в вас педагога и ученого, или наоборот.

Читаешь четверть, полчаса и вот замечаешь, что студенты начинают поглядывать на потолок... один полезет за платком, другой сядет поудобнее, третий улыбнется своим мыслям... Это значит, что внимание утомлено. Нужно принять меры. Пользуясь первым удобным случаем, я говорю какой-нибудь каламбур. Все полтора лица широко улыбаются, глаза весело блестят, слышится ненадолго гул моря... Я тоже смеюсь. Внимание освежилось, и я могу продолжать.

Никакой спорт, никакие развлечения и игры никогда не доставляли мне такого наслаждения, как чтение лекций. Только на лекции я мог весь отдаваться страсти и понимал, что вдохновение не выдумка поэтов, а существует на самом деле»¹.

Но нередко приходится слышать: а не все ли равно, каким способом вкладываются знания? Но даже с прагматической точки зрения не все равно. Несмотря на то, что лекция читается перед целым потоком, для опытного педагога в ее процессе есть возможность улавливать степень понимания материала, уместность выбранной формы изложения, моменты, когда стоит отвлечься, уточнить, привести дополнительные примеры — собственно, все то, о чем и пишет Чехов. И такой подход — хотя бы отчасти индивидуальный — очень важен именно сегодня: ведь чем ниже общий уровень подготовки ученика, тем сложнее ему воспринимать сухие и обезличенные массивы «информации».

Ну а если сделать ставку на популярную визуализацию, на *подмену текстов картинками*, то результат оказывается еще хуже: при этом не развивается главное — само мышление. Более того, как показывают современные исследования, надо не просто читать, но читать сложные вещи:

¹ Чехов А.П. Скучная история // Чехов А.П. Повести. М., 1953, с. 13-14.

«Оказывается, чтение необычных слов, оборотов и синтаксических конструкций... подстёгивает активность мозга, а именно тех его центров, которые отвечают за внимание и автобиографическую память.

...Исследователи из Ливерпульского университета (Великобритания) поставили довольно необычный (хотя и простой по выполнению) опыт: они наблюдали за активностью мозга людей, читавших сочинения Шекспира, Вордсворта, Томаса Стернза Элиота и других светил английской поэзии. Учёные анализировали, как мозг реагирует буквально на каждое слово, обращая особое внимание на то, как он справляется с необычными оборотами, синтаксическими конструкциями и пр.... Как оказалось, высокая поэзия вызывает избыточное возбуждение в мозгу, то есть, обработав необычное слово или оборот, мозг не возвращается в прежнее состояние, а сохраняет какой-то добавочный импульс, который подталкивает к продолжению чтения»¹.

Кроме того, можно вспомнить известное понятие «неявного знания», которое, согласно М. Полани, играет фундаментальную роль в нашем взаимодействии с миром и с людьми и которое формируется прежде всего **в непосредственном контакте учителя и ученика** — идет ли речь о теоретических знаниях, о мастерстве живописца или музыканта или же о безошибочных навыках хирурга.

Если же понимать образование именно как формирование личности, то непосредственный контакт вообще ничем заменить невозможно. Направляющее воздействие учителя — это резец, который из первичной хаотичной массы изначального эмпирического «я» ученика высекает его Личность (высшее «Я»!); но при этом важно, что держат этот резец и ученик, и учитель вместе. Поэтому во всех культурах в той или иной форме понятие учителя, наставника было окружено величайшим почетом. Учитель — не транслятор безликой информации, а художник, трепетно касающийся самого тончайшего и уязвимого, но и самого богатого по своим возможностям и чуткого «материала» — души и разума. Есть сферы, при разговоре о которых только пафос и уместен, только высокие понятия и являются нормальной речью, как религия или искусство. К таким сферам хотя бы отчасти относится и образование.

Обращаясь к роли личности в высшей школе, хочется еще сказать несколько слов о фигуре университетского профессора. Его миссия — не только научное и образовательное, но еще и *нравст-*

¹ Стасевич К. Чтение поэзии стимулирует мозг. — URL: <http://science.compulenta.ru/730926/>

венное служение. Классический университетский профессор, и особенно русский профессор, читающий курсы по общественным и гуманитарным наукам, — это не только член академического коллектива, но и деятельный гражданин своей страны. Он несет нравственную ответственность и за собственное слово, и за души своих учеников. Он не только транслирует научные знания, но и ненавязчиво, мудро приобщает студенчество к ценностным основаниям жизни. Главный его аргумент, как бы важнейшее средство аксиологического доказательства — его личная нравственная позиция и облик. Разве не этой максимой руководствовался В.С. Соловьев, выступая с университетской трибуны против смертной казни, и С.Н. Трубецкой, принимая бразды правления московским университетом в один из самых тяжелых моментов его истории в 1905 году? А подвижническая деятельность отечественной профессуры в эмиграции, где во многом благодаря созданным в Европе русским школам и университетам были сохранены и преумножены традиции отечественной культуры? Да и в советский период эта традиция научного и нравственного подвижничества русской профессуры никогда не умирала. Беда состоит в том, что реформы высшей школы последних лет не только уничтожают университетское самоуправление и убивают своим мелочным формализмом и коммерциализацией университетскую науку, но подрывают самые *основы нравственного профессорского служения: свободу любить свой предмет и своего студента, свободно приобретать и дарить научное знание.* Но все же пока не пустуют университетские кафедры и аудитории, надежда на лучшие исторические времена в образовании сохраняется.

Вообще, похоже, если полного обвала в образовательной (и, соответственно, в научной) сферах удастся избежать, то лишь благодаря самоотверженности все еще достаточно большой части педагогов, ухитряющихся, вопреки всем «реформам», качественно делать свое дело, да еще и с юмором относиться к своему положению:

«Если честно, я нередко думаю: почему нам вообще платят, а не берут ежемесячные штрафы как с вредителей, целенаправленно подрывающих устои общества? Ведь наша деятельность и впрямь противоречит современным тенденциям в стране. Средства массовой информации прикладывают столько усилий, чтобы молодежь, не дай бог, не научилась думать. Тут тебе и реклама, и глянцевого журналы, и сериалы по телевизору... всего не перечислить. Власть имущим остается

морально и материально поддерживать соответствующий настрой да бодро поджидать, пока основной массой избирателей станет поколение, способное лишь опустить в урну нужный бюллетень и дружными рядами пойти куда пихнут... И тут некоторые гнусные извращенцы начинают губить юные души, уверяя, что любое утверждение следует проверять с точки зрения здравого смысла, а желательно еще и доказывать. Это представляете, до чего можно дойти?

По счастью, наше правительство не отличается последовательностью, решительностью и рациональностью. Да, оно всячески затрудняет работу педагогов (единый государственный экзамен, финансирование — точнее, отсутствие такового, и много чего еще), но до радикальных мер: снести нам всем головы или хотя бы запретить вредную профессию законодательно — дело пока не дошло»¹.

Читатель, конечно, заметил, что по отношению к образованию мы также, хотя и в более косвенной форме, проводим нашу центральную для данного раздела книги мысль о «порядке бытия». Поэтому мы и завершим наш очерк фрагментом, красиво и точно иллюстрирующим эту мысль, из знаменитого эссе К.С. Льюиса «Человек отменяется, или Мысли о просвещении и воспитании, особенно же о том, как учат английской словесности в старших классах»:

«И у Платона, и у Аристотеля, и у стоиков, и у ветхозаветных иудеев, и у восточных народов бросается в глаза одна общая и очень важная мысль. Все они признают объективную ценность; все они считают, что одни действия и чувства соответствуют высшей истине, другие — не соответствуют... Такое мирозерцание я для краткости буду обозначать в дальнейшем как “дао”... Таким образом, цель обучения и воспитания всецело зависит от того, верите вы или не верите в дао.

Если вы верите, цель эта в том, чтобы привить ученику оценки и мнения, пусть не осознанные, но достойные человека... Если не верите... вы займетесь довольно сомнительным делом, а именно — станете “влиять” на учеников, попросту — колдовать, чтобы у них в сознании сложился угодный вам мираж»².

¹ Мадунц А. Осторожно! Злой препод! — URL: <http://detectivebooks.ru/book/27836845/>

² Льюис К.С. Человек отменяется, или Мысли о просвещении и воспитании, особенно же о том, как учат английской словесности в старших классах. — URL: <http://www.mnemosyne.ru/library/lewis.html>

Очерк третий

Культура и искусство: критерии подлинности

В предыдущих очерках мы, по сути, тоже говорили о культуре; ведь в эту сферу, если понимать ее в широком смысле, входят и проблемы образования, и науки, и конечно, духовно-нравственные проблемы. Но все же на некоторых вопросах стоит остановиться отдельно и также рассмотреть их с точки зрения существования незыблемого и объективного порядка бытия. По большому счету, необходимо построение новой теории культуры, базирующейся на новом и глубоком осмыслении этой идеи, на основании которой можно было бы создать работающие критерии для оценки тех или иных культурных явлений. Такая теория, конечно, будет строиться совместными усилиями многих ученых, философов и других деятелей культуры, ведь наиболее глубокие истины всегда соборны и историчны, т.е. раскрываются не сразу и не всеми сторонами и всегда усилиями многих творческих сознаний. Мы же со своей стороны в данном очерке хотим внести посильный вклад в этот процесс, представив читателю наше понимание некоторых важных моментов.

Культура и анти-культура

Как известно, сегодня существует множество определений культуры. Самое широкое определяет ее как все, созданное человеком, в противоположность природе, включая сферы повседневного быта, техники, экономики, социальных и властных отношений и институтов. Более узкое относит к культуре в первую очередь те идеальные цели, ценности, смыслы, которые, как считается, человек привносит в свое бытие, да и в бытие мира, как бы одухотворяя, «оживляя» и «символизируя» его, а также все устойчивые культурные формы, созданные на этой основе: язык, национальные традиции, социокультурные идеалы и нормы деятельности, все виды искусства.

И показательно, что сегодняшняя культурология, да и философия культуры, как правило, оставляет в стороне важнейшие вопросы:

— что вообще заставляет человека вносить в мир ценности и смыслы? Иначе говоря: не следует ли говорить о том, что человек

не привносит, а *открывает* смыслы, которые неким образом укоренены в Универсуме?

— действительно ли культура так уж противоположна природе?

— и, пожалуй, главное: **можно ли оценивать сами культурные явления** по каким-то единым и базовым критериям, то есть отличать культуру в собственном смысле от ее имитаций и откровенно антикультурных человеческих творений и действий?

Очевидно, что попытка ответить на эти вопросы снова приведет нас к главной теме порядка бытия. Если мы отрицаем эту идею, то обречены лишь описывать и каким-либо образом систематизировать культурные процессы и артефакты, искать различные факторы их формирования и развития, причем весьма произвольно оценивая их «вес». Этим и занимается большинство культурологов, вкуче с историческими изысканиями. Мол, в такой-то культуре есть такие-то процессы и явления, и они, скорее всего, возникли тогда-то и под влиянием тех-то причин. А может быть и не тогда, и не тех причин, а других. Ведь, поскольку отрицается единый корень, то культура предстает бессвязным *конгломератом* явлений, а не целостным разветвленным деревом, где не случаен каждый листик; где есть живые, а есть мертвые, отжившие ветви и, главное, есть четкие критерии, как их отличить.

Разумеется, есть и хорошие систематизации, и они всегда полезны, но дело в том, что часто ими все и ограничивается. И это понятно, так как для того чтобы ответить на фундаментальные вопросы, типа перечисленных выше, необходимо прочное мировоззренческое основание. Тем более оно необходимо для **оценок**, особенно в реальной жизни. Любой нормальный человек чувствует необходимость оценить происходящее вокруг него, выработать личную позицию. Например, как относиться к сектам или к так называемым молодежным субкультурам, или к той же «гей-культуре»? Ведь они буквально врываются в нашу жизнь, и особенно в жизнь наших детей, часто ломая ее на корню. Как оценивать уже упомянутые перфомансы и прочие «изыски» так называемого современного искусства? Правильно ли позволять детям слушать какофонию, именуемую сегодня музыкой? Даже инстинктивно чувствуя здесь «что-то не то», человек часто не может подкрепить свою интуицию аргументами. Тем более что сегодня сознание множества людей (особенно как раз специалистов!) заражено на-

стоящим *страхом оценок*. Ведь оценивая что-то как ложное, безобразное или вредное — мы апеллируем к понятиям *истины, красоты, пользы*. А они прямо запрещены нам либерально-постмодернистской идеологией — более тоталитарной, чем любые другие идеологии. В итоге, как уже сказано, все отнесено к сфере личных вкусов: нравится тебе Врубель — пожалуйста, а нравится Ворхол — ради Бога. Хочешь — иди в филармонию, а хочешь — на перформанс, где истерическая девица колет себя ножом (тоже ведь форма культуры, по мнению многих культурологов!)¹. Или сиди в Интернете, в том числе на порносайтах, или играй в агрессивные компьютерные игры — твой выбор!

Для иллюстрации того положения, в которое мы в итоге попали, приведем простую аналогию. Представим, что медицина встала бы на позицию подобного плюрализма, то есть принципиально отказалась бы от дихотомий «норма – патология»², «полезно – вредно» и, соответственно, от оценки «здоров – болен». То есть попросту считала бы все болезни различными «формами самопроявления организма», полностью равноправными со здоровьем. И, соответственно, нейтрально описывала бы симптомы и факторы, их вызвавшие, и *не назначала никакого лечения*, предоставляя выбор самому больному. Думается, комментарии излишни. Или представим себе машиниста пассажирского поезда, для которого нет никаких жестких технических предписаний и запретов, т.е. полностью устранена оппозиция «допустимое – недопустимое» в управлении транспортным средством; вверили бы мы ему свою жизнь и жизнь близких?

Но ведь именно такая позиция сегодня прямо или косвенно насаждается в культуре. И почему, если мы прекрасно понимаем необходимость поддерживать здоровое тело — в том числе, и некое «обобщенное тело» всей нации — почему при этом мы не говорим о том, как важно поддерживать здоровое «тело культуры»? Последнее — отнюдь не метафора: в это «тело» включены наши лич-

¹ Для читателей, мало знакомых с этой сферой, подчеркиваем, что подобные перформансы — отнюдь не выдумка авторов.

² Что, кстати, и пытаются делать многие авторы, особенно по отношению к психике человека. При этом, так как четко разграничить в данном человеке проявления нормы и патологии часто бывает непросто, — из этого делается совершенно логически неверный вывод о том, что этого различия вообще нет или оно очень условно.

ные мысли и жизненные планы, чувства и переживания, отношения к людям и миру. Но для того чтобы его поддерживать здоровым — надо прежде всего забыть о плюрализме и именно признать, что есть норма и патология, истина и ложь, прекрасное и безобразное, допустимое и недопустимое. Есть объективные параметры и достаточно жесткие критерии, определяющие *нормальное психическое бытие и духовное развитие человека*, как и параметры нашего физического бытия. То есть как для тела, так и для духа есть то, что укрепляет и питает его, — и то, что разрушает и отравляет.

Это именно *глубинный и метафизический*, уходящий корнями в мудрость тысячелетий взгляд на человека, полностью противоположный модному сегодня постмодернистскому, который может быть назван *профанным*¹. И с этой точки зрения следует четко зафиксировать наличие сферы *подлинной культуры* и разрушительной *анти-культуры* (для полноты можно еще выделить сферу а-культуры, которая является относительно нейтральной по своим базовым мировоззренческим установкам и социально-духовным следствиям)².

Скажем, большинство тех же «молодежных субкультур» можно с этих позиций однозначно отнести к анти-культуре. Во-первых, само по себе их формирование, как правило, движимо психологически ложными и даже разрушительными мотивами (более того, часто противоречивыми): обособиться, отгородиться от «мира взрослых» и в то же время привлечь к себе внимание; уйти от труда и борьбы реальной жизни в мир иллюзий; самоутвердиться не путем реальных достижений, а мнимыми и опасными «подвигами» и т.д. Мы здесь, конечно, смешали разные мотивы из разных «субкультур», не вдаваясь в их анализ. Но показательно, что какой мотив ни возьми — он оказывается ложным либо разрушительным. Конечно, трудно за это винить самих подростков. Как справедливо считают здравомыслящие психологи и социологи, эти ложные мотивы — лишь извращенные формы мотивов здоровых и нормальных (причиной чего снова является само наше общество). Но в таком случае, почему бы так прямо и не сказать, что это не «субкуль-

¹ Не случайно образ поверхности и ее складок является одним из излюбленных в постмодерне, если вспомнить того же Ж. Делеза. А термин «метафизика» используется как ругательный.

² Один из авторов ввел это разграничение в своей монографии: Шишин М.Ю. Ноосфера, культура, культурный ландшафт. Новосибирск, 2003.

тура», которую надо на полном серьезе исследовать да еще и признавать за ней права гражданства, — а просто *диагноз*, и ее адепты нуждаются в психотерапевтической помощи? А те, кто поставляет им их «идеалы» и формирует кумиров, — организаторы шоу-бизнеса, лидеры сект и т.д. — должны отвечать перед законом за растление молодежи.

Еще греки устами великого Платона говорили, что все прекрасное трудно, т.е. требует с нашей стороны бережного ухода и возделывания (отсюда верная и глубокая аналогия между подлинной культурой и возделанным полем), а злое и безобразное не требует усилий; оно, как сорняк, беспорядочно и как бы само по себе возрастает в душе, особенно если семена сорняков кем-то сознательно туда заносятся.

Таким образом, **подлинная культура** — это то, что сподвигает человека к трудному пути построения себя по законам истины, добра и красоты, что помогает сформировать в себе высшие устремления и обрести мерила истинной оценки себя и окружающих, т.е. *фактически перевести внешний и объективный порядок мирового бытия в субъективно-личностный план*. **Антикультура** — это имитация культуры, созданная для удовлетворения и, более того, культивирования примитивных потребностей, а еще чаще *искусственно созданных*, спровоцированных, удовлетворение которых несет прямой вред физическому и психическому здоровью человека¹. Здесь, по сути, происходит сознательный или бессознательный отказ от мирового порядка, а в крайней форме — сознательное противодействие ему. Кончается это всегда и везде одинаково — физическим нездоровьем и/или патологической изломанностью души, а то и личными жизненными трагедиями. Исследований, касающихся тяжелых психофизиологических последствий от «продуктов» масс-культуры, не счесть, но они игнорируются: ведь это сфера рынка, на этом зарабатывают деньги!

¹ Например, ясно, что не может человек, здоровый духом и телом, любить низкочастотный гул, который сегодня льется из динамиков на массовых мероприятиях и из автомобилей. Вред от него не только доказан, но и просто очевиден (потребителя подобной «музыки» надо было специально взращивать). А какое отношение к противоположному полу формируется у посетителя порносайтов? Ну, а то, что компьютерные игры приводят к игровой зависимости, вылечиться от которой так же тяжело, как от наркомании, общеизвестно.

«Рыночный подход» в культуре

Мы уже писали о рыночном подходе в очерке, посвященном проблемам образования. Но он сегодня главенствует и в культуре в целом, поэтому остановимся на нем подробнее.

Итак, в соответствии с ним, все есть товар (услуга), который мы предлагаем на «свободном рынке», включая и саму нашу личность. То есть сегодня господствует то самое отчуждение, о котором писал еще Маркс, а более века спустя — уже упомянутый блестящий психолог и социальный философ Э. Фромм, предупреждая о крайней опасности такого подхода и вводя специальное понятие *патологического* «рыночного характера».

Почему патологического? Потому что, как утверждает Фромм, наши знания и убеждения, умения и творческие достижения — это не что-то внешнее по отношению к моему «я», к моей душе, — это буквально *ее органические части*. И насильственно настраиваясь на них, как на «товар», то есть внутренне *отчуждаясь* от них, — мы буквально оголяем душу. Человек, ориентированный подобным образом, подсознательно постоянно озабочен своей «конкурентоспособностью». Поэтому ему трудно свободно отдаться чувству любви, дружбы, радости красоте мира, искусству, бескорыстному познанию, так как все это не имеет рыночной ценности. А то, что ее имеет (профессиональные знания, навыки) в любую минуту может оказаться невостребованным или превзойденным конкурентом. Это уже не «свободная личность», а, как формулирует Фромм,

«поверженный опустошенный человек — жалкое свидетельство неправильного образа жизни... Я боюсь экономических перемен, революций, болезни, смерти; боюсь любви, свободы, развития, любых изменений, всего неизвестного...»¹

Очень показательно, что в опросах общественных организаций (НКО), которые сегодня стали популярными у социологов, работа НКО тоже именуется «услугами». Одна из авторов этой книги, отвечая на анкету, пробовала возражать: ведь в НКО, как правило, идут люди неравнодушные, искренне озабоченные социальными бедами, большая часть которых не получают денег за свою работу. Идут, именно повинувшись голосу души. И если их самоотверженные действия называть «услугами», то почему бы не назвать «услугой»,

¹ Фромм Э. Иметь или быть. М., 1990, с. 155-116.

например, заботу матери о ребенке? Ответа, конечно, не последовало.

Еще более явно этот рыночный подход насаждается в искусстве. М. Кантор иронизирует по этому поводу:

«...Отныне мерилom таланта является не глухая подвальная слава, не самомнение творца, не его ночные бдения в мастерской и дневные борения с начальством — нет! Отныне мерилom его достижений является успех, потому как ничто больше его творчеству не мешает, никаких коммунистических вериг носить он не обязан, а значит — если можешь, так давай зарабатывать! А коли не можешь заработать, так что-то сомнительно, чтобы у тебя и впрямь был талант.

...Иной творец, не получивший признания и денег соответственно, ловил на себе недоуменные и осуждающие взгляды коллег. "Что же выходит, — говорили эти взгляды, — не слишком-то он прогрессивный и талантливый оказался..."

Тщетно стал бы такой неудачник ссылаться на горестные примеры некоторых художников, что были не совсем успешны по части реализации своей продукции. "Ха-ха, — говорили ему, — Ван Гог и Модильяни! Ты еще про баснописца Эзопа вспомни! Насмешил! Когда это было? Каменный век, кризисы перепроизводства, мировая война, то, се. Теперь-то уже все иначе, в открытом обществе. На свободном рынке всякому таланту дали слово, потому что любое интересное высказывание — это потенциальный рыночный товар... Потому — рыночная система! Потому — плюрализм мышления, демократия. Все продается, было бы что за душой. Если у тебя есть убеждения, мысли, талант — стало быть, можно их продать. А не продал ничего — ну, брат, извини"»¹.

Ну а как же пушкинское «не продается вдохновенье, но можно рукопись продать»? — такой вопрос нередко задают сторонники рыночного подхода. Но ведь здесь как раз все ясно. Вдохновенье не продается — это и означает, что, когда художник творит, *мотивом не могут быть деньги*. Ни до начала создания произведения, ни в процессе; истинное творчество — это высочайшее выражение души, сродни молитве. И оно нуждается в максимальном духовном напряжении, высоком накале — который моментально охладится малейшей мыслью о деньгах или карьере. Вот именно: нельзя одновременно служить Богу и мамоне. Ну а когда накал спал, когда душа отлилась в произведение, — вот тогда можно, подчиняясь «прозе жизни», продать то, что получилось. Но не раньше, а именно в такой последовательности.

¹ Кантор М. Учебник рисования. Т1. М., 2007, с. 199-200.

Или же вообще не продавать, это не так и важно. Ведь ценность произведения, равно как и ценность самого процесса творчества для творца уже реализовались. В конце концов, заработать на хлеб можно и чем-то другим; Спиноза шлифовал линзы, а в свободное время писал свою «Этику». Тютчев всю жизнь находился на дипломатической службе, а стихи писал потому, что не мог не писать. Известный российский поэт Борис Чичебабин зарабатывал на жизнь, работая контролером в троллейбусном парке.

То есть рынок был и всегда должен быть *подчиненным* творчеству, познанию, любви — подчиненным жизни.

Но, наверное, самое разрушительное и самое масштабное проявление этого «идола рынка» мы видим в социально-культурной сфере. Если музею, театру, библиотеке, университету вменяют в обязанность прежде всего зарабатывать деньги для своего выживания, то утрачивается их главная сущность — *просвещать людей*. Ведь, в соответствии с рыночным подходом, такое учреждение всего лишь предоставляет услуги тем «потребителям», кто любит книги или картины. Ну а для рынка все вкусы равноправны. И поэтому, если в обществе мало людей интересуются картинами или классической музыкой — что ж, скажут апологеты рынка, значит, либо пусть они платят дороже за свои непонятные прихоти¹, либо музей (филармония) закроется. Да и вообще, лучше их закрыть и отдать здание торговой фирме; а любители пусть в Интернете тусуются, раз уж им так приспичило на картинки смотреть или арии слушать.

Конечно, мы несколько утрируем. Но вот перед нами официальный документ — «Отчет по научно-исследовательской работе «Разработка комплексной модели экономической эффективности регионального учреждения культуры» 2012 года, причем, заказчиком выступило само Министерство культуры РФ. Само по себе задание — разработать модель экономической эффективности учреждения культуры, да и итоговые результаты проведенного исследования — уже говорят о многом. В частности, о том, что даже сегодняшнее минимальное бюджетное финансирование культуры (как и науки, и образования) воспринимается как обуза. И чиновники всеми путями стремятся вытолкнуть эти учреждения на

¹ В самом деле: таким «рыночным» образом рассуждать могут лишь люди, которым куда понятнее удовольствие от водки и стриптиза.

«большую дорогу» рынка: пусть, мол, сами крутятся. Но показательно, что даже авторы отчета, видимо, стремясь сохранить определенную объективность, допустили пассажи, которые во многом идут вразрез с заказом:

«...При таком измерении снижается гуманистическая составляющая культуры, а сама культура становится сферой производства исключительно “товаров и услуг”... При этом между производством благ и производством услуг очень часто не проводится демаркационной линии. В итоге имеет место сведение понимания культуры до узковедомственных моделей, что, в свою очередь, приводит к назреванию серьезных проблем в обществе»¹.

Правда, судя по всему, эти пассажи прошли незамеченными, и рынок здесь по-прежнему правит бал.

Но можно и должно подойти к этому принципиально иначе — признать за культурой, в ее истинном и высоком смысле, объективную и самостоятельную ценность, а не средство зарабатывания денег. Более того, признать, что **тяготение к высокой культуре — это показатель не субъективного «вкуса», а нормального развития человеческой личности**. И наоборот: если у человека нет этого тяготения, если он довольствуется низкопробной массовой культурой, то это означает неразвитость важнейших аспектов его личности; нарушение *правильной иерархии в его системе ценностей*², его субъективную выключенность из объективного мирового порядка. Это, по сути, такая же патология, как отсутствие одного из органов тела или общая разбалансированность организма.

Но, в отличие от физического органа, духовную тягу можно и нужно пробудить, и это пробуждение составляет суть *просвещения* — буквально: внесения в душу света высокой культуры, под влиянием которого, как под лучами солнечного света, и начинают прорасти ростки нашей истинно человеческой природы. Это и есть жизненная задача любого человека, а, следовательно, и общества в целом. По большому счету, для этого и существует государство:

¹ Отчет по научно-исследовательской работе «Разработка комплексной модели экономической эффективности регионального учреждения культуры». М., 2012, с. 8, 11.

² Напомним, что объективное существование ценностей и их *правильная иерархия* («ordo amoris»), признавались и обосновывались и многими западными философами, например, М. Шелером или Н. Гартманом.

чтобы создать максимально благоприятные условия для полноценного развития личности. И если государство хочет, чтобы его декларации о благе своих граждан были приняты всерьез, — то надо забыть о рыночном подходе к культуре и выделять на нее средства из бюджета первоочередно и безоговорочно. Напомним, кстати, что в Советском Союзе эта задача была решена почти в полной мере, так что это отнюдь не утопия.

Любопытно и другое: стоит только отнестись к культуре как к важнейшей сфере жизни общества, поверить в ее величайшие творческие и мироустрояющие функции, как чудесным образом начинают упорядочиваться и экономическая, и политическая, и даже семейная жизнь людей. Высший мировой порядок именно через культурные каналы словно изливается на низшие сферы человеческого бытия, придает им смысл и задает истинные цели. Обыватель воскликнет, что это типичная интеллигентская прекраснодушная утопия, однако исторические факты говорят об обратном: там, где культура и образование стояли на первом месте, — всегда наблюдался социальный и экономический подъем. Мы специально анализировали подобные эпохи в уже упоминавшейся монографии «Скрижали метаистории» и потому отсылаем к ней заинтересованного читателя.

Самовыражение и самосовершенствование

Культура так или иначе сопрягается с творчеством, особенно в сфере искусства, а чуть ли не основным мотивом творчества все чаще признают так называемую «самореализацию». При этом главным компонентом и важнейшим условием самореализации объявляется свобода от всевозможных рамок — моральных, социальных, рациональных: ничто, мол, не должно мешать спонтанному потоку мыслей, чувств и даже мимолетных настроений «творца», а также и его действий. Ну а отсюда один шаг до утверждения, что вот этот «поток сознания» и эмоций — и есть само творчество; больше ничего и не надо: ни таланта, ни знаний, ни мастерства, только позволяй себе «свободно излиться» в мир. В итоге Рембрандт оказывается уравненным с любым создателем «перформансов» и «инсталляций», а народная культура — с коммерческими шоу.

Попробуем проанализировать проблему с наших позиций. Дело в том, что понятие «самореализации» на самом деле распадается на два, имеющие разный смысл. Мы предлагаем развести их как «**самосовершенствование**» и «**самовыражение**».

Принципиальная разница этих понятий основана, как мы уже говорили, на древнейшей идее о наличии в человеке двух «Я». Повторим еще раз наше сравнение: низшее, эмпирическое «я» — это лишь материал, «руда», из которой предстоит выплавить золото, то есть Высшее Я, нашу истинную личность.

Отсюда *самосовершенствование*, во-первых, всегда подразумевает признание Высшего, порядка, идеала; иными словами, это единый мировой Путь (Дао, Дхарма, Логос), который индивидуально преломляется в человеческой душе. Во-вторых, самосовершенствование — это всегда огромный труд, рост над самим собой (вспомним приведенную выше аналогию культуры и окультуренной души с возделанным полем).

Самовыражение же, напротив, исходит из отрицания порядка и уравнивания высшего и низшего. Поэтому для человека все его личные качества, мотивы, стремления кажутся совершенно равноценными: золото уравнивается с примесями. Более того, «золото» постепенно исчезает из души, начинается культ низших стремлений и потребностей, и это понятно, так как они не требуют труда и усилий. Иными словами, здесь происходит все большая фиксация на низшем «я». На этом скользком пути *человек* постепенно теряет свою высшую, истинно человеческую суть и превращается в «*массового человека*», то есть по сути *квази-человека*. Ему становится уже не просто труден, но и непонятен путь самотрансценденции, роста над собой: в самом деле: куда расти, если все во мне одинаково ценно и достойно внимания? И в итоге он «спонтанно» выплескивает на мир именно свои «примеси», «сорняки» с наивным убеждением в их ценности и значимости для других — и этот выплеск он и называет самореализацией и творчеством.

«— Позвольте, Сергей, — говорил обыкновенно Соломон Рихтер, отложив газету “Бизнесмен” с культурными новостями, — позвольте, Сергей, узнать ваше мнение. Ведь эти современные (не знаю, как их и назвать, ну пусть будут художники, пусть, ладно), эти современные художники, они ведь какие-то моральные уроды... Все-таки социальный организм рано или поздно должен отторгнуть эти явления как сугубо порочные, а потому — нездоровые.

Татарников искренне потешался, глядя на Соломона Моисеевича.

— Стало быть, время такое, Соломон, что ему требуются подонки и требуется называть мерзость — искусством, а мерзавцев — творцами. А потом, где у нас с вами гарантия, что мы все понимаем? Ребята самовыражаются...

— А, самовыражаются!.. А что же он выражает, этот подлец?

— Себя и выражает, Соломон Моисеевич...

— Но ведь чтобы себя выразить, требуется для начала себя иметь, — говорил Рихтер. — ...То есть обладать сознанием, памятью, знаниями, мыслями, неким нравственным балластом — то есть тем, что в просторечии именуется *личностью*. Вот этот набор свойств можно выразить. Но нельзя выразить пустоту! Нельзя выразить невежество! Нельзя выразить моральное ничтожество!..

— Это вам так кажется, дорогой Соломон, что молодежь сплошь состоит из нулей и ничтожеств, — а вдруг вы ошибаетесь, а? Может, и не состоит?

— Тогда отчего же все, с позволения сказать, самовыражения так похожи одно на другое? Вот вы мне на что ответьте, пожалуйста. Почему один рисует палочки и скачет голый, а другой — рисует крючочки и скачет полуголый?.. Сотни тысяч современных мастеров, желая рассказать о самих себе, разных и неповторимых, создают совершенно неотличимую продукцию. Знаете отчего? Оттого что только умение всегда уникально, только мысль неповторима. Согласитесь, милый Сережа, — все умения разнятся меж собой, а все неумения на одно лицо»¹.

Пойдем дальше. *Самосовершенствование* не соревновательно, в нем нет желания превзойти остальных. Напротив, рост другого (вот именно, *ближнего!*) вызывает лишь радость. *Самовыражение* же основано именно на соперничестве, подвижно стремлением любой ценой выделиться, опередить других, привлечь внимание. То есть *самосовершенствование* — от полноты души, когда человек делится с миром обретенными духовными сокровищами. Более того, он в дарении всегда прирастает. А *самовыражение*, напротив, — от пустоты души, которую человек искусственно пытается чем-то наполнить. Например, переживаниями собственной известности (хотя бы скандальной), власти политической или финансовой, то есть, попросту, «эманациями» толпы, создающими у него иллюзию собственной полноценности и значимости.

Более того, «самовыразившись», человек уже не может больше ничего нового представить миру, чем-то радикально поразить окружающих. И ему надо выбирать: либо все же внутренне расти,

¹ Кантор М. Учебник рисования. Т.1. М., 2007, с. 208-209.

либо, напротив, спускаться. Куда? — ответ очевиден: в inferнальное подполье души. То есть от «примесей» — случайных, внешних, наносных сторон личности — он вполне закономерно может сползти к культивированию и выплескиванию *пороков*. И это понятно: что же ему еще остается? Истерическое желание выделиться лишь возрастает, а истинно нового, высшего он дать миру в принципе не может.

И на этом сползании в хаос ему прежде всего начинает мешать идея порядка, который он воспринимает как ограничение его «свободы». Особенно остро эти проблемы встают в подростковой среде, в том числе в уже упомянутых «субкультурах». Ведь не случайно там сегодня наблюдаются участвовавшие чудовищные случаи не просто насилия над сверстниками и животными, но хладнокровного их запечатления на видео и демонстрации в Интернете.

Если же личность не предрасположена к порокам, то картина ее «самовыражения» не столько ужасна, сколько отталкивающая, нелепа и жалка:

«В кузнице передовых настроений ковали образы, шокирующие патриархальные вкусы: "Писсуар" Дюшана, похотливые скелеты Эрнста, туалетная эротика Ларионова и манерная — Дельво, гениталии и фекалии, ненормативная лексика... Каждому свободолубивому юноше хотелось встать в ряды веселых ниспровергателей канона, а то, что для этого придется заголить задницу, придало очарования борьбе. Именно непристойности выпала роль свободы... Если творческий человек не был замечен в разврате, сам собой возникал вопрос: да вполне ли он творческий, этот сухарь?»¹

Заметим также, что М. Кантор не случайно иронически пишет о «веселых ниспровергателях канона». Так называемая «смеховая культура», а попросту, высмеивание, стремление принизить и ниспровергнуть все и вся, прежде всего как раз высокие идеи и ценности — говорит о болезни и самой культуры, и ее носителей. Этот господствующий сегодня смех — отнюдь не «полнокровный» и «освобождающий»², а нервно-истерический, обнаруживающий скрываемый и подавляемый страх перед пустотой собственной души. Ведь лишь самосовершенствование *беспрельдно* и дает растущее переживание смысла, полноты и радости бытия, свободы и

¹ Кантор М. Учебник рисования. Т.2. М., 2007, с. 155.

² как пытался показать М. Бахтин, за что его многие, видимо, сегодня особенно любят.

самодостаточности. Если же этого нет, то неосознанная тоска заставляет человека метаться и стремиться ее заглушить чем-то ошеломляющим — в буквальном смысле, то есть обухом по «шелому» — грубым и даже шоковым воздействием. Поэтому подобный смех неразрывен с агрессией, а в лучшем случае — с нервным перевозбуждением, легко переходящим в депрессию.

Отсюда — мода на мат и яростная защита «права на мат» не только молодежью, но и многими «деятелями культуры» и даже, увы, некоторыми преподавателями-филологами. Отсюда же непотребные, «ниже пояса», игры для взрослых людей на корпоративных вечеринках и свадьбах. Отсюда и грохот «музыки» на дискотеках и различных «культурных мероприятиях»; манера молодежи истошно визжать («Вау!») в качестве приветствия или одобрения; оскаленные, кричащие физиономии на многих рекламных плакатах, которые, видимо, должны выражать «энергию и напор»... В общем, этот мировоззренческий и душевный надлом проявляется во множестве форм. Например, в вечной и также болезненной погоне за новизной и разнообразием, начиная с примитивной гонки за новыми вещами и заканчивая стремлением к новым впечатлениям и ощущениям, вплоть до самых рискованных, как экстремальный спорт (уж не говоря о наркотиках). Но, как целлюлоза не питает, а лишь на время обманывает желудок, так и душу не насытить этими наполнителями, которые лишь временно имитируют насыщение.

Еще одна распространенная форма — погружение якобы в «интеллектуальные глубины», а на самом деле в хаотическую заумь, которая сегодня представлена во всех формах — и в философии, и в гуманитарных науках, и в искусстве. Судя по всему, она также действует подобно наркотику, спутывающему сознание, отключающему от реальности (воспринимаемой при этом как «серая обыденность») и создающему иллюзию сопричастности к чему-то высокоэлитарному. Иначе трудно объяснить, каким образом масса современных интеллектуалов может принимать постмодернистский бред (скажем, «Анти-Эдипа» Ж. Делеза и Ф. Гваттари) — за утонченную сложность, а бесконечные языковые игры — за смысловую глубину. Опасность этих игр, во-первых, в том, что их поклонники, создавая определенную интеллектуальную моду, заражают ею молодежь. Во-вторых, именно на этой основе выросла вся раковая опухоль современной антикультуры, которая, как и настоящая опухоль, подавляет естественный рост живого организма.

И все же снова скажем, что для пессимизма нет оснований. Мы в этой книге акцентируемся на критике лишь потому, что многие люди, интуитивно чувствуя ложь и порок, — в то же время не уверены в себе, или не находят аргументов, или попросту «не дозрели» до ясного осознания своих собственных интуиций. Но чтобы утвердить истину — надо прежде всего четко отличить ее от лжи, отсюда и наше пристальное внимание к различным формам проявления этой лжи и выстраивание контраргументов. Но одновременно зафиксируем, что в той же культуре сегодня заметны и весьма позитивные тенденции, особенно в отношении людей к подлинному искусству, к которому мы теперь и переходим.

Что такое искусство?

Так назывался известный труд Л. Толстого, который в свое время вызвал резкую (и во многом справедливую) критику, но в то же время большой интерес. Если буквально в двух словах выразить его главные идеи, то они следующие. Во-первых, искусство — это то, что «заражает» людей, то есть как бы напрямую передает переживания творца, его восприятие и видение мира. Иными словами, лишь то, что «заражает», и может считаться искусством. Во-вторых, искусство может быть созидательным и разрушительным для человека и общества, в зависимости от того, чем именно оно «заражает».

Эту простую, но, в общем, верную схему можно выразить несколько иначе. Прежде всего, искусство — это *особого рода познание человека и мира*. В отличие от научного познания, оно гораздо более непосредственно, целостно и интуитивно¹; это **познание-переживание, познание-видение**, т.е. оно дает нам не абстрактную понимающую схему мира, как наука, а в некотором смысле *сам живой мир*; художник, «заражая» нас своим творчеством, как бы вкладывает кусочек реальности прямо в нашу душу. При этом, что особенно важно, этот кусочек реальности — не фотография; он осмыслен и преломлен художником, обогащен его опытом. Именно поэтому искусство ничем не заменимо; оно на порядки раздвигает

¹ В западной гносеологии интуиция сегодня сплошь и рядом редуцируется к свернутым структурам дискурсивного мышления. Но в той же русской религиозной философии она рассматривается именно как форма познания, взаимодополнительная к рациональному познанию, более того, базовая.

горизонты нашего, неизбежно ограниченного, личного опыта. Более того, оно дает ни с чем не сравнимую радость. Вот показательный отрывок из «Крейцеровой сонаты» того же Толстого:

«На меня, по крайней мере, вещь эта подействовала ужасно; мне как будто открылись совсем новые, казалось мне, чувства, новые возможности, о которых я не знал до сих пор. Да, вот как, совсем не так, как я прежде думал и жил, а вот как, как будто говорилось мне в душе. Что такое было то новое, что я узнал, я не мог себе дать отчета, но сознание этого нового состояния было очень радостно»¹.

Но все сказанное относится лишь к истинному искусству. Как и в культуре в целом, в этой сфере можно выделить *анти-искусство* и, наконец, не-искусство, его имитацию, лишенную печати таланта. На последнем вряд ли стоит останавливаться, но попробуем выделить некоторые критерии отличия искусства от анти-искусства.

Если искусство — это познание, то надо ставить вопрос: а что именно мы стремимся познать, каков *предмет* нашего познания? И здесь прежде всего вспоминается давний спор о том, должно ли искусство отображать только «высокое и прекрасное»?

Сторонники такого подхода апеллируют именно к возвышающей, просвещающей роли искусства. Но этот неоспоримый довод все же однокбок. Оппоненты справедливо указывали, что в мире есть зло и вряд ли достойно человека закрыть на него глаза, уклониться от борьбы, замкнуться в башне из слоновой кости (если даже у кого-то есть такая возможность). Поэтому искусство должно показывать и темные, тяжелые и трагические стороны жизни. Более того, — показывать с такой силой, чтобы встряхнуть спокойных и благополучных, вызвать катарсис, сопереживание, пробудить и к состраданию, и к борьбе.

Но вот здесь и проходит первая демаркационная линия — в ответе на вопрос: *для чего именно художник берется изображать зло?* Если для пробуждения в человеке сострадания, готовности действовать — это одно. А если показ зла и грязи становится самоцелью — совсем другое. В последнем случае зритель (слушатель, читатель) получит не катарсис, а ощущение, схожее с тем, когда нога в открытой обуви проваливается в грязную лужу. Стойкий че-

¹ Толстой Л.Н. Крейцера соната // Толстой Л.Н. Собр.соч. в 22 т. Т.12. М., 1982, с. 180.

ловек поморщится и забудет, а неопытный и слабый духом, если его долго кормить подобной «духовной пищей», увы, привыкает и более того, впадает в зависимость, его начинает тянуть к мраку и грязи.

Вот пример, попавшийся на глаза в процессе написания этого очерка, — заметка о выставке Олега Целкова «Бубновый туз»:

«...Карикатурные лица и тела, только монохромные или малоцветные картины... Сам Целков говорил когда-то, что создал лицо без идеализации, в котором не видно лица Бога.

...Тут видно, как меняются персонажи: то по-свинячьи счастливые и беззаботные, то невозможно трогательные, то вызывающе уродливые, отвратительные не только по рисунку и сюжету (с пилами, ножами, топорами), но и по невыносимой жидкой смеси алого и розового, зеленого и лилового.

...Лучшее здесь — хрестоматийная "Тайная вечеря": яркое, как кагор на свету, месиво торжествующих человекообразных, в восторге прущих на одного с поднятыми то ли руками, то ли ногами. Вряд ли посыл картины антиклерикальный — богоборчеством во время ее написания занималось государство, а не несогласные с ним. Скорее просто дерзость, которая Целкову и свойственна, и им в себе оберегаема...»¹

Наивный журналист не видит за этой «дерзостью» того самого патологического «самовыражения», о котором мы уже говорили. К этому же виду «творчества» можно отнести и бесконечные бандитские сериалы, и «звездные войны», и уже упомянутые «унитазные» инсталляции и многое другое, что в XX веке выступило под знаменами «нового искусства». Нередко приходится слышать: это, мол, и есть правда жизни, чего же вы хотите? Но здесь с ходу возникает простой ответ: почему надо считать, что безобразие и зло — это правда, а добро и красота — ложь? Мусорная свалка — это правда, а цветущий луг — ложь? Каждый видит, что ему ближе.

Есть и другая сторона вопроса. Как оценить художника, не берущегося за масштабные цели, не ставящего задачу глубокого постижения мира, а сосредоточившегося на каких-то аспектах, деталях? Например, на бесчисленных, мимолетных проявлениях красоты — ритма, звука, цвета, движения? Как импрессионисты в живо-

¹ Олег Целков привез своих монстров — URL: http://www.vedomosti.ru/lifestyle/news/27407961/zhit-so-svoimi-mordami?from=newsletter-editor-choice&utm_source=newsletter&utm_medium=content&utm_campaign=editor-choice&utm_term=news35

писи или, скажем, многие поэты, в стихах которых нет особого смысла, но есть лишь завораживающая музыка слова:

Я мечтою ловил уходящие тени,
Уходящие тени догоравшего дня,
Я на башню всходил, и дрожали ступени,
И дрожали ступени под ногой у меня...¹

Или же можно углубиться в тончайшие нюансы человеческой психологии, или, скажем, в «окраску» исторических эпох, заставляя сопереживать и читателя (зрителя и пр.). Думается, что все это — тоже подлинное искусство. Ведь познание мира — это «двойная спираль». С одной стороны, это взгляд с высоты, растущая панорама и системность видения, прозрение великих эйдосов, задающих ритм мироздания. Но с другой стороны и одновременно с этим — внимание к «мелочам», утончение восприятия, видение игры беспредельной материи и беспредельного духа во всей их диалектической сложности и красоте. И мы благодарны и тем художникам, которые поднимают нас над землей, — и тем, кто напротив, заставляет вглядываться в бесчисленные мельчайшие грани бытия, видеть их сверкание, видеть и в них отражение Высшего.

В одном мгновеньи — видеть Вечность,
Огромный мир — в зерне песка.
В единой горсти — бесконечность,
И небо в чашечке цветка².

Другое дело, что есть творцы, сочетающие и то, и это, и они — подлинные гении. Возьмем, например, Пушкина. У него есть сугубо философские и гениальные «Пророк», «Маленькие трагедии», «Борис Годунов», «Медный всадник», но есть и мгновенные пейзажные и психологические зарисовки, типа «На холмах, Грузии...», и бытовые зарисовки, и дружеские шуточные послания. Гений чаще всего многолик и не укладывается в простые квалификации. Или взять художественные полотна Н.К. Рериха. Там есть масштабные философские и пророческие полотна, типа «Калки-Аватара» или «Ангела последнего», но есть и огромный цикл «Гималаи», где запечатлены тончайшие нюансы красок и света величайших гор Земли. Их надо было увидеть острым глазом художника и передать свое переживание и свое видение зрителю, лишенно-

¹ К. Бальмонт.

² У. Блейк.

му такого дара. Здесь художник разными средствами расширяет наше видение мира и собственной души, помогает нам обрести более глубокое и многомерное их видение-понимание и видение-переживание, расширяет границы нашего опыта, а значит, открывает перед нами новые тропы для личностного совершенствования

Поэтому можно сказать, что и в рамках истинного искусства есть своя иерархия. Эта иерархия и объективна, и субъективна. Объективна — по достижениям творцов, а субъективна — в том смысле, что она не означает какого-либо навязывания. В силу множества причин человек тянется к тем или иным конкретным книгам, картинам, стихам, чувствуя, что на этом этапе жизни именно они утолят его духовный голод. Через время, возможно, его предпочтения изменятся.

Теперь остановимся на втором критерии, связанном с **формой**. Искусство XX века, так называемый авангард во всех его видах, всячески стремился к упразднению формы — в первую очередь, под тем же самым предлогом «свободы самовыражения». Конечно, отчасти здесь сказалось и законное стремление к поиску новых художественных средств выразительности. Но уж слишком соблазнительной оказалась эта дорожка; как говорится, «ломать — не строить»... В России 90-е годы прошлого века многим запомнятся небывалой атакой на традиционные формы, особенно в изобразительном искусстве¹. Смысл яростной идеологической кампании сводился к тому, что вместе с тоталитаризмом должны исчезнуть и архаичные формы искусства прошлого. Эта кампания сопровождалась разрушением сложившейся уникальной, имеющей мировое значение системы художественного образования, более того, за то время ушли из жизни многие мастера искусства. И не только из-за преклонных лет; государство перестало поддерживать художников через систему государственных договоров, у музеев не было денег, резко выросли цены на мастерские, на краски... Словом, художники, носители «традиционного искусства», вынуждены были буквально выживать. Еще хуже то, что очень многие подпали под влияние этой пропаганды. Дезориентированы были не только художники. Сколько искусствоведов, воспитанных на классических искусствоведческих трудах, вдруг стали «свободны» от них и бро-

¹ Один из авторов книги — профессиональный искусствовед, поэтому мы предпочитаем чаще брать примеры именно из области изобразительного искусства.

сились славить доморощенных местных авангардистов. Многие вдруг искренне уверовали в то, что традиционным видам искусства действительно пришел конец. При этом страну покинули тысячи художников, дизайнеров, архитекторов. Буквально в одночасье из выставочных залов исчезли картины, графические работы, скульптурные произведения, и они заполнились... трудно даже подобрать название подобным «произведениям». Советский читатель, который раньше ужасался или смеялся над разоблачительными статьями, описывающими, как западные авангардисты создают свои «творения», вдруг столкнулся с этим в своей собственной стране:

«Мастер беспредметной живописи... Дутов исповедовал свободное, спонтанное движение кисти, ...которое порой приводило к непредсказуемым результатам. Так, например, проработав несколько часов над холстом, Дутов видел в нем не одну композицию, но несколько. И тогда, вооружившись ножницами, мастер разрезал холст на две или три части. При этом те фрагменты композиции, что по тем или иным причинам не удались, можно было легко отсечь.

...Сейчас Дутов стоял перед холстом, прикрыв левый глаз, и, сделав из пальцев рамочку, прикладывал ее к правому глазу. Сквозь рамочку эту он осмотрел все части холста и сказал Эдику Пинкисевичу: думаю, здесь на три хорошие картины как минимум — вот, вот и вот.

— А вот это? — спросил Эдик Пинкисевич, тоже сделав рамочку и высмотрев сквозь нее интересный сюжет. — Тут тоже интересно: по центру зеленое пятно, а лиловые полосы — влево и вверх.

— Ты полагаешь? — спросил Дутов подозрительно.

— Определенно есть тема, есть тема»¹.

Значит ли это, что поиск новых форм не должен вестись? Это очень большой вопрос, но можно высказать следующие соображения. В традиционных формах всегда есть структура, «конструкция», то есть снова выражение некоего порядка. Скажем, в той же живописи существует целый ряд критериев оценки, например, композиции картины. Отказаться от этого порядка, конечно, можно — но не в пользу хаоса, а только в пользу *более сложного и тонкого порядка*. Кстати, попытку передать принципы построения художественного порядка более высокого уровня предпринял Г. Гессе в своем романе «Игра в бисер». Ну а на внешнем, фиксируемом уровне можно заметить следующий критерий: произведение, созданное в русле «искусства порядка», есть *система*: оно не только

¹ Кантор М. Учебник рисования. Т.1. М., 2007, с. 319-320.

само обладает внутренней структурой, но и требует серьезной работы для своего вписывания в более объемную, внешнюю систему — природную среду, интерьер или экспозицию. Известно например, что создавая конный памятник герцогу Сфорца в Милане, Леонардо да Винчи тщательным образом рассчитывал пропорции своей скульптуры, искал на площади наиболее выразительные точки, с которых памятник открывался бы наиболее выразительно.

Конечно, переход к сложному порядку возможен только если художник его действительно *видит* (как, скажем, Чюрленис). Мы не будем здесь касаться вопросов о том, что означает особое *видение/познание* художника, но ясно, что оно не имеет ничего общего с произволом «самовыражения»; это, напротив, результат особой духовной дисциплины, сдерживания произвола своего личного художественного «я», жаждущего самовыражения. Не случайно иконописцам предписан пост и соблюдение строгого канона. Проверенная временем форма произведения (художественный канон) может, конечно, ограничить свободу художника, поиск более сложных и тонких форм, но гораздо чаще канон сдерживает художественный произвол, ту творческую отсебятину, которая ничего не дает ни самому творцу, ни миру.

И, разумеется, **более сложные формы — не самоцель**; они должны и нести более глубокие смыслы. Ну а воспеваемый авангард, основанный на той же самой идеологии деконструкции, упразднив формы, отказался и от смыслов, и от ценностей, особенно нравственных.

«Искусство нового порядка было призвано... обеспечить комфортное состояние обывателя: уберечь его от деклараций и одновременно оставить приятное интеллектуальное возбуждение. Это искусство никуда не зовет, ничего не утверждает... оно вообще ничего не должно говорить определенно — оно просто воплощает некую абстрактную тягу к свободе и демократии...

Художник не должен написать картины, писатель не должен создать романа, философ не обязан создать философскую систему — ни в коем случае не должен, как раз наоборот! Он воплощает тотальную иронию и принцип тотальной деструкции, и писатель, у которого нет мыслей, оправдан тем, что рядом с ним художник, который принципиально не умеет рисовать.

...Искусство, из которого были изъяты сострадание и ответственность — как конструктивные начала, не соответствующие идеалам деконструктивизма, — породили политиков, которым эти качества несвойственны... Вы хотели деконструкции — извольте! Теперь ее будет в из-

бытке.... Не стоит сетовать на бомбежки — посмотрите на инсталляции у себя в гостиной... Вы ведь никогда не хотели, чтобы они теребили совесть, не правда ли?»¹

Но закончим этот пассаж снова на оптимистической ноте: первое десятилетие начавшегося века показало, что подлинное искусство все же непобедимо. Об этом говорят многие факты, бросающиеся в глаза даже без специальных исследований, — например, переполненные залы филармонии, растущий интерес к русскому романсу (например, в исполнении великолепного мастера О. Погудина), поворот, совершающийся в том же изобразительном искусстве. Сохранившееся благодаря наиболее стойким мастерам, поддерживаемое искусствоведами и музейными сотрудниками, а также (быть может, это самое главное!) отвечая внутренним запросам тысяч зрителей, оно начинает вновь завоевывать позиции. Вновь в цене (именно цене духовной, а не рыночной!) и классический реалистический пейзаж, и портрет, и жанровая живопись, и графика, где особенно ценны именно техническое мастерство наряду с идеей, творческим замыслом произведения. И оказывается, что все эти классические жанры вовсе не устарели и дают возможность для многообразного самовыражения художнику; и что здесь есть бесконечное поле для творческих, в том числе и технических экспериментов, когда используются и новые материалы, и возможности той же компьютерной техники. Но главное, — здесь есть возможность объективно проявиться тому, что отличает искусство от псевдоискусства: *духовным накоплениям художника*. Если они есть, наряду с художественной одаренностью, то будет найдена и соответствующая индивидуальная художественная форма, которая «заразит» зрителя, а если творческих идей и духовных накоплений нет, то не поможет никакая изощренная художественная техника. Она не скроет отсутствия содержания.

В завершение остановимся на тезисе о соавторстве творца и того, кто воспринимает творение. Этот, в целом, совершенно верный тезис снова был доведен до абсурда в идеологии постмодернизма. Мол, у текста вообще нет самостоятельного смысла, и читатель конструирует этот смысл сам, по своему произволу. А поэтому можно как угодно перетасовывать тексты, переиначивать все произведения искусства. Что и делают, например, многие совре-

¹ Кантор М. Учебник рисования. Т.1. М., 2007, с. 557.

менные режиссеры (в театре этот тезис, кажется, наиболее популярен). Но не говоря уж о простом уважении к автору, здесь снова нет элементарной логики. При всем желании мы не вычитаем, скажем, у Достоевского, проповеди революции, а у Толстого — апологии частной собственности. Более того, даже у самых противоречивых авторов есть ключевые смыслы и есть второстепенные, и смешение их говорит о слепоте воспринимающего.

Истинное же достраивание, или, иначе, сотворчество автора и читателя/зрителя, означает по сути развитие каких-то идей или мотивов произведения, но не в произвольном направлении, а в направлении *прироста внутреннего знания*, которое уже заключено в *произведении*. Если читатель сам принадлежит к творцам, это может вылиться в новое произведение, если нет — то обогатит его внутренний мир, даст толчок его духовному развитию.

Но любой ли человек способен на такое сотворчество? Для ответа на этот вопрос вернемся теперь к труду Толстого, с которого мы начали разговор об искусстве.

Если читатель помнит, он вызвал и резкую критику. И вполне объяснимую, как объяснимо и заблуждение самого Толстого. Он задумался над вопросом: почему так называемое высокое искусство так сложно для восприятия? И не означает ли это его неестественности и ненужности? В итоге Толстой пришел к мысли, что лишь самое простое искусство, доступное и понятное любому человеку, имеет право на существование.

Принципиальная ошибка Толстого здесь заключается в упрощенном взгляде на природу самого человека. Здесь он перекликается как раз с упомянутыми «просветителями», например, с Руссо. Согласно Руссо, люди, по существу, все одинаковы, и не только по своему потенциалу, а, так сказать, в наличности. Прежде всего, у всех людей совершенно одинаков разум; точнее говоря, его базовые структуры. Поэтому вся разница между людьми заключается только в соответствующем обучении. Что может понять или переживать один субъект — могут понимать и переживать другие люди, получившие такое же образование и воспитание. И, кроме того, все люди изначально добры и лишь «портятся» неправильно устроенной цивилизацией. Толстой, пожалуй, пошел еще дальше: хотя сам был человеком огромного интеллекта, но чем дольше жил, тем меньше испытывал уважения к разуму и тем больше выдвигал на первый план нравственность, причем, самую простую, этакое не-

рассуждающее добро, которое, как ему казалось, он видел в крестьянстве. В итоге вкусы и интересы крестьянства в конце концов и стали для него определяющими. Иными словами, у Толстого нет представления о *развитии* человека, а лишь о его *очищении* от всего наносного, что, как он считал, привнесла в нашу жизнь цивилизация вместе с наукой и с искусством.

Здесь Толстой, конечно, выплескивает с водой и ребенка. В подобных упрощенных взглядах, по сути, исчезло представление о возможности *бесконечного внутреннего роста человека*, его «самотрансценденции», о которой говорили все великие философско-духовные учения прошлого и к которой снова стали возвращаться мыслители и ученые XX века, признавая именно *качественное* различие между людьми. Не углубляясь в эту сложную тему, напомним только, что этот внутренний рост зависит в первую очередь от активности самого человека. Важность образования и воспитания невозможно переоценить, но без собственной активности человек останется просто обученным животным. Качественного внутреннего роста не произойдет.

К искусству это имеет самое прямое отношение. Внутренний рост означает развитие всех сторон личности, в том числе и способности все более глубокого и тонкого понимания, видения и переживания себя и мира¹, о чем мы выше говорили. Эти способности прежде всего нужны художнику, но не менее они нужны зрителю, читателю и слушателю. Без них он будет в буквальном смысле слепым и просто не сможет увидеть и почувствовать того, что вложил в свое произведение автор. И когда говорят о необходимости подготовки к восприятию произведения, то это и означает, что и художник, и зритель должны быть близки по своему духовному уровню, личностному развитию, или, иначе, *конгениальны*. Тем более это очевидно, когда речь идет о великих произведениях искусства: здесь для их восприятия нужны и знания, и аналитические интеллектуальные навыки, и развитая способность к глубоким сопереживаниям, и интуиция, и многое другое. И только такая конгениальность делает возможным и сотворчество.

Но ведь часто здесь речь идет о более простых и понятных вещах — могут нам возразить. А именно: о том, что человека надо

¹ Понятно, что в идеале все эти способности нашего сознания должны образовывать органическое единство.

познакомить с азами данного искусства. Например, если речь идет о живописи, — рассказать и показать на примерах, что такое композиция, законы сочетания цветов; если речь о поэзии, — научить разбираться в правилах стихосложения, рифмах и размерах и т.д. Надо согласиться, что это весьма полезные и даже, скорее всего, необходимые знания. Но снова подчеркнем: эти знания — как зерна, падающие на хорошую или плохую почву — нашу собственную душу. Лишь глубокое и напряженное стремление не просто «получить информацию», а именно *понять/почувствовать/пережить* и гармонию цвета, и музыку рифм — сформирует истинное *знание-переживание*, а значит, качественно преобразит нашу душу.

Человек, который не предпринял этот внутренний труд постижения и лишь «получил информацию», скорее всего, испытает лишь приятное чувство узнавания: вот, мол, я распознал, что этот стих написан анапестом, а вот в той-то картине такая-то композиция. Нечто типа удовольствия от разгадывания кроссвордов. Но у него, во-первых, не разовьется внутреннее чутье, которое всегда сопутствует настоящему пониманию и позволяет отличить истинное искусство от подделок. Поэтому его вкусами легко будет манипулировать.

И, во-вторых, он не испытает глубочайшей *радости*, переворачивающей всю душу, которую приносит искусство. В связи с этим заметим, что не случайно многие тонко мыслящие авторы давно разделили понятия удовольствия и радости. Э. Фромм напоминает точное определение радости, данное Спинозой:

«Радость, говорит он, — это "переход человека от меньшего совершенства к большему, ...к предначертанному нами образцу человеческой природы"... таким образом, радость — это то, что мы испытываем в процессе приближения к **цели стать самим собой**»¹.

Именно такую радость приносит подлинное искусство; оно способствует нашему переходу «от меньшего совершенства к большему». Таким образом, настоящий творец — всегда учитель, и как настоящий учитель, он не «информирует» и тем более не развлекает или успокаивает, но растит душу и закаляет ее в борьбе за лучшее и высшее. Искусство, которое уклоняется от этой цели, — в лучшем случае служит украшением быта. А в худшем случае оно

¹ Фромм Э. Иметь или быть, с. 126-127.

вносит свою (и немалую!) лепту во все то зло, которое творится в мире.

И, возвращаясь к нашей ключевой идее, подытожим: подлинное искусство разными путями и многообразными средствами утверждает, воспекает, а в своих наивысших проявлениях — преумножает мировой порядок бытия, обогащая его глубинным Я и истинного творца, и истинного зрителя.

Очерк четвертый **«Государство правды»** **как политическая форма нового мироустройства**

Почему в России не популярны политические партии?

То, о чем речь пойдет в данном очерке, касается в первую очередь России. Будущее евразийское и мировое духовно-экологическое содружество будет состоять из различных стран с различными политическими системами, соответствующими их историческим, культурным и религиозным традициям, но, безусловно, имеющими какие-то общие элементы. Эти элементы на примере России мы и попытаемся здесь вычленить. При этом сразу хотим признаться в своем глубоком и сознательном неприятии партийной политической жизни, по крайней мере, в России, и имеем для этого достаточно оснований.

Во-первых, если взглянуть на «партийные» периоды в нашей истории, то ничем, кроме национальных катастроф, они не заканчивались. Здесь достаточно вспомнить Гражданскую войну 1918-1921 годов и октябрьский расстрел парламента в октябре 1993 года. Как-то не очень способствовало общественной консолидации вокруг политических партий и то, что происходило в политической жизни России в последующие годы.

Если для классических европейских демократий (правда, лишь вплоть до последнего времени) межпартийная борьба хотя бы отчасти являлась формой выражения и кристаллизации общественного мнения, перевода экономических, социальных и этнокультурных противоречий в мирную парламентско-юридическую плоскость, то

в России партийное противостояние выступало и выступает источником социальных конфликтов и государственных смут. И нет никаких оснований утопически надеяться, что можно легко вестернизировать российский политический менталитет и искусственно привить ему любовь к партийной политической жизни. За западные утопии (равно коммунистические и рыночно-либеральные) мы и так уже заплатили слишком дорогую цену в XX столетии.

Во-вторых, основная масса населения в России отрицательно относится к институту политических партий как таковому, не без оснований считая, что их костяк составляют по преимуществу карьеристы, демагоги и сребролюбцы, далекие от интересов простых граждан. Это касается и советского, и постсоветского периодов нашей истории. Все более сокращающаяся явка людей на выборы, особенно региональные, эмпирически подтверждает этот тезис.

В-третьих, крайне низок интеллектуальный и общекультурный уровень большинства наших партийных деятелей. Им не хватает ни стратегического политического мышления, ни знания истории и традиций России, ни системного видения того, что сегодня происходит в мире. Все партийные программы, с которыми мы ознакомились, от единороссов до коммунистов, не дают ясных и последовательных ответов на три фундаментальных вопроса:

1) Что такое Россия как самостоятельный, не похожий ни на Восток, ни на Запад, культурно-географический мир, раскинувшийся от Балтики до Тихого океана?

2) К какому будущему, к каким историческим целям мы должны устремляться, анализируя обнажившиеся противоречия сегодняшнего этапа мирового развития?

3) Какие именно отечественные традиции и опыт во всех сферах общественной жизни сегодня по-прежнему эффективны и будут служить средством достижения поставленных исторических целей, и что из западного опыта мы можем перенять с пользой?

На второй вопрос мы уже отчасти дали ответ выше, а к первому и третьему обратимся на следующих страницах данной книги. В данном же очерке остановимся подробнее на тех конструктивных политических идеалах и ценностях, которые существовали в истории России и на которые мы можем вполне надежно, на наш взгляд, опереться при реформировании отечественной политической системы, а также предложить в качестве универсальных поли-

тических основ нового — духовно-экологического — обустройства общества. Но сначала дадим критику института традиционных европейских демократий.

Коренные недостатки демократии

Последние события в мире, особенно наступление крупного капитала и финансовой олигархии на гражданские права и социальные завоевания граждан, существенно подорвали доверие к демократическим институтам даже в их традиционных оплотах — в США и в Европе. Так называемое «дело Сноудена» — мощнейший удар по либеральным мифам. Что касается России, то ей, при ее гигантских континентальных пространствах и общинно-вечевых традициях (включая советский опыт), парламентаризм западного типа, похоже, вообще противопоказан. Остановимся несколько подробнее на коренных недостатках демократии, уловленных самыми разными мыслителями разных стран и времен. Они, в общем, известны, но о них нелишне будет напомнить.

Так, критику американской демократии мы встречаем уже у А.С. Пушкина в начале XIX века. В статье «Джон Теннер», подготовленной для «Современника», он писал:

«Уважение к сему новому народу и к его уложению, плоду новейшего просвещения сильно поколебалось. С изумлением увидели демократию в ее отвратительном цинизме, в ее жестоких предрассудках, в ее нестерпимом тиранстве. Все благородное, бескорыстное, все, возвышающее душу человеческую, — подавленное неумолимым эгоизмом и страстию к довольству (comfort); большинство, нагло притесняющее общество; рабство негров посреди образованности и свободы;... талант, из уважения к равенству, принужденный к добровольному ostracism; ...такова картина Американских Штатов»¹.

Говоря о недостатках всеобщего равного избирательного права, чуть ли не главного атрибута демократии, выдающийся западный консерватор Ж. де Местр также в начале XIX века подметил, что голоса должны «не считаться, а взвешиваться». В самом деле, риторически звучит вопрос, чей политический выбор носит более осознанный и ответственный, т.е. рациональный характер, — убежденного седины профессора или юнца, только окончившего

¹ Цит. по: Последний год жизни Пушкина. М., 1990, с. 179.

школу; крестьянина, всю жизнь проработавшего на поле, знающего цену выращенному хлебу и плодородию земли; или столичного экономиста-«менеджера», чьи мозги отравлены рыночной мифологией и который отпуск проводит за границей, зная свою страну в лучшем случае через экран компьютера.

Как справедливо отметил Н.А. Бердяев, к взглядам которого мы еще обратимся, истина ни в науке, ни в политике не принимается большинством голосов. Она всегда — удел немногих избранных, наделенных совестью, разумом и интуицией, которым только и нужно доверять принятие важнейших государственных решений.

Против всеобщего демократического голосования выступал и Д.И. Менделеев:

«"Всеобщий, прямой и тайный" выбор народных представителей, чего желает немалое количество наших передовиков, мне представляется... не могущим дать желаемых представителей потому..., что такой выбор при всякого рода допущениях предполагает готовых, ранее намеченных кандидатов и развитие сознательности более или менее равномерным во всем народе... Избрание через выборщиков, установленное у нас, есть единственно доньше возможное, и вся судьба дела определяется не столько количеством выборщиков, сколько их качеством, т.е. цензом»¹.

При этом великий русский ученый был категорически против имущественного и сословного ценза, считая, что выбор государственных деятелей должен быть доверен наиболее образованным и ответственным людям в обществе, в особенности тем, у кого есть семьи и дети.

Действительно, механистическая эгалитарность в качестве своего противоположного полюса всегда подразумевает тайное господство псевдоэлит (политических, финансовых, военных, криминальных). При этом ни масса народонаселения, ни рядовые члены партий никогда не решают вопросы стратегического развития страны, заключения договоров, вступления в войну, подбора управленческих кадров на высшие государственные должности, то есть удалены от решения важнейших экономических, финансовых или социальных проблем. Это всегда делают люди из крайне немногочисленных правящих кругов, явных или теневых. Сведениями об элитных сообществах, типа «Трехсторонней комиссии» или

¹ Менделеев Д.И. К познанию России. М., 2002, с. 301.

Бильдербургского клуба, где принимаются важнейшие государственные и межгосударственные решения, переполнены современная печать и телевидение. Понятно, что это в значительной степени маскировка еще более скрытой мировой закулисы, таящейся за демократической сценой. Вместо подлинной элиты общества, т.е. наиболее совестливых, умных и бескорыстных людей, **в демократиях правит псевдоэлита**, т.е. наиболее беспринципные, амбициозные и агрессивные «лидеры».

Выдающийся правовед-евразиец Н.Н. Алексеев в начале прошлого века подметил другой неустрашимый порок демократии — внушаемость электората и принципиальную неустойчивость общественного мнения, подверженного действию подчас совершенно несущественных факторов:

«Демократическая "динамика" общественного мнения есть вид общественной неврастности, являющийся безошибочным показателем растрепанности современного человека и всей его жизни»¹.

Насколько эфемерно демократическое волеизлияние электората, насколько оно субъективно — свидетельствуют факты нашей недавней истории. Так, 17 марта 1991 года на общесоюзном референдуме 58,62% украинцев поддержало сохранение СССР, а 1 декабря 1991 года после августовского путча — 76,03% граждан Украины... голосовали за «Акт провозглашения независимости»².

Еще один коренной порок демократий отметил Л.П. Карсавин, подчеркивая в них роль финансовой олигархии:

«Вся государственная власть сконцентрирована в небольшом и оторванном от народа правящем слое, на авансцене которого вертятся парламентарии и журналисты, а за кулисами вертят чуть ли не всем банкиры»³.

Свое неприятие многопартийной парламентской системы ясно высказывал и выдающийся отечественный историк В.О. Ключевский:

¹ Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М., 1998, с. 181.

² См. Андрей Ваджра. Украина: у последней черты. Сценарий-прогноз. — URL: <http://www.za-nauku//index.php?option=context&task=view&id>

³ Карсавин Л.П. Основы политики// Россия между Европой и Азией. Евразийский соблазн. М., 1993, с.201.

«Я вообще не сочувствую партийно-политическому делению общества при организации народного представительства. Это: 1) шаблонная репетиция чужого опыта; 2) игра в жмурки»¹.

В жесткой критике демократии сходились русские консерваторы, типа К.П. Победоносцева, с отечественными коммунистами, типа В.И. Ленина; почвенники, как Ф.М. Достоевский, с анархистами, как М.А. Бакунин. А многие российские либералы и западники, непосредственно познакомившись с плодами европейской демократии, переходили на почвеннические позиции, как, например, П.И. Новгородцев² или А.И. Герцен, которому принадлежит одно из лучших кратких определений демократии как «власти организованного меньшинства над дезорганизованным большинством». Ярым ее критиком был уже упоминавшийся Н.А. Бердяев. Вот, например, его выразительные фрагменты из работы «Философия неравенства»:

«В ваших демократиях господствует человеческое количество, и вы думаете, что за ним стоит народ. Но это есть великая ваша ложь, которая должна быть изобличена. Человеческое количество есть пыль, носимая волей ветра. И воля этого человеческого количества не может быть волей народа. Воля эта не может быть случайной суммой, колеблющейся от всякого дуновения. Уже одно то, что ваше царство демократии раздирается борьбой партий и что партиям отданы в нем судьбы государств, свидетельствует против вас и не позволяет верить, что народ находит в нем свое выражение. Демократическое правление есть в конце концов фикция. Я говорил уже, что в действительности возможны лишь аристократия или охлократия. Тирания партий редко бывает аристократией. Там не происходит подбора лучших и способнейших...»³

Современную глубокую и остроумную критику демократии можно найти в художественных и теоретических произведениях писателя, художника и публициста М.К. Кантора, которого мы уже цитировали в предыдущих очерках. Он совершенно точно определяет демократию как «легитимизированное неравенство», предоставление массам лишь формальных прав и узаконивание растущих расколов в обществе:

¹ Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т. IX. М., 1990, с. 355.

² См. его знаменитые поздние работы эмигрантского периода «Демократия на распутье» и «Власть святынь» // Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991.

³ Бердяев Н.А. Философия неравенства. М., 1990, с. 159.

«То есть, спросим мы у защитника демократии, например, у Йозефа Шумпетера, в конце концов мы в любом случае (при тирании ли, при демократии ли) получаем — как конечный продукт социальной эволюции — неравенство? Просто в случае тирании это неравенство насаждается произвольно, по закону, вмененному одним деспотом, а в случае демократии это происходит по закону справедливому, принятому самим обществом, во имя каждого гражданина... и тем самым легитимизировано.

...Демократия выполнила то, чего не могла добиться никакая тирания, — она узаконила приобретения сильных и власть жестоких и сделала дальнейшие обсуждения миропорядка нелепыми с правовой точки зрения. Нет практически никаких сомнений в том, что в соревновании за власть (честном и законном) выиграет расположенный властвовать, и это будет с большой долей вероятности — жестокий человек. В соревновании за богатство, скорее всего, победит не добрый, но жадный. В соревновании за славу, разумеется, победит тщеславный. Однако эти победы (которые произойдут в соответствии с равными возможностями) отныне будут вменены обществу как правовые достижения, но не как произвол. Права соблюдены, мнения сторон выслушаны, возможности испытаны, и жаловаться теперь некому — виноватых в принципе нет»¹.

К общим принципиальным порокам демократического устройства общества парламентского типа, лишь обостряющимся по мере нарастания глобального кризиса техногенно-потребительской цивилизации, можно также отнести:

- низкие человеческие, особенно моральные, качества правящей элиты;
- невозможность эффективного контроля общественности за деятельностью власти, сплошь и рядом преследующей интересы крупных промышленных и финансовых корпораций;
- использование манипулятивных технологий для обработки сознания электората, вошедшее в систему. Эти технологии отлично проанализированы в работах С.Г. Кара-Мурзы²;
- неэффективность демократических моделей в странах Африки и Азии, где есть несколько конфликтующих религиозных общин, этнических или племенных объединений, а также сложные отношения между светской и религиозной частями общества. Примеры этого — раскол общества в Турции, Египте, во многих странах Африки. Даже в самой Европе существует угроза распада Ис-

¹ Кантор М. Медленные челюсти демократии. М., 2008, с. 9-10.

² См. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. Век 21-й. М., 2013.

пании, Англии, Бельгии по этническим основаниям. Демократия в принципе не способна гармонизировать отношения между людьми, недаром бытует ее определение как «войны всех против всех, переведенной в политическую плоскость»;

- неустрашимость коррупционных отношений в парламентах в условиях господства частной собственности, что или попросту замалчивается, или маскируется принятием законов о лоббировании, т.е. фактически узакониванием коррупции;

- неуклонное превращение демократий в явные или скрытые тоталитарные системы со слежкой за своими гражданами, нарушением неприкосновенности частной жизни и гонениями на инакомыслящих.

И, наконец, самое главное. **Никакие внешние «демократические» свободы не заменят свободы внутренней, которая невозможна без глубоких знаний и самостоятельного мышления, а также доминирования духовных потребностей над материальными.** Интеллектуально ограниченный и зацикленный на материальном потреблении обыватель (идеальный представитель демократического электората) никогда и ни при каких обстоятельствах не сделает верного политического выбора. Он обязательно станет жертвой внешней идеологической манипуляции или собственных предрассудков.

Территориально-корпоративное представительство как альтернатива всеобщему и равному избирательному праву

Что же можно предложить в качестве альтернативы демократиям в условиях усугубления глобального мирового кризиса?

Начнем с того, что русская общественно-политическая мысль устами Н.М. Карамзина четко зафиксировала главную задачу любого государства.

«Для того ли образуются, для того ли возносятся Державы на земном шаре, чтобы единственно изумлять нас грозным колоссом силы и его звучным падением; чтобы одна, низвергая другую, через несколько веков обширную свою могилу служила вместо подножия новой Державе, которая в чреду свою падет неминуемо? Нет! и жизнь наша и жизнь Империй должны содействовать раскрытию великих способностей души человеческой; здесь все для души, все для ума и чувства; все

бессмертно в их успехах! Сия мысль, среди гробов и тления, утешает нас каким-то великим утешением»¹.

Мы видим здесь глубочайшее понимание не только основной задачи государства, но и *главной цели исторического процесса*, о чем мы уже говорили, — *развития духовных способностей человека*. Отсюда и другая важнейшая идея Карамзина: недопустимость забвения живого человека за общественными реформами и сменой социально-политических институтов:

«Главная ошибка законодателей сего царствования состоит в излишнем уважении форм государственной деятельности: от того изобретение различных министерств, учреждение Совета и проч... Последуем иному правилу и скажем, что не формы, а люди важны»².

Эти взгляды Н.М. Карамзина прочно войдут в русскую культуру и философию. Мы встречаем их в славянофильской теории государства, а позднее Ф.М. Достоевский³ в полемике с А.Д. Градовским, который упрекнул его, что в речи о Пушкине было много сказано о личной нравственности, но не об общественных идеалах, — ответил известному русскому западнику:

«Чем соедините вы людей для достижения ваших гражданских целей, если нет у вас основы в первоначальной великой идее нравственной? А нравственные идеи только одни: все основаны на идее личного абсолютного самосовершенствования...»⁴

Буквально ту же самую идею мы находим у евразийца Н.Н. Алексеева:

«Праведное государство призвано создать те условия, при которых человеку дана была бы возможность на полное духовное совершенствование»⁵.

¹ Цит. по: Лотман Ю.М. Колумб русской истории // Карамзин Н.М. История государства российского. Сопроводительные статьи к репринтному воспроизведению издания 1842-1844 гг. Кн.4. М., 1988, с. 14.

² Цит. по: Гаврюшин Н.К. «Метафизика и историософия в творчестве Н.М. Карамзина» // Русская философская мысль: на Руси, в России и за рубежом. Сб. научн. ст., посв. 70-летию кафедры истории русской философии. М., 2013, с. 189.

³ Ф.М. Достоевский, как известно, зачитывался «Историей государства российского», особенно карамзинским анализом правления Ивана Грозного.

⁴ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30тт. Т.26. Л., 1984, с. 164.

⁵ Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М., 1998, с. 317.

Можно также вспомнить и мысль А.И. Герцена из «Писем к старому товарищу», что без внутренних нравственных усилий исторический прогресс невозможен. Карамзинский историософский нравственный императив сохраняется в русской культуре и в советский, и в постсоветский ее периоды. Он слышится, например, в известном поэтическом афоризме Андрея Вознесенского: «Все прогрессы реакционны, если рушится человек».

Отметим еще одну важнейшую черту этого государственно-политического идеала¹: не общество должно быть гражданским и контролировать отчужденную от него государственную власть, а само государство должно быть народным или **«государством правды»** (термин, активно использовавшийся тем же Н.Н. Алексеевым), т.е. быть формой объективного выражения и проведения в жизнь народной воли. Это подразумевает **примат нравственных оснований и регулятивов жизни над формально-правовыми**. Здесь можно вспомнить и золотой век Перикла, и знаменитое правление индийского царя Ашоки, заложившего основы миролюбивой политики Индии, и времена китайской династии Тан². В России к этому идеалу приближаются традиции общинного и вечевого самоуправления; Земские соборы XVII века, без которых не удалось бы преодолеть последствия Великой смуты; наконец, опыт советской власти, относительно многих элементов которой положительно отзывались те же Н.А. Бердяев и Н.Н. Алексеев, бывшие во всех других отношениях ее серьезными оппонентами.

Мы ниже еще вернемся к важнейшим элементам «государства правды», а пока выскажем ключевой тезис данного очерка: необходимо *на новом уровне* (вполне в духе диалектического закона отрицания отрицания) *вернуться к народовластию советского типа*. Лозунг «Вся власть Советам!» и «За советы без коммунистов!» (т.е. за беспартийный характер их деятельности) был абсолютно правильным. К сожалению, начавшийся процесс деполитизации, оптимизации и нравственного очищения советской власти был насильственно прерван ельцинским переворотом 1993 года, ввергшим страну в неисчислимые беды. Мы не хотим, да и не можем де-

¹ в России восходящего еще к заветам нестяжателей.

² См. об этом подробнее в монографии: Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю. Скрижали метаистории: творцы и ступени духовно-экологической цивилизации. Барнаул, 2006.

тально прописать будущую схему подлинного народовластия и лишь обрисовать базовые принципы и механизмы, позволяющие преодолеть коренные недостатки сегодняшних демократий, столь явно проявившиеся в России и на постсоветском пространстве в целом.

Прежде всего, всеобщее *механическое* голосование за мало кому известных партийных деятелей или за политические партии в целом — надо заменить *органическим* принципом *территориально-корпоративного* делегирования снизу вверх, в высшие органы государственной власти, уже проверенных в реальном деле людей при обеспечении *действенных механизмов контроля* за ними снизу. Соответственно, и государственная власть в стране в этом случае выстраивается по иерархическому принципу пирамиды: **снизу вверх и от периферии к центру**. На этот важнейший принцип государственного устройства одним из первых указал анархист М.А. Бакунин.

Приблизительно так была устроена советская система, таков был замысел знаменитой государственной реформы Сперанского во времена правления Александра I, и именно так строилась деятельность уже упоминавшихся Земских соборов на Руси. Более того, так строилась выборная власть еще во времена древних кочевых империй, когда наиболее уважаемые представители племен и родов делегировались на общий Курултай для демократических выборов военного вождя — каана.

Соответственно, главная задача «государства правды» или **органической демократии** состоит в *качественном отборе*¹, продуманном продвижении вверх по ступеням государственной лестницы и, главное, *перманентном народном контроле* за деятельностью людей, которым вверяются бразды правления обществом. Система отбора здесь может быть следующей: от территорий и корпораций выбирают лучших представителей и вверяют им право выражения интересов этих территорий и корпораций на различных уровнях государственной власти. Скажем, в местные органы власти делегируют своих лучших представителей предприниматели, учителя, крестьяне, тем самым в значительной мере гарантируя че-

¹ В полном согласии с бердяевским аристократическим принципом выдвижения управленческих кадров по их личностным и профессиональным характеристикам. Здесь с выдающимся русским философом были согласны такие выдающиеся западные мыслители, как, например, Х. Ортега-и-Гассет и Э. Фромм.

ловеческие и деловые качества депутата. При желании на местном уровне среди этих достойных людей можно устроить конкурс. Выбранные депутаты некоторое время работают на местах, а потом лучшие и наиболее способные из них делегируются данным органом для работы в более высокие — областные (краевые) органы власти. Опять же, *после испытательного срока* лучшие из депутатов делегируются уже в верховные органы власти страны с периодическим *отчетом о деятельности* перед своими избирателями всех уровней, включая местный орган, первично доверивший им право выражать и защищать его интересы. Должны быть и эффективные **механизмы отзыва депутатов**, если они не выполняют возложенных на них обязательств. Это принцип территориально-корпоративного отбора депутатов очень точно выразил Д.И. Менделеев:

«...Полезно, чтобы избираемый был знаком с местными условиями и при выборе его выборщики могли судить о нем не понаслышке да не по словам одним, а по действительным делам, ... так как нередко "стелют мягко, да спать жестко", и это больше всего относится до слов, и выборщики служат свою службу родине лучше всего, когда будут руководствоваться не одними речами и "платформами" избираемых или их приспешников, а делами, совершенными предполагаемыми кандидатами в местной среде»¹.

Разумеется — еще раз подчеркнем — этот механизм будет работающим только при уже упомянутом условии, отмеченном Менделеевым: «сознательности выборщиков». То есть выбирать должны не одурманенные «винтики», а сознательные и думающие граждане, для чего, прежде всего, необходим высокий общий уровень образования и воспитания в стране. Лишь это условие даст обществу шансы и на выбор достойных представителей, и на реальный контроль за их работой. В противном случае мы получим «на выходе» все те же самые пороки, которые свойственны демократии. М. Кантор во многом прав, когда подчеркивает:

«Существует печальный закон природы: массовые чувства никогда не бывают моральными... И если правители вызывают именно к массовому волеизъявлению (а как иначе представить себе голосование, форум, собрание, печать, общественное мнение) — то с большой долей вероятности можно предположить, что воля будет дурной.

¹ Менделеев Д.И. К познанию России. М., 2002, с. 304.

...Когда мы говорим, что Гитлер был "вождем нации", а Сталин "отцом народа", все же не следует себе представлять германский или российский народ как однородное племя, слепо идущее за лидером. Общества эти были развитые, весьма сложно дифференцированные, с набором самых разных судеб, опытов, характеров, волей. То, что коллективное решение, принятое этими разными людьми, было агрессивного свойства, — свидетельствует только о том, что коллективные решения в принципе таковы, они не гуманны и не могут быть гуманными... Война и агрессия, экономические санкции, кампания против космополитов, лишение газа и света бедных соседей — это всегда найдет одобрение масс, это все массовые решения»¹.

Правда, мы бы сказали несколько иначе. Дело не в массовости как таковой, а в том, что «выращивание Человека» из божественного «зерна Духа» — долгий и сложный процесс. Поэтому у большинства этот, образно выражаясь, духовный росток мал и слаб. И под напором агрессивных «лидеров», во время особо масштабных и длительных манипулятивных кампаний, он легко поникает. В итоге человек подхватывается ураганом навязанных ему негативных и агрессивных эмоций, как бы гипнотизируется (причем, позже нередко стыдится содеянного). И единственный способ противостоять этому стар, как сам мир: глубокие, фундаментальные знания и нравственно-практическое воспитание, которые питают и укрепляют наш дух и интеллект, как солнце и вода питают зерно (если, разумеется, мы сами не закрываемся от них).

Теперь вернемся к предложенным механизмам территориально-корпоративного делегирования депутатов снизу вверх по властным ступеням и отметим явные преимущества такой выборной системы. Например, делегировать депутатов с мест в Москву можно лишь на время осенних и весенних сессий для принятия важнейших государственных решений (благо, наличие Интернета позволяет весьма эффективно наладить циркуляцию правовых бумаг) с последующим отчетом о работе непосредственно перед местными (областными, краевыми) Советами (законодательными собраниями). Пребывание не в далекой столице, а среди коллег, оказавших ему доверие, существенно повысит связь депутата с региональными элитами и рядовыми гражданами. Полезно также сохранить депутату место его работы и зарплату, чтобы ему было куда уйти после окончания государственно-политической карьеры или в

¹ Кантор М. Медленные челюсти демократии. М., 2008, с. 69-70.

случае неудачи на этом поприще. Понятно, что все расходы, связанные с непосредственным осуществлением депутатской деятельности, будут оплачиваться государством. Таким образом, мы экономим для государства гигантские деньги, идущие ныне на содержание законодательных органов власти всех уровней (те же зарплаты депутатов) и особенно на выборные кампании.

Здесь могут возразить, что парламентарий должен работать профессионально и получать высокую зарплату, чтобы не испытывать соблазна коррупции. А разве все месяцами сидящие в Москве депутаты Госдумы высокопрофессиональны и, получая огромные зарплаты, не замешаны в коррупции? Если человек склонен брать взятки, то он будет их брать при любой зарплате, только суммы взяток возрастут. Если же депутат основное время работает в родном регионе, то возможность заниматься лишь собственными делами, прикрываясь депутатским мандатом, у него намного меньше, равно как и брать взятки. К тому же в своем регионе при соответствующей организации дела на него в качестве экспертов и консультантов будет работать местная научная, предпринимательская и производственная элита, общественные организации, заинтересованные в улучшении и продвижении полезных региону законов и государственных инициатив. Это будет, в свою очередь, способствовать органическому сращиванию государства и общества, не только делая общество «гражданским», но и власть *народной*.

Кстати, и высшие исполнительные органы власти в стране рационально было бы утверждать именно этим высшим органом выражения народной воли — собором наиболее достойных людей, представляющим разные земли России и ее профессиональные корпорации. Даже в случае выборов главы исполнительной власти государства прямым голосованием всего народа, как это делается у нас сегодня, он обязан в любом случае быть подконтрольным высшему государственному органу, избранному территориально-корпоративным путем. Скажем, ежегодно в декабре он должен определять годовую программу своей деятельности, а через год отчитываться *по ее пунктам*. Если 2/3 членов верховного органа оценивает деятельность главы исполнительной власти как неудовлетворительную, — следует отправлять в отставку или его самого, или членов его правительства.

Не исключаем, что такой Верховный Совет или Народный Собор, или Всероссийское Вече (дело здесь не в названии) сможет

взять на себя и всю полноту государственной власти в стране, не только выполняя верховные законодательные и контролирующие функции, но назначая главу исполнительной власти из числа кандидатур, выдвинутых наиболее авторитетными общественными и политическими движениями, регионами или профессиональными корпорациями. За таким кандидатом, помимо авторитетных в стране организаций, должны стоять: а) безупречная личная репутация; б) профессиональные успехи; в) продуманная и просчитанная пятилетняя программа развития страны, за поэтапную реализацию которой придется ежегодно отчитываться; г) команда профессионалов-управленцев, готовая разделить вместе со своим лидером ответственность за судьбу страны.

Введение в России института президентства, на наш взгляд, завершилось большой исторической неудачей, когда страна на десятилетия стала заложницей людей, фактически приватизировавших государство в интересах собственной придворной камарильи и разваливших промышленность, образование, науку. Только у нас зарплата профессора по стране ниже средней доли ВВП на душу населения. Затраты на одного ученого почти вчетверо меньше, чем в развитых странах¹, а уровень коррупции во много раз выше. Эти цифры всеобщей деградации страны можно множить бесконечно.

Какие же еще государственно-правовые механизмы, кроме территориально-корпоративного делегирования лучших представителей страны в верховные органы власти, можно связывать с существованием будущего «государства правды»?

Черты «государства правды»

Во-первых, государственная власть на всех уровнях должна **взаимодействовать с неправительственными общественными организациями (НПО) и профессиональными корпорациями**, обеспечивая их участие в решении всех стратегических вопросов жизни страны. Большие полномочия могут быть предоставлены общественным палатам всех уровней в плане и законодательных инициатив, и влияния на соответствующие исполнительные государственные органы. Нормальной практикой должны стать рабо-

¹ Иванов В.В., Малинецкий Г.Г. Мировая наука и будущее России (аналитический доклад Изборскому клубу). — URL: <http://www.dynacon.ru/content/articles/1988/>

чие встречи высших чиновников государства с Общественной палатой России, а региональных властей с общественными палатами их краев и областей. Совместно выработанные на таких совещаниях решения должны быть обязательными для исполнения чиновниками соответствующего уровня. Кроме того, общественным организациям необходимо предоставить право выдвигать своих представителей в государственные органы власти — в Советы и на административные должности различного уровня, включая пост главы исполнительной власти. *Попытка поставить общественные организации под тотальный государственный контроль, что мы наблюдаем сегодня, есть путь в политический тупик, ведущий ко все более углубляющемуся отчуждению власти от народа.*

Кроме того, надо предусмотреть налоговые льготы тем коммерческим структурам, которые поддерживают деятельность неправительственных организаций, прежде всего социальной, экологической, культурной и просветительской направленности (так называемого «третьего сектора»). Разумеется, речь идет о реальных НПО, а не о «карманных» общественных организациях и общественных палатах, где люди зарабатывают политические или социальные бонусы, или попросту деньги. Отличить первых от вторых на самом деле несложно: здесь нужно также доверять сообществам НПО, которые прекрасно знают цену друг другу.

Очень важным элементом общественной и государственной жизни страны могли бы стать регулярные общероссийские общественные корпоративные форумы работников науки, образования, медицины, культуры. Они способны эффективно дополнять и контролировать деятельность государственных органов, не позволяя последним анонимно готовить и протаскивать, как это сплошь и рядом происходит сейчас, разрушительные для общества программы и законы. Например, было бы очень полезно принять закон, по которому стратегические государственные законы, типа поспешно принятых и откровенно плохих законов «Об образовании» и о «Реформе РАН», первоначально не просто должны быть обсуждены на уровне научных и образовательных коллективов страны, а обязательно одобрены, скажем, Всероссийским собранием научных работников или Съездом работников высшей школы. Корпорация не должна быть жертвой некомпетентности и произвола чиновников (сплошь и рядом анонимных), а имеет полное право своим коллективным разумом принимать стратегические документы, опреде-

ляющие ее профессиональную деятельность. Исполнительные же органы государства должны исполнять эту народную волю компетентного большинства.

В сущности, государство правды тем и отличается принципиально от традиционных демократий, что кладет в основу своей деятельности **голосование компетентного большинства**¹.

Элементы таких структур сегодня уже активно формируются, к сожалению, сплошь и рядом вопреки воле соответствующих государственных органов. Можно указать на движения «Всенародное родительское собрание», «Образование для всех», объединение наиболее активных представителей академической науки. Без развития разнообразных форм общественного и корпоративного самоуправления, целенаправленно поощряемых государством, оно никогда не станет органом объективного выражения и проведения народной воли. Как справедливо считали теоретики анархизма, таким развитым общественным субъектам государственной жизни можно постепенно передавать те или иные функции государства как такового, существенно снижая затраты на его содержание и приближая к народу.

Во-вторых, необходима самая широкая **опора всех звеньев государства на науку**. Независимая научная экспертиза стратегических государственных решений и технических проектов на федеральном и региональном уровнях особенно важна в нынешних условиях, когда ошибки и просчеты власти слишком дорого стоят обществу. Кроме того, наука законодательно должна участвовать в разработке программ стратегического развития страны, отдельных сфер ее жизни и регионов. Ученые должны также иметь независимый доступ к средствам массовой информации, чтобы иметь возможность донести до народа свое мнение. Преследование ученых за критику со стороны властей должно караться в законодательном порядке.

Понятно, что для того чтобы ученые и научно-педагогическая интеллигенция могли эффективно выполнять свои многообразные общественные функции, в том числе и экспертно-консультативные, — должны быть полностью восстановлены *административная и*

¹ Любопытно, что идеальным прообразом голосования по принципу компетентного большинства является голосование в диссертационном научном совете. Ошибки и пристрастность могут быть везде, но в случае голосования ответственных профессионалов они минимизируются.

хозяйственная свобода РАН РФ и академическая свобода университетов, прежде всего, выборы ректоров научно-педагогическим составом самих вузов, включая Московский и Санкт-Петербургский университеты¹. Вузы должны сами свободно выбирать и систему обучения — двухступенчатую (бакалавр-магистр) или пятилетнюю (так называемый «специалитет»).

Более того, на наш взгляд, должно быть полностью реорганизовано Министерство науки и образования. Оно должно быть переименовано в Министерство просвещения, и в его ведении должно остаться дошкольное, школьное и среднее профессиональное образование. Чиновники ни по своему интеллектуальному, ни по моральному уровню, ни по институциональному положению в принципе не могут профессионально управлять ни наукой, ни высшим образованием. Кстати, хорошо известен психологический факт быстрой профессиональной и человеческой деградации даже очень талантливых ученых и деятелей высшей школы, решивших встроиться в чиновничью иерархию и этикет. С другой стороны, *нет таких стратегических и тактических задач управления наукой и образованием, которые не могли бы решить сами ученые и университетская общественность.*

Соответственно, функции управления наукой целесообразно передать Академии наук, а управление высшим образованием — российскому Совету ректоров. Исходя из этой логики **компетентного самоуправления**, президент РАН должен автоматически после избрания входить в правительство РФ на правах министра науки, а председатель Совета ректоров — на правах министра высшего образования. Им должно быть доверено право самостоятельно формировать политику и определять структуру своих министерств, причем, можно а priori предсказать, что управленческая деятельность будет организована на порядок эффективнее, а обойдется она налогоплательщику на порядок дешевле, чем деятельность чиновников от науки и образования. Управленческая самоорганизация снизу исключительно эффективна, если самоорганизуются профессионалы, кровно заинтересованные в успехе дела. Здесь-то как раз чиновничий вирус личностной деградации и отчужденности от

¹ К сожалению, нынешняя российская власть идет прямо противоположным — типично этактистским — тупиковым путем. Указом премьер-министра в январе 2014 года теперь будут назначаться ректоры еще нескольких ведущих вузов страны, включая ВШЭ и Академию финансов.

объекта управления грозить никак не будет. Более того, при достойной зарплате ученых на основном месте работы многие управленческие функции они могли бы вообще осуществлять на общественных началах. Социологические исследования показывают, что у творческого человека удовлетворенность результатами своего труда и сознание их социальной значимости занимают в шкале ценностных приоритетов иерархически более высокий статус, чем любые материальные блага.

И, наконец, можно уверенно предсказать, что функции реального государственного управления наукой и высшим образованием потребуют в первую очередь энергии молодых ученых, заставят работать профессиональные академические «лифты», о которых сегодня столько говорят.

В-третьих, приоритетными направлениями государственной политики должны быть те сферы, без которых невозможно утверждение идей и принципов духовно-экологической цивилизации, т.е. образование, наука, культура и экология. Они должны главенствовать над всеми остальными сферами общественной жизни, кроме разве что здравоохранения, проблем детства и материнства. Если у государства на эти цели нет денег — это означает только одно: государство плохо управляется, так как не выполняет свои важнейшие функции по воспроизводству здорового, культурного и образованного человека. Помимо соответствующих количественных показателей в бюджете страны (на те же науку и образование должно расходоваться не менее чем по 7% бюджета) необходимо предусмотреть ряд дополнительных мер, чтобы усилить духовно-экологическую направленность в деятельности государства:

- обеспечить одинаковую базовую зарплату по стране у бюджетных врачей, преподавателей вузов, учителей, работников дошкольных учреждений, которые в принципе не должны финансово зависеть от уровня развития и богатства своих регионов. Предусмотреть, чтобы их средняя зарплата была *не ниже средней зарплаты чиновника по стране и имела тенденции к росту*. Этот же принцип должен быть проведен относительно работников культуры и специалистов, задействованных в природоохранной деятельности;

- любое повышение зарплаты чиновников должно автоматически сопровождаться повышением зарплаты указанных категорий работников;

- зарплата государственных чиновников высшего звена не должна более чем в четыре раза превышать зарплату профессора и доктора наук;

- бюджетные затраты на развитие массовой физической культуры и спорта не должны быть в процентном отношении выше расходов на науку, культуру, экологию и образование. Нужно запретить бюджетное финансирование профессионального спорта. Его поддержка должна осуществляться исключительно за счет частных пожертвований;

- запретить финансовую поддержку из бюджета деятельности религиозных организаций и учреждений за исключением тех случаев, когда дело касается сохранения и реконструкции религиозных объектов и предметов, имеющих важное историко-культурное значение. Отделение церкви от государства должно быть проведено последовательно. *Нестяжательские традиции русской православной церкви* подразумевают жизнь на добровольные пожертвования верующих и доходы от собственных трудов;

- исключить существование ведомственных медицинских и рекреационных учреждений, финансируемых из бюджета (за исключением высших должностных лиц государства, здоровье и местонахождение которых относятся к вопросам государственной безопасности). Чиновник любого уровня должен пользоваться теми же медицинскими и рекреационными учреждениями, что и любой гражданин страны, или оплачивать из своего собственного кармана лечение в коммерческих лечебных учреждениях;

- оставить одну официальную резиденцию для главы государства, остальные продать или передать в общественное пользование;

- государственные средства массовой информации не менее 1/3 эфирного времени должны уделять экологической, культурной и образовательной проблематике. Программы телевидения и сериалы должны оцениваться не по рейтингам их просмотра телезрителями, а независимыми общественными экспертами с возможностью публичного донесения своего мнения до сограждан.

В-четвертых, «государство правды», равно как и любые международные формы будущих межгосударственных объединений, невозможны в буквальном смысле слова без утверждения **приори-**

тета морали, причем не как «договорных» правил (утилитаристская этика), а именно как **внутреннего глубинного знания и отношения к миру**, как и понималась мораль изначально. Именно на так понимаемой морали основано право, в том числе международное право, иначе каждая сторона — отдельные политики, политические кланы и бизнес-элиты — будет толковать правовые нормы, как ей заблагорассудится, исходя из своих интересов, которые легко выдаются за «национальные». Борьба за нефтеносные районы Земли и за прокладку тех или иных международных маршрутов нефти и газа — наиболее показательные примеры подобного рода.

Кроме того, без морали невозможна и нормальная мировая экономика. При сегодняшней экономической модели, ориентированной на прибыль, а не на интересы общества, люди, как известно, получают все менее качественный продукт: «химическую» пищу, заведомо недолговечные дома, технику и пр. Но парадоксально, что это оборачивается против самих собственников — ведь они также выступают в роли потребителей других продуктов. Далее, без морали не может быть нормальной деятельности государственных служащих, и неизбежно начинают процветать кумовство и коррупция. И, наконец, без морали как *служения высшим ценностям и воли к личному совершенствованию* не могут нормально развиваться культура и наука, так как они попросту становятся ненужными. Спросом будут пользоваться только псевдонаука, готовая торговать научной истиной, и массовая культура, потакающая низменным инстинктам и страстям глобализированного «общечеловека».

Здоровая моральная атмосфера в обществе не может быть утверждена чисто организационными средствами (хотя и они полезны) — принятием законов, созданием соответствующих государственных или общественных структур, пропагандистскими кампаниями и т.д. На формирование морали должны работать все государственные и общественные институты: семья, школа, вузы, пресса, телевидение, Интернет, культурная и воспитательная политика государства. Но все это останется безрезультатным, если пример морального и ответственного поведения не будет демонстрировать сама власть. *Мере власти должна соответствовать мера ответственности.* За порочные деяния своих подчиненных отвечать должен начальник. Контроль за использованием государственных средств во всех ведомствах должен осуществляться не Счетной па-

латой, полностью зависимой от исполнительной власти, а главными органами народовластия, о которых речь шла выше. В рамках же последних высшие органы должны быть подотчетны низшим, в отличие от исполнительной власти.

В-пятых, в государстве должна быть **ключевая государство-образующая идея** (или «идея-правительница» по удачному выражению русских ученых-евразийцев), способная и идейно консолидировать разные социальные и этнические группы общества, и выступать объединяющей их целью деятельности. Для нас таковой служит идея новой духовно-экологической цивилизации и евразийского геополитического пространства как базы ее практического становления. На этом мы еще остановимся специально.

В-шестых, необходим ряд механизмов, обеспечивающих приемлемое (если уж не высокое) **качество работы чиновничьего аппарата**. Прежде всего, «государство правды» несовместимо с коррупцией. Помимо корпоративной этики и карательно-юридических средств борьбы с коррупцией, типа запрета чиновникам заниматься бизнесом, контроля за их банковскими счетами, оперативного реагирования на жалобы и заявления граждан о вымогательстве взяток, — необходимо детально исследовать эту проблему для разработки принципиально новых средств борьбы. Возможно, жестким, но достаточно эффективным средством здесь стало бы тестирование с помощью современных технических средств (скажем, детектора лжи) высокопоставленных чиновников на предмет их склонности к коррупции и государственной измене. Конечно, результаты подобных проверок должны оставаться государственной тайной и не использоваться против личности. Известно, что если нельзя опереться на стыд и совесть, то следует использовать фактор страха вплоть до прихода лучших исторических времен.

Что же касается поддержания приемлемого общекультурного и профессионального уровня чиновников, то вполне можно использовать многовековой опыт китайской государственности, особенно эпохи Тан, где достаточно эффективно работала система экзаменов для чиновников. Соответственно, полезно было бы ввести единый государственный экзамен для чиновников всех уровней (раз в 2-3 года), от успешной сдачи которого зависела бы их зарплата и продвижение по службе. Преподавание и прием экзаменов следует поручить авторитетным профессорам высшей школы и ра-

ботникам научно-исследовательских институтов. Помимо необходимых профессиональных дисциплин, целесообразно включить в перечень изучаемых предметов, по крайней мере, этику и руссиеведение. В рамках последнего курса обязательным должно быть изучение русской литературной и философской классики — произведений Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского, философских работ, посвященных России, того же Н.Н. Алексеева, И.А. Ильина, В.С. Соловьева. Н.А. Бердяева. Регулярные экзамены будут способствовать профессиональному и общекультурному росту чиновников, актуализируют их творческий потенциал. С другой стороны, они позволяют лучшим умам из российской высшей школы и академической науки непосредственно доносить свои научные результаты и наработки до сведения властей, активнее участвовать в государственной экспертно-консультативной деятельности.

Учитывая, что контроль за деятельностью государственной бюрократии должен осуществляться не только сверху, но и снизу, со стороны общественных организаций и рядовых граждан, — следует ввести в практику оценки деятельности ведомств *учет мнения неправительственных организаций*, которые работают в том же направлении. Ведомство должно быть оценено ими с точки зрения открытости и готовности к диалогу с общественностью, оперативности предоставления информации, не составляющей государственной тайны.

И, наконец, последнее соображение, которое должно подвести нас к последнему важнейшему атрибуту существования «государства правды». Ничто так не разлагает и личность, и общество, как стратегическая бесцельность и бессмысленность существования, заикленность на решении повседневных и бытовых проблем, особенно в ситуации глобальных потрясений и особенно в России, где всегда есть тоска по «Новой Земле и Новому Небу». Соответственно, обязательно должны быть духовные скрепы государства, выступающие в роли камертонов, настраивающих на единый лад звучание всех элементов государственной жизни.

Поэтому, в-седьмых, подлинное народоправство подразумевает существование ***агиократических*** («власть святынь») **начал народной, государственной и межгосударственной жизни**. Святыни цементируют общество, невзирая на его этническую, религиозную и социальную многоликость. Они фундируют все элементы

«государства правды», о которых мы писали выше. Об агиократии очень точно сказал уже упоминавшийся П.И. Новгородцев:

«Не политические партии спасут Россию, ее воскресит воспрянувший в свету вечных святынь народный дух»¹.

Только совместно защищая свои святыни, народ сплачивается, сохраняет себя как народ и обнаруживает способность к новым формам исторического творчества. Это могут быть святыни религиозные (типа Троице-Сергиевой Лавры и Оптиной пустыни), национально-исторические (типа Куликова поля или могил советских воинов, павших во второй мировой войне), культурные (пушкинское Михайловское или толстовская Ясная поляна) или природные (например, Байкал, река Катунь и плоскогорье Укок на Алтае).

Святыни помогают отличить истинные ценности от псевдоценностей, распознать лжекумиров, обрести прочные устои личного, общественного и государственного бытия. Соответственно, если мы хотим преодолеть межнациональную и межрелигиозную рознь, добиться подлинной, а не мнимой глобализации, — то единиться и выстраивать гармоничные международные отношения надо также на основе приобщения к вечным святыням других народов и их безусловной совместной охраны от осквернителей и разрушителей. **«Чтить свои и уважать чужие святыни»** — в этом сущность агиократии.

Когда народ вспоминает про свои святыни, то начинает вспоминать и своих великих героев, праведников и культурных подвижников, трудами и бдениями которых эти святыни утверждались и хранились. Но, значит, обязательно откристаллизуется в народном сознании и основная функция государства, которое призвано, напомним, создавать наиболее благоприятные условия для свободного совершенствования человека и, соответственно, отбирать на высшие государственные должности наиболее благородных и достойных людей. Считать, что эта цель для государства недостижима в принципе, как нередко можно прочитать в либеральной литературе, — значит обрекать себя на анти-утопизм худшего рода, когда увековечиваются существующие политические пороки и человеческие недостатки.

Теперь мы может вернуться к тому, с чего начали данный очерк. Национальные святыни, как нечто сверхвременно истинное,

¹ Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991, с. 580

благое и прекрасное, как урок всем поколениям на все исторические времена, есть зримый светоносный антипод сиюминутной темной партийно-политической конъюнктуре. Обратим внимание: в программах всех партий есть только прошлое и настоящее, *механически* спроецированные в будущее, но нет подлинно нового (несмотря на их любимые термины — «модернизация» и «инновация»!). Не случайно партийной карьеры в России принципиально избегает сегодня любой умный и уважающий себя человек. Партии в целом — это политический пережиток, требующий скорейшей ликвидации, особенно на евразийском этнокультурном пространстве, иначе нам никогда не выбраться из нынешнего техногенно-потребительского и рыночно-либерального тупика.

«Вся власть Советам!» — этот старый большевистский и, как бы парадоксально это ни звучало, перестроечный лозунг, по сути, никогда реально не был реализован в истории нашей страны. И если деятельность Советов основана на принципе территориально-корпоративного представительства; если они деполитизированы и департизированы; если их членов объединяют общие исторические цели и святыни; если они не мыслят своей деятельности вне теснейшего контакта с наукой и общественными организациями; если они нетерпимы к откровенному злу и порокам, — тогда этот лозунг вполне может и сегодня служить утверждению «государства правды», где общество и государство образуют органическое единство.

Очерк пятый

Человек для экономики или экономика для человека?

Глобальный тупик техногенно-потребительской модели экономики

Вопрос, вынесенный в название, точно выражает дилемму, стоящую перед современным человечеством. Или мы живем и трудимся ради «священных коров» частной собственности, прибылей, конкурентных преимуществ и т.д.; или экономические реалии — это не нечто самоценное, в жертву чему могут приноситься судьбы людей и народов, а всего лишь вспомогательное средство, инструмент, который призван обеспечивать:

- гармоничное воспроизводство самого человека как физически здорового, культурно просвещенного и духовно развитого существа;

- существование системы рациональных и бесконфликтных общественных отношений, где нет насилия и эксплуатации человека человеком, а превалируют братские и добросердечные отношения между людьми, странами и народами;

- устойчивое взаимодействие общества и природы, ресурсы которой принадлежат не только нам, но и последующим поколениям граждан Земли.

В своих прежних работах мы обосновывали именно второе понимание сущности и назначения экономики. Только в этом случае она превращается в прочный материально-технический фундамент духовно-экологической цивилизации¹. Первая же позиция, лежащая в основе нынешней техногенно-потребительской (или капиталистической) модели экономики, напротив, ведет:

- во-первых, к превращению самого человека в телесно вожде-люющее, эгоцентрическое и агрессивное бездуховное существо, склонное к разнообразным психическим патологиям (так называемый «homo economicus» — в антропологическом смысле, который придавали этому термину у нас — П.Н. Савицкий, на Западе позднее — Э. Фромм), о чем мы писали выше;

- во-вторых, к нарастанию патологических процессов и конфликтов в обществе по принципу «человек человеку — волк»;

- в-третьих, к необратимой деградации природной среды и исчерпанию ресурсов.

За прошедшие годы у нас не только не было причин усомниться в правоте подобной позиции, но возник целый ряд новых явлений, заставляющих с еще большей настойчивостью говорить о тупиковости экономических моделей, основанных на культе частной собственности, материального потребления, денег, конкуренции, фетишизации денежно-стоимостных показателей экономической эффективности.

Приведем факты. Так, в мире неуклонно нарастают глобальные процессы экологической дестабилизации биосферы и близится

¹ См. Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю. Духовно-экологическая цивилизация: устои и перспективы. Барнаул, 2010 (Глава 3); Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю. «Человек восходящий: философский и научный синтез «Живой Этики». Барнаул, 2012 (Глава 4).

исчерпание ее возобновляемых и невозобновляемых природных ресурсов. Никакие экотехнологии сами по себе¹ не могут предотвратить глобальный экологический кризис, пока во всех странах не утвердится культ *планомерного и сознательного сокращения материальных потребностей параллельно с ростом потребностей духовных*. О степени иррациональности современной экономики свидетельствуют, например, данные по потреблению продуктов питания. При колоссальном дефиците продовольствия в странах Азии, Африки, Латинской Америки — в развитых странах Запада съедается только 48% фруктов и овощей, а 52% выбрасывается; из выловленных морепродуктов только 50% потребляется, остальное пропадает. Несколько лучшая статистика по мясу. Там съедается 78%, а в пищевые отходы идет 22%; из зерновых потребляется 62%, а портится и выбраковывается 38%². Но в любом случае этими потерянными продуктами можно накормить многих из того полумиллиарда населения Земли, которое регулярно недоедает.

Не сокращается, а только растет разница в уровне жизни жителей развитых стран и тех же африканцев и азиатов. Капитализм смог утвердиться и победить как общественный строй только в условиях жесткого деления мира на процветающую метрополию и эксплуатируемую колонию, людей первого и второго сорта. В колонии из Европы сбрасывался избыток пассионарного народонаселения и промышленные товары, а из колоний в метрополию поступало дешевое сырье, золото, предметы роскоши, рабы (как в США, где на рабском труде была основана экономика южных штатов) или прислуга, чье положение мало чем отличалось от рабского. Ситуация совершенно не изменилась в XX и XXI веках, просто колониальная эксплуатация в условиях противоборства двух общественных систем стала более закамуфлированной, но мгновенно обнажила свой хищнический характер после распада СССР. Стремление Запада превратить страны постсоветского пространства в источник дешевого сырья и территорию для сбыта собственных товаров и технологий мы наблюдаем в последние десятилетия, причем политический принцип «разделяй и властвуй» является необходимым сопутствующим элементом этой колониальной эксплуатации. Трагические события на Украине и попытки полностью оторвать ее

¹ При всей их значимости, на чем мы еще остановимся ниже.

² Убийственное разоблачение капитализма от Папы римского — URL: http://www.human-crisis.com/2013/11/blog-post_7316.html

от России и евразийского мира — самое наглядное тому подтверждение. Экспорт так называемых «оранжевых революций»; формирование «пятых колонн» внутри суверенных стран из агрессивных потребителей и либеральных маргиналов; открытые военные действия против стран, смеющих противиться мировому техногенно-потребительскому произволу господствующих стран — все это зримые знаки нынешнего глобального кризиса. Экономический эгоизм, потребительская мания, конкурентно-конфликтная ментальность неизбежно оборачиваются войной, насилием, практикой двойных нравственных и правовых стандартов. **Где властвует рыночная экономика — там не остается места для нормальных, истинно нравственных отношений между людьми и народами.**

Совершенно иррациональный характер приобретает и собственно экономическая жизнь, которая становится все более виртуальной и античеловечной. Деньги и финансовая власть оказываются в руках тех, *кто ничего не производит сам* и является в буквальном смысле *паразитом* — банков во главе с финансовой резервной системой США. Реальный же производитель реальных товаров вынужден у них занимать с вечной перспективой расплатиться собственным имуществом. Кто владеет деньгами и ценными бумагами — тот диктует свою волю всему остальному миру и, прежде всего, производителям и держателям важнейших ценностей нашего человеческого бытия — крестьянам и ученым, учителям и врачам, деятелям культуры и искусства. Денежная виртуальщина начисто съела **натуральные и качественные показатели экономической деятельности.**

Иррациональная экономическая модель с раковой опухолью финансово-олигархического капитала неизбежно заражает вирусом эгоизма и потребительства государственные органы. Это проявляется в **колоссальном росте коррупции**, поразившей весь мир. США и Европа хвалятся своей минимальной коррупцией, но, во-первых, это лукавство, и уровень коррупции там также велик и неуклонно растет; во-вторых, как мы писали выше, коррупция на Западе подверглась частичной легализации, приобретя благообразное название «лоббирования» и даже подвергнувшись правовой регуляции. От этого она не стала лучше, ибо невозможно сравнить лоббистские возможности «Монсанто» или «Бритиш петролиум» с каким-нибудь профсоюзом французских учителей. Оружие последних — забастовка, но деньги в любом случае оказываются сильнее.

Еще одно важное обстоятельство, связанное с коррупцией. Страны Запада обладают на порядок более высоким уровнем жизни, чем все остальные страны. Разрыв между доходами чиновника и простого гражданина там не слишком велик, в отличие от тех же стран бывшего СССР. Уровень безработицы там также значительно ниже. В этих условиях нечистоплотный чиновник на постсоветском пространстве, добравшийся до рычагов государственной власти, желает не только обеспечить себе безбедную жизнь после увольнения с госслужбы, но и решить проблемы своих многочисленных родственников (особенно в странах Средней Азии и на Кавказе). Добавим сюда отсутствие мобилизующей идеиправительницы в традиционно идеократических обществах евразийского культурно-географического мира, и удручающая коррупция станет хотя бы частично объяснимой.

Ну а о том, как разрушительно влияет на душу человека рыночно-потребительская среда с ее назойливыми рекомендациями обогащаться, копить деньги или, наоборот, получать от жизни всяческие удовольствия, — написана масса художественных произведений и социально-психологических трактатов. Мы повторяться не будем. Знаменитый бальзаковский Гобсек, гоголевский Плюшкин, пушкинский Герман, горьковская Васса Железнова — все это живые персонажи наших дней. Их с необходимостью порождает потребительская экономика и идеология. Правы те, кто говорили и говорят о том, что в мире индивидуального и группового эгоизма, наживы, власто- и сластолюбия **героизм, духовное подвижничество, жертвенность, забота об общем благе, доброта и любовь к ближнему** — вытеснены на глухую общественную периферию, отданы на откуп благотворительным организациям и фондам, которые сами зависят от меценатских прихотей крупного капитала, тех же банков.

Прав был наш великий социолог П.А. Сорокин:

«...Лишая человека всего божественного, чувственное умонастроение, этика и право понизили его до уровня электронно-протонового комплекса и рефлекторного механизма, не имеющего никакой святости и телоса. "Освобождая" его от "предрассудков" категорических императивов, они отобрали у него невидимое оружие, которое безоговорочно защищало его достоинство, святость и неприкосновенность. Лишенный этого оружия, он оказывается игрушкой в руках самых случайных сил. Если он полезен по тем или иным соображениям, то с ним будут обращаться достойно и заботиться о нем, как мы заботимся о полезном жи-

вотном. Его же можно "ликвидировать", если он приносит вред, как мы уничтожаем ядовитых змей. Для такого уничтожения не требуется ни вины, ни преступления, ни реальной причины. Самого существования человека или группы как непредусмотренного препятствия уже достаточно, чтобы их уничтожить...

Освобожденный от всех запретов сверхчувственных ценностей, чувственный человек как самоубийца убивает чувственного человека, его гордость и достоинство, его ценности и достояние, его комфорт, удовольствие и счастье. В этом шквале необузданных страстей чувственная система в целом разбивается на куски и исчезает»¹.

Почти полста лет прошло после этих горьких строк П.А. Сорокина, но историческая ситуация только усугубилась. Немудрено, что в последние годы самыми разными учеными осуществляется настойчивый поиск альтернативных экономических моделей существования человечества. Не случайно и то, что с высоты горького исторического опыта последних десятилетий научная мысль обращается к советской экономической системе, явно противостоявшей системе капиталистической. Рассмотрим аргументы в ее пользу, представленные видным отечественным экономистом и специалистом по мировым финансам В.Ю. Катасоновым².

Сталинская экономическая модель 30-50-х годов: плюсы и минусы

Мы позволим себе обильно процитировать эту работу, отдавая должное ясной аргументации и четкой логике автора, тем более что во многих пунктах мы с ним вполне согласны. Свои критические соображения мы выскажем чуть позже. Начнем с того, что весьма убедительно звучат общие аргументы В.Ю. Катасонова в пользу советского экономического опыта.

«Сталинская экономика прошла испытания временем, — справедливо пишет В.Ю. Катасонов. — Если не быть предвзятым оппонентом или, тем более врагом России, то следует признать, что сталинская экономика позволила:

— обеспечить преодоление вековой экономической отсталости страны и стать наряду с США ведущей экономической державой мира;

¹ Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992, с. 503-504.

² Катасонов В.Ю. О сталинском «экономическом чуде» и «высших целях» — URL: http://www.za-nauku.ru//index.php?option=com_content&task=view&id=8011&Itemid=39

- создать единый народнохозяйственный комплекс, что позволило Советскому Союзу стать независимой от мирового рынка страной;
- победить во второй мировой войне сильнейшего врага — гитлеровскую Германию и страны гитлеровской коалиции;
- обеспечить неуклонный рост благосостояния народа на основе последовательного снижения себестоимости продукции;
- показать всему миру неэффективность так называемой «рыночной» (капиталистической) экономики и переориентировать многие страны на путь так называемого «некапиталистического пути развития»;
- обеспечить военную безопасность страны путем создания ядерного оружия»¹.

К важнейшим чертам сталинской экономической модели, по мысли автора, относятся:

- «общенародная собственность на средства производства,
- решающая роль государства в экономике,
- централизованное управление,
- директивное планирование,
- единый народнохозяйственный комплекс,
- мобилизационный характер,
- максимальная самодостаточность (особенно в тот период, пока еще не появился социалистический лагерь),
- ориентация в первую очередь на натуральные (физические) показатели (стоимостные играют вспомогательную роль),
- ограниченный характер товарно-денежных отношений,
- ускоренное развитие группы отраслей А (производство средств производства) по отношению к группе отраслей Б (производство предметов потребления),
- сочетание материальных и моральных стимулов труда,
- недопустимость нетрудовых доходов и сосредоточения избыточных материальных благ в руках отдельных граждан,
- обеспечение жизненно необходимых потребностей всех членов общества и неуклонное повышение жизненного уровня, общественный характер присвоения и т.д.»².

По мнению В.Ю. Катасонова, вся экономика СССР напоминала гигантскую корпорацию, где доминанта натуральных показателей позволяла планомерно развивать народнохозяйственный комплекс как единую систему без разрушительной конкуренции и фетишизации стоимостных показателей. Это была мобилизационная эко-

¹ Там же.

² Там же.

номика в условиях враждебного окружения, где упор делался на развитие, в первую очередь, тяжелой промышленности, а легкая промышленность неизбежно оказалась на периферии экономической жизни. Упор здесь также делался не на получении предприятием или целой отраслью прибыли, а на снижении издержек производства и на прямых государственных инвестициях в важнейшие отрасли народного хозяйства. По мысли автора, разрушение сталинской модели началось с реформ А.Н. Косыгина в 60-ые годы, когда прямые натуральные и директивные показатели плана стали заменяться экономическими опосредствованными показателями, т.е. прежде всего прибылью предприятия.

Кроме того, огромную роль в сталинской модели экономики играл идейный мобилизующий фактор, энтузиазм масс под лозунгами «защиты страны от внешней агрессии» и, дополним автора, «построения первого в мире свободного государства рабочих и крестьян, идущих к бесклассовому общественному строю — коммунизму». Как справедливо замечает В.Ю. Катасонов, распад сталинской системы стал неизбежным, когда произошел отказ от социалистических идей в годы так называемой «перестройки». Можно в целом согласиться и с его общим выводом:

«...Экономические цели народ не консолидируют, не мобилизуют, не раскрывают его творческий потенциал, а, наоборот, разъединяют, расслабляют и лишают его созидательного творчества. Последнее подменяется в лучшем случае так называемым "предпринимательством". При экономических целях "сталинская экономика" работать не может, она обречена на умирание и замещение различными вариантами модели "рыночной экономики". Можем ли мы вернуться к "сталинской экономике"? — Можем, если сформулируем надэкономические, "высшие" цели. Такие цели сегодня витают в воздухе. Сейчас, пожалуй, самое главное, чтобы кто-то сумел громогласно эти цели озвучить и чтобы они были услышаны народом. Мы не только можем, мы обязаны вернуться к "сталинской экономике". Не следует себя обманывать: "рыночная экономика" обрекает Россию на гибель»¹.

Соглашаясь с жестким суждением автора о рыночной экономике, надо, тем не менее, очень серьезно разобраться, **что в нынешних исторических условиях от сталинской экономики можно и нужно взять, а чего брать ни в коем случае не следует.** К сожалению, на принципиальных слабостях сталинской экономи-

¹ Там же.

ки В.Ю. Катасонов в своей содержательной статье не остановился вовсе. А сделать это совершенно необходимо, учитывая все возрастающую в нашем обществе «ностальгию по Сталину», что понять где-то можно, но с чем согласиться никак нельзя.

Во-первых, огромное количество промышленных и инфраструктурных объектов в СССР было построено заключенными, которым вообще ничего не платили: это каналы, железные и автомобильные дороги, гидроэлектростанции. Заключенные работали на лесоповале, в рудниках и на шахтах. По сути, это был рабский труд, где жизнь десятков тысяч неповинных людей ни во что ни ставилась. Об этих страшных фактах нашей истории забывать нельзя, и это ничем нельзя оправдать. Да, преступник должен заниматься тяжелым общественно полезным трудом, но это должен быть именно преступник, причем тяжесть физического труда не должна соседствовать с унижением его личности. Не будем также забывать, что пиррова победа рыночных и прозападных идей в 90-е годы прошлого века в немалой степени была обусловлена именно памятью народа об ужасе сталинских репрессий и лагерей.

Во-вторых, сталинская экономика развивалась за счет беспощадной эксплуатации крестьян. Насильственная коллективизация подорвала позиции крепкого хозяина, разрушила зачатки свободной кооперации в деревне, заменив ее колхозом и совхозом. Коллективное агрохозяйство действительно продуктивнее и во многих отношениях эффективнее хозяйства мелкого собственника или капиталистического фермера, особенно в суровых природно-климатических условиях России. Но надо было сочетать разные формы кооперации, а не обезлюживать село. К тому же важнейшее условие кооперации — ее добровольный характер. Нельзя объединять людей из-под палки.

В-третьих, мелочное директивное планирование сверху всего и вся вело к пресловутому валу и низкому качеству продукции, особенно в легкой промышленности. Думали, сколько всего произвести, но не задумывались, будут ли люди произведенное покупать и, главное, быть довольными сделанными покупками. Именно качественный и красивый западный ширпотреб очаровал советского обывателя, внушил ему отвращение к своему и преклонение перед всем западным.

В-четвертых, командование людьми сверху не поощряло инициативу внизу, а подавляло ее. Попытки ввести социалистическое

соревнование, поощрять рационализаторов компенсировали это лишь отчасти. Подлинный инициативный хозяин должен иметь экономическую и политическую свободу. У него непременно должны быть обязанности пред государством (а не только права), но эти обязанности должны уравниваться свободой его жизненного, политического и экономического выбора. Пресловутые сталинские «винтики» крепят только деспотии; подлинное народное единство обретается через свободный и сознательный выбор.

В-пятых, сталинская экономика была антиэкологичной в силу дешевизны сырья и равнодушного отношения к природе и ее богатствам. В годы индустриализации, да и в последующие годы ресурсов и ландшафтов не жалели. Унылый промышленный пейзаж с коптящими трубами, увы, был атрибутом многих советских промышленных городов. В Советском Союзе без раздумий перекрывали реки, взрывали горы, непродуманными методами поднимали целину, осушали болота и вырубали леса. Советская экономика была в буквальном смысле «черной», а не «зеленой» экономикой.

Впрочем, даже если бы мы очень захотели, то к сталинской экономике вернуться не удалось бы в любом случае. История необратима. В частности, в Советской России был избыток рабочей силы на селе, и ее привлечение в города обеспечивало численный рост рабочего класса в городской промышленности. Сейчас же ситуация радикально иная: нам надо всеми силами возвращать людей на село, ибо это становой хребет экономики и культуры. Что же касается «новой индустриализации» России, о которой часто говорят, то она требует квалифицированных и умных рабочих рук с серьезным образованием и готовностью учиться, а не массы полуграмотных пролетариев с молотами и кувалдами. К тому же сегодня необходимо жестко соблюдать экологический императив и очень внимательно разбираться, какие виды промышленности и товаров нам действительно стоит развивать, а что должно необратимо отойти в прошлое и что производить попросту не следует. Здесь важно помнить о важнейшей задаче экономики — **воспроизводстве здорового и культурного человека**. Наконец, что касается возвращения к корпоративному устройству экономики, то нужно исходить из реального наличия у нас в стране большого разнообразия собственников и хозяйственных интересов, в том числе и экономических. Поиск связующих экономических и жизненных инте-

ресов — это также очень непростая задача, которая и решаться должна новыми средствами.

И все-таки важнейший вопрос остается: что можно взять от сталинской экономической модели в нынешних тяжелейших условиях, в которых оказалась Россия, особенно после событий, произошедших на Украине? Что не следует отвергать из современного опыта экономик Запада?

Духовно-экологическая модель хозяйствования: мобилизация творческих сил природы и творческих способностей человека

Мы поведем здесь разговор о реформировании именно отечественной экономики, хотя многое из того, о чем речь пойдет ниже, применимо и к будущей мировой системе хозяйствования, т.е. логика наша будет такой же, как и в главе, посвященной политической системе.

Повторим, что экономика не есть нечто сугубо самостоятельное и автономное, не зависимое от исторической обстановки, политики или культуры. Соответственно, нет в ней и никаких «объективных законов», которые не были бы связаны с субъективными целями деятельности и ценностями человека. **Экономика — вещь сугубо рукотворная**, просто в ней есть то, что рационально и дозволено или, наоборот, нерационально и не дозволено при тех или иных *принятых правилах экономической игры*.

Весь вопрос состоит только в том, какие из этих принятых (или навязанных!) экономических правил игры действительно соответствуют законам природы, объективным потребностям всестороннего совершенствования человека и задачам гармонизации его социальных отношений. Думается, вывод очевиден, исходя из всего того, о чем речь шла выше: **рыночно-капиталистические правила экономической игры глубоко разрушительны и иррациональны в принципе, т.е. античеловечны, антисоциальны и антиприродны**. Они подлежат жесткому снятию в рамках новой духовно-экологической цивилизации.

Однако переход к новым духовно-экологическим экономическим отношениям не будет простым. В свете происходящих в мире событий понятно, что именно России в кризисных исторических условиях придется осуществлять подобный переход вместе со

своими стратегическими союзниками, но в условиях очень жесткого политического и экономического противодействия со стороны западных стран. Они будут защищать свои экономические правила игры и интеллектуальные предрассудки со всем упорством и яростью отживающего техногенно-потребительского мира. Так, понятно, что ни на какие западные инвестиции, равно как и на валютно-финансовые действия со стороны Запада, которые были бы выгодны России, рассчитывать не приходится в принципе. Наоборот, стоит ждать жестких экономических и политических санкций, выстраивания протекционистских барьеров против наших товаров, выдвижения всевозможных условий, судебных исков и претензий. Хочется ошибиться, но даже если эти санкции не будет нравиться западному бизнесу, правительства заставят его занять антироссийские и антиевразийские позиции.

Отсюда следует простой вывод: наша новая экономическая модель не может не быть **мобилизационной**, т.е. в значительной мере именно **сталинской**. Это тем более очевидно в условиях **нынешней олигархически-коррупционной модели российской экономики**, как она сложилась на рубеже XX-XXI веков, причем, к ней нас подталкивал не только Запад, но и многие собственные деятели. Преодоление этой порочной системы, когда львиная доля государственных доходов оседает в карманах немногих олигархов и чиновников, в то время как подавляющая масса населения России подвергается беспощадной эксплуатации, требует решительного и быстрого слома. Сделать это рано или поздно придется любому разумному и ответственному руководителю страны, ибо нельзя на внешней арене быть патриотом и государственнымником, а внутри страны — космополитом и либералом. Нельзя защищать интересы русских за границей и не учитывать интересов собственного народа. Сценарий киевского майдана в России — неизбежный финал подобной политики, и он будет тем более разрушительным, чем позднее начнется переход к мобилизационной экономике духовно-экологического типа.

Остановимся на практических шагах такого перехода, понимая, что многое из того, о чем скажем ниже, носит дискуссионный характер.

Первое, что подразумевает мобилизационная экономика, действующая во благо граждан собственной страны, — это **прямые государственные инвестиции в крупные инфраструктурные**

проекты (строительство дорог, электростанций, жилищно-коммунальный комплекс), **промышленность, сельское хозяйство, науку, медицину и образование**. Ни на какие серьезные внешние и внутренние частные инвестиции здесь, повторим, рассчитывать в ближайшее время не приходится, хотя в определенной степени можно использовать китайский инвестиционный опыт. Но основные средства в любом случае нужно аккумулировать за счет жесткой и целенаправленной государственной политики:

- национализации газовой и нефтяной промышленности, а также энергетической системы страны и, возможно, железнодорожной отрасли. Передавать их в частные руки в такой стране, как Россия, с ее экстремальным климатом и огромными расстояниями, — значит неизбежно обрекать себя на нищету, бесправие и деградацию¹;

- установления государственной монополии на производство и продажу водки, так как отдавать колоссальные прибыли, сделанные на здоровье собственных граждан, в частные руки — значит наносить государству двойной урон;

- введения прогрессивной шкалы налогообложения для частных лиц (о чем говорят уже давно) и высоких налогов на роскошь, особенно дачи и особняки. Снова прав писатель и философ Максим Кантор: за годы перестройки у нас народ научился только воровать, уклоняться от налогов, а, главное... строить дачи. И необходимо при этом создать такую информационную среду в государстве, чтобы строить двадцатикомнатные особняки со многими туалетами и ваннами было бы постыдно;

- жесткого контроля за выведением доходов за рубеж и наказаний за коррупцию и уклонение от уплаты налогов. «Сердюковщина» должна быть искоренена на корню. Особенно строгие наказания должны применяться к высшим государственным чиновникам, а председатель Счетной палаты должен быть абсолютно независимым от других органов государственной власти, как и председатель Конституционного суда;

- организации стратегических государственных займов, как это у нас практиковалось при том же Сталине и ныне успешно применяется в Японии. В государственных займах, особенно проводи-

¹ Всестороннее обоснование этого тезиса проведено в известной работе А.П. Паршева. (Паршев А.П. Почему Россия не Америка. Книга для тех, кто остается здесь. М., 2000.)

мых честной и открытой властью, есть очень большой моральный мобилизующий фактор: личные деньги, отдаваемые под те или иные стратегические государственные проекты, делают тебя причастным к великим делам страны. Первое, подо что надо было бы в первую очередь организовать государственный заем, — это «зеленое» техническое перевооружение нашего сельского хозяйства;

- радикального сокращения расходов на содержание госаппарата. Мы уже писали, что можно, например, совершенно безболезненно ликвидировать министерство науки и образования, передав его функции, соответственно, Академии наук и Совету ректоров России. К тому же мобилизационная модель экономики с необходимостью повлечет за собой сокращение других государственных структур, типа антимонопольной службы и т.д.

Второе условие, без чего немислим переход к подлинно национальной и рациональной экономике, — это **отказ от доллара как мировой резервной валюты**. Отечественная экономика прекрасно без этого жила раньше и впредь будет жить. Об этом давно говорят у нас¹ и по всему остальному миру. России, вместе с Китаем, стоит, возможно, предложить новый вариант мировой валюты, учитывая, что с российской стороны гарантом ее прочности являются возобновляемые и невозобновляемые природные ресурсы, а со стороны Китая — эффективная экономика и численность населения. Одновременно те, кто потребляют наш нефть и газ, должны расплачиваться с Россией в рублях.

Что касается внутренних экономических расчетов, то если мы вновь хотим превратить Россию в единую корпорацию, где правая рука знает, чем занимается левая, — надо на первый план вновь вывести **натуральные показатели экономической деятельности**. Прежде всего, это объем реально произведенных и, главное, **качественных** товаров. *Работающие механизмы контроля качества и технологий* — это отдельный и важный разговор. Здесь также предстоит преодолеть центральную установку сегодняшней экономики — на прибыли, а не на удовлетворение реальных потребностей человека, когда выгодно производить именно некачественные вещи (и себестоимость меньше, и быстрее ломаются). Кстати, очень показательна, что этот вопиющий и противоестественный

¹ См. весьма спорную, но информативную работу Н.В. Старикова: Стариков Н.В. Национализация рубля — путь к свободе России. СПб., 2011.

факт уже почти ни у кого не вызывает возмущения: насколько же большинство из нас «обработаны» рыночной идеологией!

Особенно ценным должен быть признан природоохранный труд, способствующий сохранению и преумножению природного капитала. Особую роль призваны также сыграть *эколого-экономические показатели* эффективности производства в виде сокращения материальных издержек и роста энергоэффективности; повышения уровня переработки вторичных ресурсов и минимизации промышленных выбросов и т.д. Об этом мы еще специально поговорим ниже.

Третий чрезвычайно важный момент касается взаимодействия различных видов собственности, чтобы **экономика страны превратилась в единую многоуровневую корпоративно-кооперативную систему**. Здесь можно предложить следующую схему, хотя понятно, что многое должно быть промыслено и обосновано профессиональными экономистами:

- государственная собственность или государственно-частное партнерство при жесточайших требованиях к частнику в сырьевых отраслях, тяжелой промышленности, транспорте, оборонной сфере, энергетической системе страны. Поощрение создания технопарков (здесь важен опыт Китая), где под одной крышей соседствуют и активно взаимодействуют наука, опытные лаборатории и механизмы развертывания промышленного производства. Основу технопарков должны образовывать крупные научные и педагогические центры страны, типа новосибирского Академгородка и университетов Томска;

- государственно-частное партнерство или кооперация частных производителей в сфере легкой промышленности и торговле;

- свободная кооперация снизу в сельском хозяйстве;

- свобода частного предпринимательства в сфере услуг, фермерство с родовыми поместьями.

В любом случае **экономика будет сильной только тогда, когда хозяйственную жизнь страны по горизонтали и вертикали связывают многообразные кооперативные связи и сотрудничество всех участников производства, а конкуренция носит сугубо подчиненный характер**. И везде, естественно, должен быть культ производительного труда и культурного инициативного человека.

Четвертый элемент, без которого немыслима успешная экономика России и всего евразийского пространства, на чем мы еще остановимся, — это тщательный учет природно-климатических факторов отечественного хозяйствования, научное эконом-географическое планирование развития России и целенаправленное формирование единого евразийского континентального рынка. На первом моменте делал упор еще Д.И. Менделеев¹, а идею континентального рынка развивали евразийцы, прежде всего П.Н. Савицкий². **Суровость климата, гигантские евразийские пространства, редкая заселенность территорий, рискованный характер ведения сельского хозяйства — все это составляет естественное основание мобилизационного и кооперативного характера нашей экономики и исключает доминирование рыночных механизмов.**

Приведем только несколько цифр в пользу этого принципа. Если в Англии и Франции «беспашенный период» охватывает только декабрь и январь, то в средней полосе России, не говоря уж о Сибири, он длится минимум семь месяцев³. При этом среднегодовые температуры на евразийском пространстве неуклонно понижаются от ее западных границ до Восточной Сибири. Для России в целом характерен также низкий коэффициент биологической продуктивности почв. Если принять его за 100, то для Западной Европы он будет равен 150, для США — 187, для Индии — 363, для Бразилии — 449, а для Индонезии — и вовсе 523. Это означает, что при одних и тех же затратах труда и других ресурсов с одного гектара пашни в США получают в среднем в 1,87 раз больше растительной массы, чем в России⁴. Суровость российского климата влечет за собой также резкий рост издержек сельскохозяйственного производства в виде затрат на отопление помещений, увеличение норм кормления скота в зимний период, теплую одежду для всей семьи, высокие риски хозяйствования. Что касается внешне-торговых транспортных издержек, то они у России, в силу конти-

¹ См. Менделеев Д.И. К познанию России. М., 2002.

² См. статью П.Н. Савицкого «Континент-океан» // Савицкий П.Н. Континент Евразия. М., 1997.

³ См. Милов Л.В. Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // Вопросы истории, 1992, №4-6.

⁴ См. Лойко П.Ф. Земельный потенциал мира и России: пути глобализации его использования в XXI веке. М., 2000.

нентальности, в шесть раз выше, чем у США, чья экономика основана на морских перевозках.

Из этих очевидных фактов следует закономерный вывод об объективной невозможности рыночной конкуренции с сельским хозяйством и промышленностью Запада и необходимости организации хозяйственной жизни в России на иных основаниях и принципах, где **всегда большую роль будет играть государство, внеэкономические факторы хозяйственной жизни и кооперативные, а не конкурентные отношения.**

Пятое основоположение российской экономической жизни гласит, что без идейного мобилизующего фактора успешное хозяйствование на нашей территории попросту невозможно. Нет таких материальных стимулов для хозяина и работника (хотя они, безусловно, очень важны!), которые *в полной мере* обеспечили бы их творческую мотивацию. На нашем суровом евразийском пространстве всегда честно и успешно работать будет тяжело, а материальная прибыль никогда не покроет жизненных издержек и затраченных физических усилий. Поэтому в России (как, кстати, и в Японии) так важна мобилизующая идея-правительница, которая оправдывает физические лишения и страдания, сплачивает народ и власть, дает веру в собственную общественную значимость и в будущее. Раньше это были идеи типа «Москвы — третьего Рима» или построения светлого коммунистического завтра. Сегодня идеями, мобилизующими на трудовое подвижничество, могут стать:

- идея нового ненасильственного собирания евразийского пространства;
- идея авангардной роли народов России в деле построения новой, духовно-экологической или ноосферной цивилизации;
- идея России как объединительницы Востока и Запада;
- идея превращения России в оплот мировой справедливости и сопротивления разрушению основ человеческой культуры, социальной и семейной жизни.

Все эти идеи не противоречат, а взаимно дополняют друг друга.

Шестое положение, лежащее в основе экономического евразийского духовно-экологического проекта — это **необходимость оперативного перехода к «зеленой экономике»**. Ее своеобразия мы уже касались, но здесь пора подвергнуть ее систематическому анализу.

Сущность и основные черты «зеленой экономики»

Переломной точкой в осознании глобального экологического кризиса стоит считать глобальный форум по устойчивому развитию в Рио-де-Жанейро в 1992 году. За ним последовали другие крупные международные конференции, на которых шлифовался новый образ планетарной экономики. Прошедший в 2012 году форум, получивший название Рио+20, четко определил в качестве цивилизационного тренда именно «зеленую экономику».

UNEP¹ определяет «зеленую экономику» как экономику, которая повышает благосостояние людей и обеспечивает социальную справедливость, при этом существенно снижает риски для окружающей среды. «Зеленая экономика», являющаяся стержнем в реализации стратегии устойчивого развития, дает старт новому технологическому укладу, который пришел на смену углеродному и экорасточительному. Концепция «зеленой экономики» обеспечивает комплексную увязку и гармоничное согласование между собой трех компонентов устойчивого развития — **экономического, социального и экологического**. Понятно, что многие из современных воззрений на сущность «зеленой экономики» еще несут на себе родовые пятна рыночно-либеральных идеологов, однако это тот случай, когда необходимы промежуточные механизмы и компромиссные стратегии для перехода от техногенно-потребительской к духовно-экологической цивилизации. Отметим еще один немаловажный аспект: без бережного отношения к природе вряд ли можно говорить о духовности, а именно формированию этого качества и способствует «зеленая экономика».

Устойчивое развитие на базовых принципах «зеленой экономики» — это такое развитие, при котором воздействие на окружающую среду остается в пределах хозяйственной емкости биосферы и не разрушается природная основа для воспроизводства жизни человека. Хозяйственная емкость биосферы — это предельно допустимое антропогенное воздействие на нее, превышение которого переводит ее в возмущенное состояние и со временем должно вызвать необратимые деградационные процессы. Чтобы избежать этого сценария, необходим комплекс мер. Важнейшая среди них — как раз внедрение экономики нового типа, которая позволяет, с одной стороны, сократить масштабы негативного

¹ United Nations Environment Programme — программа ООН по окружающей среде.

влияния за счет сокращения выбросов, а с другой, — резко повысить конкурентоспособность экономики за счет сокращения зависимости от углеродного сырья и его доли в стоимости конечного продукта. Обе эти цели достигаются путем создания системы стимулов для разработки высокоэффективных ресурсосберегающих и энергосберегающих технологий, отработки новых моделей экономики на пилотных территориях. Ниже мы постараемся показать, что регион Большого Алтая имеет все основания стать такой территорией. А пока вкратце остановимся на ключевых моментах экономики нового типа, ее приоритетах и правовом обеспечении.

«Зеленую экономику» еще называют «низкоуглеродной экономикой» (lowcarbon economy). Это, пожалуй, одна из немногих сфер, где налицо прогрессивные тенденции по всему миру. Так, страны ЕС поставили задачу сократить к 2020 г. выбросы парниковых газов на 20%, повысить энергоэффективность на 20% и довести долю возобновляемых источников энергии до 20% (план 20:20:20). Не менее решительные шаги запланированы в США: здесь планируется сократить выбросы на 50% к 2050 г., а затем и на 80% к 2080 г. Некоторые страны активно используют налоговые механизмы для сокращения выбросов парниковых газов в атмосферу. Например, Индия ввела налог 50 рупий (один доллар США) за тонну углерода, которым облагается производство и импорт угля в стране. Полученные средства направляются на развитие экологически чистой энергетики, экологических технологий и создание на их основе новых производств. Таким образом, не только регулируется добыча ископаемого топлива, но создаются новые производства, и растет занятость населения.

Зеленая экономика удерживает хорошие темпы роста, и на сегодняшний день ее объемы оцениваются в более чем 2,5 трлн. долл. США. В США она имеет показатель 4,2% от ВВП, в Германии 4,8%, а лидером считается Англия — 9%. Положительная динамика в этой сфере позволяет прогнозировать увеличение занятости населения в краткосрочной перспективе в 4 раза. Имеет смысл отметить, что только в области возобновляемой энергетики в ЕС сейчас занято 2,8 млн. человек.

Кроме того, в недрах «зеленой экономики» активно прорабатывается еще и концепция биоэкономики, которая имеет более узкую область применения и основана на новых биотехнологиях. Спектр этих технологий широк. Остановимся лишь на энергетиче-

ских, как наиболее актуальных для стран Большого Алтая. Это касается главным образом получения тепловой и электрической энергии из биомассы, переработки отходов сельского хозяйства и сточных выбросов городского коммунального хозяйства. В Европе и США эта специфическая отрасль экономики уже занимает 5-12% ВВП. Ее развитие, несмотря на все кризисные явления в мире, также имеет хорошие темпы роста. Так, в ЕС оборот товаров и услуг «Био» составляет 2 трлн. евро, и в этой отрасли сегодня заняты уже 22 млн. человек, т.е. 9% от числа всех работающих.

Насколько эти процессы важны для России, пытаются определить многие эксперты и научные сообщества. Уже сейчас очевидны следующие моменты. Во-первых, «зеленая экономика» самым серьезным образом влияет на мировой топливный рынок, меняя его структуру. Во-вторых, игнорирование тенденций «зеленой экономики» и «чистых» технологий приведет к увеличению разрыва в уровне экономического развития между Россией и основными глобальными конкурентами. В-третьих, как свидетельствует опыт ЕС, реализация концепции «зеленой экономики» — это не только эффективный способ управления национальным инновационным процессом за счет создания новых стандартов, процедур сертификации, но и серьезный стимул для технологического обновления ряда наукоемких отраслей, обладающих большим мультипликативным эффектом.

Ряд правовых актов, принятых ранее и в последнее время, подготовили условия для внедрения «зеленой экономики» в России. В первую очередь необходимо назвать «Экологическую доктрину Российской Федерации»¹, которая базируется на ключевых положениях Конституции РФ и учитывает международный опыт в этой сфере². В Доктрине в качестве государственной цели сформулировано требование сохранения природных систем, поддержания их целостности и жизнеобеспечивающих функций для устойчивого развития общества, повышения качества жизни, улучшения здоровья населения и демографической ситуации, обеспечения экологической безопасности страны. Следующей, и по значимости, и по времени принятия, стоит назвать «Климатическую доктрину» принятую распоряжением президента РФ от 17 декабря 2009 г. и

¹ одобрена распоряжением Правительства РФ от 31 августа 2002 г. №1225-р.

² документы Конференции ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992 г.

«Планом действий» к ней. В ней достаточно подробно расписываются цели РФ в области стабилизации выбросов в атмосферу парниковых газов (напомним, что наша страна взяла на себя обязательства сократить выбросы на 20%), а также предлагаются меры и финансовые механизмы фактически по всем секторам экономики, которые должны способствовать стабилизации климата. Следует упомянуть также «Комплексную Программу развития биотехнологий в Российской Федерации на период до 2020 года», принятую в апреле 2012 года. В ней сформулированы следующие цели: увеличение в 8,3 раза объема потребления биотехнологической продукции в РФ и в 33 раза увеличение объема ее производства; сокращение доли импорта в потреблении биотехнологической продукции на 50%; увеличение доли экспорта в производстве биотехнологической продукции более чем в 25 раз. Один из разделов этой программы связан с производством электрической энергии и тепла из биомассы поглощением (утилизацией) эмиссии парниковых газов¹. В связи с этим отметим, что в «Энергетической стратегии РФ до 2030 года» предусматривается получение только на биогазовых станциях до 2015 г 210 МВт электрической энергии, а до 2030 — 800 МВт².

Все эти документы далеко не безупречны и подвергаются критике специалистов. Тем не менее их можно рассматривать в качестве первого шага, и, главное, они дают возможность двигаться дальше, организовывать их обсуждения, инициировать доработку и т.д.

Переходя теперь к Сибири, кратко представим те предпосылки, которые объективно сложились в ней для перехода к «зеленой экономике».

1. Развитый промышленный комплекс, где осуществляется добыча в больших объемах угля и углеводородного топлива. Есть субъекты, например, Кемерово, которые осуществляют значительные выбросы (эмиссию) парниковых газов в атмосферу, а есть регионы, как Республика Алтай, которые, напротив, сохранили значительные территории нетронутыми, где осуществляется регенерация лесов, почв, воды и воздуха. Кроме того, в Сибирском феде-

¹ ВП-П8-2322. Комплексная программа развития биотехнологий в РФ на период до 2020 года (утв. Правительством РФ 24.04.2012 N 1853п-П8).

² Энергетическая стратегия РФ до 2030 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 13 ноября 2009 г., №1715-р)

ральном округе действует система заповедников и национальных парков общей площадью свыше 31000 тыс. га, которые необходимо рассматривать как важнейшие экологостабилизирующие элементы экосистемы Евразии.

Возникает вопрос: как соединить этот мощнейший биосферный и промышленный потенциалы, заставить их вместе работать на жителей Сибири и всего евразийского пространства? Это позволило бы осуществить плавный эволюционный переход к экономике нового типа, сформировать эффективный вариант региональной сибирской кооперации. Определенным стимулом для такой «зеленой кооперации» стало вступление России в ВТО (несмотря на массу других негативных следствий этого), где на продукцию металлургических комплексов, вывозимую за границу, накладывается обязательное условие показать сокращение выбросов парниковых газов при ее производстве. Иначе продукция существенно теряет в цене. Понятно, что за этим стоит лоббирование западных экономических интересов, понятно также и то, что технологические возможности отечественных компаний крайне ограничены. Но, если отечественные промышленные предприятия не могут сами сократить выбросы парниковых газов, то они, согласно действующим на международном уровне правилам, вполне могут приобрести квоты на выбросы на стороне, участвуя, например, в развитии системы сельскохозяйственных лесополос, посадке лесов и поддержке особо охраняемых природных территорий. Конечно, это требует доработки юридических документов, тщательного научного обоснования, политической воли, наконец, но результат даже по самым первым прикидкам намного превзойдет затраты. Металлургия Сибири будет капитально защищена от давления чиновников Евросоюза, а лесная отрасль и сельское хозяйство региона приобретут более устойчивый характер. И, главное, выиграет в целом экологическая ситуация в центре Евразии — экологическом бастионе нашей планеты.

2. В Сибири имеется уникальный опыт реализации проектов с использованием механизмов Киотского протокола. Назовем лишь некоторые: инвестиционный проект «Снижение выбросов перфторуглеродов на ОАО «РУСАЛ», Новокузнецкий алюминиевый завод»; инвестиционный проект «Снижение потерь в теплосетях населенных пунктов Республики Тыва»; первый в мировой практике «лесной проект» в рамках Киотского протокола «Поглощение уг-

лерода путем лесоразведения в отдаленных районах сибирского региона Российской Федерации», реализуемый в Залесовском районе Алтайского края. Эти проекты реализуются в двух основных направлениях Киотского протокола: МЧР — механизмы чистого развития и ПСО — проекты совместного осуществления. Таким образом, накоплен определенный опыт реализации проектов по снижению выбросов парниковых газов.

Отметим при этом, что, несмотря на принятые федеральные программы и документы, в действительности помощь государственных органов была весьма слабой, а проекты реализовывались усилиями бизнес-структур, научных и общественных организаций. Очевидно, что если к этому была бы приложена мощь государственного аппарата, то результаты были бы намного большими. В условиях неизбежного перехода к мобилизационной модели экономики, о чем речь шла выше, инициатива, организационная мобильность и научная компетентность чиновников становятся очень важными факторами успеха. И им надо не шарахаться от инициативного и социально ответственного бизнеса, а также от общественности, а идти активно навстречу и поддерживать их инициативы.

3. В связи с тем, что судьба Киотского протокола-2 до конца не ясна (ряд стран подписал его, некоторые страны, в том числе, Россия — нет), в мире стал широко разворачиваться опыт региональных углеродных рынков. В 2012 году зафиксирован первый углеродный аукцион в Калифорнии, существуют подобного рода рынки в Австралии и Индии. Несколько пилотных углеродных рыночных проектов на региональном уровне запускает Китай. В России также обсуждается вопрос о создании национального углеродного рынка. Это можно рассматривать как позитивный сигнал для Сибири. Напомним, что Казахстан и Китай, с которыми СФО имеет значительную сухопутную границу, не только планируют, но и уже запускают региональные углеродные рынки. Это значит, что открывается возможность привлекать средства на реализацию программ по «зеленой экономике», используя и эти возможности.

В связи с этим важно хотя бы кратко оценить опыт наших ближайших соседей по внедрению принципов «зеленой экономики».

Так, приоритетными задачами по переходу к «зеленой экономике» в Казахстане являются повышение эффективности исполь-

зования ресурсов (водных, земельных, биологических и других); модернизация существующей и строительство новой экологически ориентированной инфраструктуры; повышение благополучия населения и качества окружающей среды через применение новых технологий; снижение негативного давления на окружающую среду; повышение национальной безопасности, в том числе экологической и особенно водной. Концепция по переходу Казахстана к «зеленой экономике» будет реализована в три этапа. Инструментами реализации конкретных задач концепции по секторам экономики является целый ряд действующих программных документов¹. По расчетам, к 2050 году преобразования в рамках «зеленой экономики» позволят дополнительно увеличить ВВП на 3%, создать более 500 тыс. новых рабочих мест, сформировать новые отрасли промышленности и сферы услуг, обеспечить повсеместно высокие стандарты качества жизни для населения. Фактически это можно рассматривать как реальное использование механизмов мобилизационной экономики. В 2013 г. в Усть-Каменогорске на базе научно-технологического парка «Алтай» Восточно-Казахстанского государственного технического университета (ВКГТУ) им. Д. Серикбаева прошел масштабный² Международный Экологический Форум «Зеленая экономика — стратегический курс развития»; в его рамках проходила выставка, на которой были представлены технологии возобновляемой энергетики (солнечная, ветровая, гидроэнергетика), а также проекты и технологии, направленные на снижение потребления энергии³.

Легко обнаруживаются при этом и примеры евразийской интеграции и приграничного сотрудничества. Так, представители китайских фирм активно предлагали гибридные станции, исполь-

¹ программы по развитию агропромышленного комплекса на 2013-2020 годы — «Агробизнес-2020», госпрограмма развития образования на 2011-2020 годы, программы развития территорий, стратегические планы государственных органов, другие отраслевые программы, которые будут скорректированы с учетом целей и задач Концепции.

² В работе Форума принимали участие министр охраны окружающей среды РК, представители министерств индустрии и новых технологий РК, регионального развития РК, послы Республики Корея и КНР, представители Тарбагатайского округа СУАР КНР, ОБСЕ, других международных организаций, а также предприятия из России, городов Астана, Алматы, Южно-Казахстанской, Жамбылской, Карагандинской, Павлодарской областей.

³ См. URL: <http://ru.government.kz/site/news/2012/06/76>

зующие энергию ветра и солнца, получившие широкое распространение в самом Китае. Это весьма актуальное предложение для Восточного Казахстана, где автономные дома, снабженные солнечными панелями и ветрогенераторами, могут решить проблемы снабжения энергией отдаленных районов. Реальным шагом в реализации зеленой энергетики стало подписание меморандума о строительстве крупной ветроэнергетической станции недалеко от села Таинты.

Восточный Казахстан не случайно выбран местом начала реализации крупных проектов в области альтернативной энергетики. Региональные инициативы, как уже сказано, должны стать ключом национальной стратегии «зеленой экономики». Уже сегодня в четырех регионах области на отдаленных крестьянских хозяйствах установлено более 20 ветроэлектростанций и более 1000 бытовых солнечных панелей. За последние 2 года выдано 15 земельных участков для проведения проектно-исследовательских работ для строительства различных энергетических комплексов. В ближайшее время в Усть-Каменогорске планируется запуск завода по производству фотоэлектрических модулей для солнечных батарей.

Обратимся теперь к опыту Китая, который становится здесь одним из лидеров. Объем инвестиций в «зеленую» энергетику в КНР составил около 68 млрд. долл. — самый высокий мировой показатель¹. Как и большинство стран, КНР выбрала ориентиром 2020 год. К этому сроку запланировано довести выработку электроэнергии из возобновляемых источников с 9% до 15% от общего объема ее производства. Учитывая, что большая часть электроэнергии в Китае производится на угольных ТЭЦ, суммарный вклад в стабилизацию климата с его стороны будет весьма существенным. На региональном уровне также создается внутренний рынок торговли сокращениями CO₂, что станет дополнительным стимулом для развития зеленых технологий. Способствовать этому будут предложения исследовательского центра Минфина страны о введении налога на выбросы углекислых газов².

¹ Китайский гигант зеленой энергетики инвестирует четверть миллиарда долларов в Канаду — URL: <http://korrespondent.net/world/>

² Национальные программы «Зелёная экономика», «Государственный план противодействия климатическим изменениям», «Экологические закупки», «Кредиты на сокращение углеродов» Центрального банка КНР и целый ряд других.

На первом этапе выполнения программы «озеленения» экономики до 2015 года Китай планирует привлечь около 3 трлн. юаней (около 440 млрд. долларов), а к 2050 г. на эти цели будет потрачено 40 трлн. юаней (порядка 5,85 трлн. долларов). В 12-й пятилетке (2011-2015 гг.) среднегодовой прирост природоохранной отрасли страны составит 15-20% по отношению к предыдущему периоду, а общая стоимость продукции этой сферы достигнет 4,9 трлн. юаней. В настоящее время в этой отрасли в КНР задействовано более 30 тыс. организаций и компаний, в них работают почти 3 млн. человек¹.

Важно, что на государственном уровне в Китае развернута широкая пропаганда экологически ответственного отношения к окружающей среде и ресурсам. Социологические опросы показывают, что около 70% жителей КНР готовы изменить свои привычки при покупке товаров и продуктов широкого потребления таким образом, чтобы внести свой вклад в ресурсосбережение и охрану окружающей среды. Общенациональным стал проект «Зеленая китайская стена», призванный остановить наступление пустыни Гоби путем высаживания деревьев по ее периметру. Эта инициатива опирается на важное государственное решение, которое появилось еще в 1981 году. Согласно ему, каждый китаец в возрасте от 11 до 60 лет должен посадить 3-5 деревьев в год или принять участие в обработке, обрезке и культивации деревьев. Очевидным показателем роста экологической активности населения является и рост числа общественных организаций. Так, за последние 20 лет в Китае сформировались крупные неправительственные экологические организации — «Друзья природы», «Институт глобальной экологической культуры», «Волонтеры зеленой Земли», «Пекинский фонд защиты окружающей среды».

Что касается Западного Китая, то для него разработаны специальные программы, среди которых — строительство низкоуглеродных городов и, в частности, возведение такого города на юге СУАР в Турфане. Торжественное открытие строительных работ состоялось в мае 2010 года, а основные работы должны завершиться в 2020 г. Отведенная площадь застройки составляет 8,8 кв. км;

¹ CGEGD – Информационно-аналитический портал ОЮЛ «Коалиция "За зеленую экономику и развитие G-Global", Национальный общественный институт "зеленой" экономики и социальных инноваций» — URL: <http://greenkaz.org/index.php/ru/vse-kategorii/63-analiticheskaya-baza/378-opyt-kitaya>

согласно проекту, в городскую среду интегрирована большая солнечная электростанция. Турфан — одно из красивейших мест на западе Китая, уникальное место по сочетанию ветровой, солнечной и геотермальной энергии. Большое развитие получит общественный электротранспорт, причем, остановки запланированы через каждые 100-150 метров, чтобы максимально освободить улицы от автотранспорта. Жилище горожан проектируется как энергопроизводящее, а излишки энергии будут передаваться в сети. Для сокращения потерь активно внедряются сети с низким напряжением, а вся энергетическая инфраструктура будет управляться высокоэффективной цифровой платформой¹.

Очевидно, что подобные идеи и градостроительный опыт вполне могут быть применены и в России. Тут нужно только активное международное сотрудничество, учет собственного позитивного эко-опыта и, конечно, энергичные политические решения. Предложим в качестве первого серьезного шага по переходу к региональной модели «зеленой экономики» проект так называемого «зеленого каркаса» Большого Алтая.

Формирование «зеленого каркаса» Большого Алтая и неотложные меры по его переходу на рельсы «зеленой экономики»

Формирование экологического каркаса в трансграничной области на Алтае, без всякого сомнения, требует основательной научной и проектной проработки, но уже сейчас можно зафиксировать ряд важных моментов, дающих уверенность в возможности реализации этого проекта.

Прежде всего, для него фактически сложилась определенная база. Например, создаются ООПТ со статусом объектов ЮНЕСКО между Монголией и Россией (степи Даурии, котловина Больших озер на границе Республики Тыва и Убсунурского аймака Монголии); Катунский заповедник в Республике Алтай и соседний с ним национальный Катон-Карагайский парк в Казахстане уже получили статус биосферных объектов. К ним примыкают китайский национальный парк Канас и национальный парк Таван Богд в Монголии. Таким образом, уже сделаны серьезные шаги по расширению но-

¹ Там же.

минации Всемирного природного наследия ЮНЕСКО «Золотые горы Алтая», которая свяжет четыре страны и может стать ядром такого каркаса. Это абсолютно оправданно, ибо здесь находятся истоки крупнейших рек региона, самые большие ледники, к тому же данная территория — всемирно значимый центр биоразнообразия.

Напомним, что под экологическим каркасом понимается система связанных природных территорий, которые поддерживают экологическое равновесие в регионе. Каркас — это фактически непрерывная сеть ООПТ различных режимов охраны и природопользования. В узлах, или, как их еще называют, ядрах каркаса, располагаются заповедники, национальные парки или другие ООПТ. Как правило, их охватывают достаточно обширные буферные зоны, на которых разрешается традиционное природопользование или экологически ориентированная хозяйственная деятельность, например, экологический туризм. В состав каркаса могут входить также крупные лесные участки, болотные или озерные системы без специального статуса. Действующее законодательство закрепляет за прибрежными зонами особый статус, другими словами, их также можно рассматривать как особого рода ООПТ. Между собой все ядра каркаса должны быть связаны линейными объектами. Это могут быть естественные объекты — например, долины рек; а на территории Алтайского края эту роль во многом выполняют уникальные ленточные боры, протянувшиеся по всей его территории с севера на юг и уходящие в соседние области Казахстана.

Но линейные объекты могут быть и искусственно созданными. Здесь стоит указать на систему лесополос на Алтае, которая стала формироваться во второй половине XX века. В настоящий момент она покрыла всю территорию края и сомкнулась с ленточными борами и заказниками. Есть уникальная, федерального значения лесополоса, которая состоит из двух лент: Славгород – Рубцовск и Алейск – Веселовка, с востока на запад пересекающих весь край. Система лесозащитных полос способствует задержанию снега и останавливает ветровую эрозию почв, она фактически является важнейшим элементом экологического каркаса региона, став местом проживания небольших животных и гнездования птиц. Отмечена также миграция крупных копытных животных и хищников по лесополосам из одного заказника в другой. Усиливающаяся роль лесополос ставит серьезный вопрос об их сохранении и развитии.

В трансграничной области уже созданы и функционируют 8 объектов с самым высоким статусом охраняемости — заповедники, общей площадью свыше 1,5 млн. га, кроме того, действуют 25 крупных заказников, 8 национальных парков, свыше 50 памятников природы. Последние мы выбрали из большого списка по критерию площади (больше 40 га). Это, как известно, площадь, на которой сохраняются основные защитные и восстановительные силы экосистемы.

Уточняя все элементы экологического каркаса, необходимо называть и другие, может быть, не столь крупные объекты, но играющие зачастую весьма значительную экосистемную роль. К ним могут быть отнесены городские зеленые зоны, пригородные леса, памятники природы площадью менее 40 га. Таким образом, и ядра, и линейные объекты будущего каркаса фактически сложились, и в целом можно констатировать, что значительная площадь Большого Алтая уже практически охвачена элементами экологического каркаса. Теперь настало время глубокого анализа и проектной проработки, которые должны свести все эти элементы в целостную систему. Подобного рода работа согласуется с рядом успешных проектов в мире, в основу которых была положена концепция культурного ландшафта. Культурные ландшафты могут сыграть особую роль в механизмах адаптации в условиях изменения климата. Очевидно, что они испытывают такое же воздействие от климатических изменений, как и остальные, но в сравнении с глубоко преобразованными ландшафтами, где уже ничего радикально в обозримое время изменить нельзя, и заповедными территориями, где влияние человека должно быть фактически сведено к нулю, — на таких ландшафтах перспективнее всего реализовать адаптационные мероприятия. При этом стабилизация состояния культурных ландшафтов позитивно скажется и на более обширных территориях.

Ценность культурных ландшафтов в настоящий момент получила мировое признание. Так, в Вертлитце в 1998 году на международном форуме «Культурные ландшафты — сохранять и экономить» был принят ряд важных документов, направленных на признание высокой экологической, культурной и экономической роли подобных ландшафтов. Было дано и определение культурного ландшафта:

«Культурные ландшафты, являясь образцами устойчивого, экологически безопасного развития, должны находиться в центре сотрудничества в области охраны окружающей среды и сменить отраслевую раздробленность. Это требует коренной переориентации и более высокой степени координирования применения средств»¹.

Комитет Всемирного наследия ЮНЕСКО также стал рассматривать и включать такие ландшафты в список Всемирного наследия, например, в Австрии (Зальцкаммергут), Португалии (Синтра), Чехии (Леднице-Валтнице).

Учитывая, что на территории Большого Алтая уже есть объекты Всемирного природного наследия ЮНЕСКО (Республика Алтай) и объекты из списка Всемирного культурного наследия (парк Таван Богд, Монголия), представляется обоснованным начать работу по представлению в ЮНЕСКО достаточно больших площадей в трансграничной области на Алтае в качестве культурных ландшафтов. Отметим, например, что Кош-Агачский район Республики Алтай уже имеет статус территории традиционного природопользования, что является важным моментом при определении культурного ландшафта по критериям ЮНЕСКО.

Таким образом, если суммировать эти факты с приведенными выше примерами проектов, то можно констатировать, что в трансграничном регионе Большого Алтая уже началось внедрение проектов «зеленой экономики», а последующие шаги в этом направлении достаточно просты и не требуют серьезных затрат. Но, подчеркнем еще раз, — они эффективны **только при условии активности гражданского общества, реальных шагов патриотически настроенных представителей бизнес-структур и энергичных, научно обоснованных действий властей всех уровней**. Собственно, это и есть одна из форм мобилизационной экономики, когда все члены общества мобилизованы не по типу лагерного принуждения, а объединены одной общей идеей-правительницей — сохранить богатства своей Родины для детей и внуков, встав на путь нового устойчивого экологического и гуманистического развития.

Выдвинем в завершение этого раздела ряд конкретных концептуальных предложений по ускоренному региональному переходу Большого Алтая на рельсы «зеленой экономики»:

¹ Культурные ландшафты и охрана природы в Северной Евразии. М., 1998, с. 13.

- Необходим регулярный обмен опытом и информацией на уровне государственных органов и бизнес-структур региона по позитивным «зеленым трендам». Для этого уже создан соответствующий региональный трансграничный консультационный механизм — Международный координационный Совет «Наш общий дом — Алтай».

- Большой Алтай должен быть позиционирован как регион производства экологически чистой сельхозпродукции. Для этого необходимо провести ее сертификацию по всем международно признанным регламентам.

- Учитывая уже имеющийся мировой и региональный опыт применения рыночных механизмов в реализации сокращения парниковых газов (условные тонны парниковых газов), заинтересованность местных крупных эмитсионеров (крупные металлургические комбинаты, ТЭЦ, химические производства и т.д.) в приобретении тонн сокращенных выбросов у депонентов (лесные предприятия, хозяева лесополос и лесопосадок, сельхозпредприятия), можно с уверенностью констатировать, что это создает исключительно благоприятные эколого-экономические условия для перехода региона Большого Алтая на рельсы «зеленой экономики». Для этого на данный момент есть все, кроме желания и энергии государственных структур¹.

- Все эти шаги невозможно сделать без целенаправленной подготовки специализированных научных, хозяйственных и управленческих кадров, для чего необходимо внести серьезные изменения в

¹ Углеродная составляющая является ведущей в топливно-энергетическом балансе Алтайского края. В среднем в год ввозится и производится 4625 тыс. тонн условного топлива (т.у.т), дров производится — 475 тыс. куб. м, газа — 611 млн. куб. м, моторного и жидкого топлива — 555 тыс. тонн. Из этого видно, что в атмосферу края поступает большое количество парниковых газов. Исследования показывают, что край располагает хорошими возможностями для сокращения выбросов в атмосферу, в первую очередь, за счет сокращения потерь в топливно-энергетическом комплексе. Так, от общего числа потребляемой электроэнергии теряется 11%, а тепла — 16,3%. Вторым ресурсом сокращения выбросов в атмосферу является развитие альтернативной энергетики, в том числе биогазовых установок, что может дать сокращение не менее чем 118 млн т.у.т. Даже поэтапное введение мощностей нетрадиционных и возобновляемых источников энергии в сочетании с мероприятиями по энергосбережению может привести к 20% сокращению выбросов в атмосферу, что будет соответствовать передовым мировым стандартам энергоэффективности. Кроме того, внедрение биогазовых установок даст высококачественное биологически удобрение для сельского хозяйства.

образовательные планы вузов региона, особенно сельскохозяйственного профиля. Одновременно необходимо самое широкое экологическое просвещение и образование жителей Большого Алтая с самого раннего возраста. Не будем забывать, что именно молодежи суждено жить и трудиться в лучшем — «зеленом» — мире.

РАЗДЕЛ 2

НОВЫЙ МИР: ВЗГЛЯД ИЗ СИБИРИ

Очерк первый

Евразийский мир и духовно-экологическая интеграция

В этом разделе мы коснемся геополитических, геоэкономических и геокультурных проблем становления духовно-экологической цивилизации. Предыдущий анализ показывает, что вряд ли страны Запада (Европы и США) встанут в авангарде перехода к новому типу цивилизационного существования, так как, находясь в авангарде технического прогресса, в том числе и в безусловно перспективных сферах типа «зеленой экономики», — они в плане политическом и культурном все более превращаются в лице своих правящих элит в тормоз мирового развития. В этой связи выскажем три ключевых тезиса, которые будем раскрывать в данном разделе книги:

- Евразийское пространство, совпадающее в основном с территорией Российской империи и СССР, может стать осевым для нового объединения и преобразования человечества.
- Евразийская идея образует важнейший элемент духовно-экологического мировоззрения и обладает значительным объединительным и примиряющим потенциалом в отношениях между разными странами и народами, культурными и религиозными традициями. Нападки и ложетолкования, которым она подвергается со стороны либеральных политиков и интеллектуалов, служат наглядным подтверждением этого тезиса.

При этом отметим, что евразийство отнюдь не является окончательно сложившейся системой идей. Оно развивается, и ряд проблем в его рамках вызывает острые дискуссии. Например, — что же все-таки следует понимать под Евразией: а) евроазиатский континент в целом; б) ту его часть, которая не является Европой и сегодня осознает себя в некоторой степени заложником сложившихся мировых правил экономической и политической игры, т.е. включа-

ет в себя и Россию, и мусульманский мир, и Индию с Китаем; в) исключительно внутреннее континентальное пространство Старого Света, как было указано выше и как считали классики евразийства? Сразу скажем, что мы принимаем понятие Евразии (или Внутренней или Северной Евразии в другой терминологии)¹ именно в этом третьем смысле, но считаем, что ее границы являются не жесткими, а открытыми и прозрачными, через которые этот срединный евразийский мир «прорастал» и «прорастает» и в земли Востока (в первую очередь, Индию, Китай и Иран²), и в земли Запада, прежде всего в славянский мир, где ближе всего к нам православные сербы и болгары. При этом **его глубинное цивилизационное предназначение — собирать вокруг себя разные культуры и народы, духовно расширяться на Запад и на Восток и даже за пределы евроазиатского континента. В этом смысле евразийская идея синтетична, по крайней мере, в двух смыслах: пространственно-геополитическом и культурном.**

На этом срединном евразийском пространстве в нынешнюю переходную эпоху особую ценность представляет Сибирь, особенно ее юго-западный регион, который должен быть объектом самого пристального внимания и заботы со стороны правительства, науки, предпринимательства и, конечно, широких кругов российской и мировой общественности. Эта территория все более подтверждает свой статус стартовой цивилизационной площадки для глобального прорыва. Отчасти мы писали об этом и в наших предыдущих работах, но здесь рассмотрим эти темы более обстоятельно и под новыми углами зрения.

Начнем с обращения к евразийской идее, которая, повторим, при всей своей нарастающей популярности, нуждается сегодня не только в теоретическом развитии, но и в защите своих ключевых положений.

¹ Кстати, когда сегодня говорят «русский мир», то неявно подразумевают именно евразийское пространство, где живут отнюдь не только русские.

² Хотя очень интересные и глубокие культурно-исторические связи существуют, например, между собственно евразийскими народами (русскими, тюрками, угро-финнами и монголами) и японцами с корейцами, которые ищут свои культурные корни как раз на евразийском пространстве. Например, корейцы, главные потребители продукции отечественного пантового мараловодства, говорят, что они сами с Алтая ушли, а маралов взять с собой забыли. А те же японцы считают алтайский и тувинский кай (горловое пение) в качестве важного утерянного элемента собственной традиционной культуры.

Евразийская идея и ее критики

Начнем с констатации парадоксального факта: евразийство практически неизвестно широким кругам российской общественности, хотя это, пожалуй, единственная, основанная не на идеологических построениях, а на научных фактах форма национального самосознания России. В среде же интеллигенции сплошь и рядом евразийство воспринимается сквозь призму идеологических шор — марксистских, либерально-западнических, православно-консервативных, славянофильских, националистических и т.д. Показательна в этом плане статья доктора философских наук В.Л. Акулова «Звенящая пустота евразийства», выставленная на целом ряде сайтов¹. Основные аргументы автора против евразийства следующие:

— евразийское учение — это заемный комплекс идей из западной геополитики и социологии, а вот славянофильская идея, напротив, глубоко самобытна и оригинальна;

— евразийские идеи страдают абсолютизацией пространственных факторов в существовании культур и народов;

— евразийские авторы оправдывают татаро-монгольское иго («чингисхамство», по известному, но не самому остроумному выражению И.А. Ильина) и наивно идеализируют русско-тюркское этнокультурное единство, выраженное в знаменитой поговорке «поскреби русского — найдешь татарина»;

— евразийство принижает роль русского народа и русской цивилизации в целом, страдая космополитизмом.

Прежде всего, хотим опровергнуть один из центральных тезисов В.Л. Акулова, что славянофильство-де — это оригинальный продукт русской культуры; а евразийство — комплекс заемных идей из западной геополитики. Дело обстоит прямо противоположным образом. Идея всеславянского единства и славянского «кровного родства» как раз заемна, так как впервые выдвинута в XVII веке хорватом, впоследствии членом ордена иезуитов — Юрием Крижаничем. Зато совершенно оригинальна и самобытна (и потому, кстати, глубоко ненавистна русофобам и космополитам, типа З.Бжезинского) ключевая идея евразийцев, что Россия, по совершенно объективным пространственно-географическим, геополитическим, историческим, этническим, культурным и хозяйствен-

¹ URL: http://www.za-nauku//index.php?option=com_content@task.

ным параметрам, представляет собой **срединный многонациональный культурно-географический мир**, возникший позже восточных и западных цивилизаций, впитавший в себя многие их культурные достижения, но сумевший, особенно с XIX века, приобрести ярко выраженное цивилизационное своеобразие и занять важнейшее место в историческом процессе.

Евразийское пространство в собственном смысле — совпадающее, повторим, в основном, с границами Российской империи и Советского Союза — всегда было, есть и остается стратегическим транспортным континентальным мостом; политическим и культурным посредником между мирами Востока и Запада, осью мирового геополитического равновесия. Не случайно западные геополитики-атлантисты, типа Макиндера, называли его районом-сердцем (или Хартлендом). Игнорировать или принижать этот фундаментальный пространственный фактор в существовании нашего отечества — значит упускать из вида принципиальные черты российского своеобразия и обрекать себя на неизбежные ошибки и поражения, о чем мы еще скажем ниже.

При этом В.Л. Акулов, как и многие другие критики евразийства, почему-то считает, что евразийство — это исключительно пространственная теория, страдающая географическим детерминизмом. Это в принципе неверно. Евразийская концепция синтетична, и познание России в ней строится на разнообразных научных фактах, в том числе и исторического характера. Как убедительно показал еще Г.В. Вернадский, Россия стала наследницей великих кочевых империй Евразии — скифо-сарматской, гуннской, тюркской, татаро-монгольской, причем влияние восточного фактора на становление ее культуры и государственности было ничуть не меньшим, чем варяжское или византийское. Например, как известно, организацией пограничной, почтовой и транспортной служб (слова «таможня», «ям» имеют тюркские корни), принципами комплектования и построения войск, религиозной терпимостью в проведении культурной политики — мы во многом обязаны именно татаро-монгольскому наследству. Свободный диалог всех религиозных конфессий при дворе монгольских ханов, запрет на оскорбление чужих верований — до такой религиозной терпимости нынешнему человечеству еще долго восходить. Это не значит, что надо идеализировать татаро-монгольское иго. Иго есть иго, но исторический анализ должен быть объективным.

Ну, а старая русская поговорка «поскреби русского — найдешь татарина» совершенно справедлива: чем бы была Россия и ее культура без служилых тюркских и монгольских фамилий, перешедших на службу к московскому князю — Державиных и Тургеневых, Кутузовых и Чаадаевых, Урусовых и Ордын-Нащокиных и т.д. Россия стала превращаться в великую мировую державу, когда развернулась на Восток, стала сознательно вбирать в себя пространственный, культурный и человеческий потенциал кочевого степного мира. Любопытно, что даже вооруженное завоевание Сибири Ермаком не было вторжением в чужое культурное пространство. Казаки знали, куда и к кому они шли. Русь была давно знакома с угро-финскими, тюркскими и монгольскими народами, их обычаями и верованиями. Многие местные сибирские народы, исповадовавшие шаманизм, воспринимали Ермака как освободителя от Кучума, втягивавшего их в разбойничьи нападения на русские земли и агрессивно навязывавшего ислам. Как пишет крупный знаток и переводчик сибирского фольклора А.В. Преловский,

«со стороны сибирских народов чувствуется если не прямая героизация, то безусловное встречное уважение к делу и образу Ермака. Тому свидетельством немалое число преданий и легенд, что до сих пор бытует среди хантов, манси, татар и северных казахов, где Ермак рисуется не только как могучий воин (Эр, Ер — на тюркских языках), но, в первую очередь, как освободитель от ордынского ига»¹.

Не будет ошибкой сказать, что поход Ермака в Сибирь — это начало второго, равного по значению походу Чингисхана, великого собирания Евразии, но только развернутого в восточном направлении.

Обратимся теперь к государственным символам России. Вопреки мнению русских западников, «доверчивых славянолюбов» (выражение К.Н. Леонтьева) и русских националистов, они несут очевидные евразийские смыслы. Так, нынешний флаг России (как бы кто скептически ни относился к его триколору в силу причин политического характера) по-своему очень точно отражает «флагоподобное» широтное расположение ее климатических зон: тундра — лес и лесостепь с наибольшими водными ресурсами — степи и пустыни. Именно тщательный анализ сложнейших природно-

¹ Преловский А.В. Заветные сокровища Сибири//Сибирские сказания. М., 1991, с. 33

климатических условий хозяйствования в России, этнического состава населения, равно как и срединного характера ее пространственного положения, позволил Д.И. Менделееву, прямому предшественнику учения евразийцев, сделать два стратегических вывода: 1) экономика России не может быть построена ни по английскому, ни по германскому образцу; и 2) «страна-то наша особая, стоящая между молотом Европы и наковальней Азии, долженствующая так или иначе их помирить»¹.

Можно встретить аргумент против евразийства, что Россия-де принадлежит не к западноевропейской, а к восточно-христианской православной цивилизации, и в этом ее коренная цивилизационная специфика. Эту точку зрения развивают сегодня многие авторы, придерживающиеся патриотических убеждений, например, известный историк и публицист А.И. Фурсов², а также наш крупный историк русской философии М.Н. Громов. Последний пишет:

«...Русская культура представляет собой вариант европейской в ее восточно-христианской разновидности при учете евразийского характера социально-политического развития России. В связи с этим русская мысль вполне вписывается в контекст европейской культурной традиции, существенно повлиявшей на ее генезис, становление и важнейшие интенции со времен Средневековья до сегодняшнего дня»³.

Но здесь непонятно, как развитие в социально-политическом плане может быть евразийским, а культура — принадлежать к европейской цивилизации? Если же мы и в самом деле принадлежим к европейскому культурному пространству, пусть и восточно-христианскому, — то как объяснить, что все попытки обустроить Россию по европейским культурным образцам, включая византийские, неизменно или заканчиваются катастрофами (равно и социалистическими, и капиталистическими), или приводят к результатам, отличным от ожидаемых, типа петровских или никонианских реформ? Если мы составляем часть европейской культурной общности, то почему сами европейцы «в упор не видят» в нас своих? И

¹ Менделеев Д.И. Соч., т. XXI. М.-Л., 1954, с. 385. К его взглядам мы также еще вернемся.

² Фурсов А.И. Интересы, а не ценности: русская Европа, а не Евразия // Россия и Запад: что разделяет? Материалы научного семинара. Выпуск №7. М., 2009, с. 98.

³ Громов М.Н. Судьба философии в России: типологический анализ // Русская философская мысль: на Руси, в России и за рубежом. Сборник научных статей, посвященный 70-летию кафедры истории русской философии. М., 2013, с. 35.

наоборот: если мы — часть Европы, то, почему большинство русских не соглашаются идентифицировать себя в качестве европейцев, в отличие от своих восточноевропейских братьев-славян (чехов и поляков), которые безоговорочно таковыми себя считают? Спрашивается: какие, если не самобытно евразийские, культурные факторы привели к тому, что русское церковное зодчество, сохранив крестово-купольную структуру византийского храма, обрело ярко выраженное своеобразие в виде шлемовидных и луковичных куполов, не говоря уж об иконостасе, которого в византийском внутреннем храмовом убранстве просто нет? А своеобразие русской иконописи? А заложенная преподобным Сергием Радонежским русская традиция монашеского повседневного трудничества? А духовное окормление власти и бичевание ее нравственных пороков со стороны наших нестяжателей во главе с Нилом Сорским, Вассианом Патрикеевым, Максимом Греком и Андреем Курбским?

Русский культурный мир¹ испытал огромное влияние не только со стороны византийского православия, но и славянского язычества, а также, как известно, вобрал в себя многие элементы (лексику, мифологические сюжеты и образы, бытовые, хозяйственные и военные навыки) угро-финской, тюркской и монгольской культур. Наша «всемирная отзывчивость» — прежде всего плод многовекового культурного взаимодействия с другими евразийскими народами. Ни западноевропейским, ни варяжским, ни византийским культурным влиянием этого не объяснишь, хотя и их, естественно, ни в коем случае нельзя недооценивать, как это иногда свойственно представителям современного евразийства.

В целом же за последние пять-десять лет стало очевидно, что евразийство обладает мощным синтетическим и примиряющим идейным потенциалом. Оно позволяет внутри себя расставлять разные теоретические и практические акценты и вести творческий диалог с представителями самых разных этносов и культур. Главное, что евразийство четко **идейно противостоит двум полярным разрушительным крайностям во взглядах на национальный вопрос и межнациональные отношения — космополитизму и национализму**, равно смертельным и для подлинного националь-

¹ Еще раз подчеркнем, что словосочетание «русский мир» (или пушкинская «Русь великая») очень часто используется как синоним именно многонационального евразийского культурно-географического мира, где русский народ выполняет особую собирательную миссию.

ного самосознания, и для выстраивания продуктивных отношений с представителями других народов и культур. Схождения этих крайностей четко подметил еще К.Н. Леонтьев:

«Кто радикал отъявленный, то есть разрушитель, тот пусть любит чистую племенную национальную идею; ибо она есть лишь частное видоизменение космополитической разрушительной идеи»¹.

Не случайно русских националистов сегодня активно поддерживает современный Запад. Не случайно также, что идеологи и практики вестернизации стремятся оторвать от России Украину (что уже в значительной степени сделать удалось), Казахстан и Монголию, ключевые регионы единого евразийского пространства, поощряя и поддерживая тамошних националистов, этноцентристов и даже откровенных нацистов (типа бандеровцев) параллельно с прозападным либеральным лобби. Оно и понятно: для наших стратегических противников более чем выгодна дезинтеграция евразийского пространства по этническому и религиозному принципам и нет ничего страшнее нового собирания многонациональной Евразии, а в сущности, и всей неевропейской части евроазиатского континента (Евразии во втором смысле, на что мы указали в начале очерка) в соответствии с принципом «общеевразийского национализма»², который был сформулирован Н.С. Трубецким. Он заслуживает того, чтобы его процитировать.

«Нужно, чтобы братство народов Евразии стало фактом сознания, и притом существенным фактом. Нужно, чтобы каждый из народов Евразии, сознавая самого себя, сознавал себя... как члена этого братства, занимающего в этом братстве определенное место. И нужно, чтобы... сознание своей принадлежности именно к евразийскому братству народов стало для каждого из этих народов сильнее и ярче, чем сознание его принадлежности к какой бы то ни было другой группе народов»³.

Иными словами, представитель любого евразийского этноса (русский, татарин, ненец, калмык или удмурт) и религиозного вероисповедания (православный, буддист или мусульманин) имеет полное право на любую форму личностной и коллективной самоидентификации, на естественную любовь к своей нации и религии

¹ Леонтьев К.Н. Избранное. М., 1993, с. 42

² Термин явно неудачный, но, по сути, Н.С. Трубецкой везде имеет в виду именно евразийский патриотизм, а не национализм в собственном смысле слова.

³ Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. М., 1999, с. 502.

— но лишь бы он осознавал себя при этом органической частью евразийского мира, от культурного единства, этнической терпимости и хозяйственной кооперации которого зависит полноценное будущее его самого и его детей. Советский Союз был великой евразийской державой потому, что люди объединялись там по человеческим качествам и духовным притяжениям, а не по чувству этнической стадности, не по «общности крови и генов» (где умирают как раз высокая национальная культура и духовное начало в человеке). На таких же принципах должны будут, по-видимому, объединяться и все другие страны Востока и Запада, но именно пространство Внутренней Евразии, учитывая его традиции мирного сосуществования и взаимного культурного обогащения народов, должно выступить камертоном евроазиатского и мирового единения, на чем мы еще остановимся ниже.

Теперь пора обратиться к самому, пожалуй, распространенному аргументу против евразийцев, что их учение-де направлено против русского народа и России как великой державы, созданной русскими. Это — откровенно тенденциозная интерпретация евразийской концепции. Тот же Г.В. Вернадский убедительно доказывает, что именно русскому народу принадлежит особая собирающая и цементирующая роль на евразийском пространстве. Он прошел своими ногами от Балтийского моря до Тихого океана, впервые объединив и столетиями удерживая воедино евразийский союз народов.

«Русский народ есть основная сила Евразийского государства, — писал Г.В. Вернадский, — русский язык есть основная стихия евразийской культуры. Но сила русской стихии в евразийском мире не может держаться на внешнем принуждении и регламентации внешних рамок. Сила эта — в свободном творчестве»¹.

Видный русский историк и литературовед В.В. Кожинов даже считал, что евразийство есть только там, где есть русские. Это, думается, преувеличение, но, например, данные социологических опросов показывают, что именно среди русских, по сравнению с другими этносами Евразии, наиболее высок процент тех, кто предпочитает видеть на руководящих государственных постах не обязательно представителей своего этноса, а порядочных и умных людей любой национальной принадлежности.

¹ Вернадский Г.В. Начертание русской истории. СПб., 2000, с. 282.

Иначе говоря, лишь выполняя свои единящие и примиряющие — *подлинно соборные* — евразийские функции, русский народ только и может проявлять свои лучшие национальные качества и добиваться выдающихся исторических успехов. Русский же национализм с принципом «Россия для русских» приводит только к массовому всплеску русофобии и разных мелких и мстительных национализмов, разваливших и продолжающих разваливать Евразию. Понятно, что свое национальное и культурное достоинство русским надо защищать (иногда предельно жестко!), но не отвечать при этом национализмом и чванством на национализм и этническое чванство других этносов, — их надо терпеливо развенчивать собственным достойным существованием и примерами человеческого единения. Величие народа как раз и проявляется в том, насколько он способен переступить через свой национальный эгоизм, который смертелен не только для отдельного человека, но и для нации в целом. Если нам совместными усилиями удастся на новых духовно-экологических основаниях воссоздать единый евразийский культурно-географический мир, то это будет и общей победой всех евразийских народов, и условием их собственного национально-культурного возрождения.

И, конечно, следует только приветствовать участие в этом процессе евразийской интеграции представителей самых разных стран и народов, включая не только Европу и Азию, но и Америку с Африкой. **Объединение народов Внутренней Евразии — объективное благо для всех стран и народов Земли, если оно осуществляется на истинных ценностях и идеях**, т.е. все на том же признании объективного мирового порядка и смысла как в индивидуальной, так и в соборной жизни людей.

Таким образом, евразийская идея не противостоит ни здоровому национальному патриотизму, ни здоровому интернационализму, ни здоровой религиозной самоидентификации, но подразумевает их органический и деятельный синтез. И если мы все вместе выиграем битву с мировой тьмой за духовно-экологическое объединение Евразии, то в мире не будет проигравших; а если мы эту битву проиграем, то в мире просто не будет победителей.

Евразийский культурно-географический мир и его интеграционный потенциал

У классиков евразийства (особенно у Н.Н. Алексеева и П.Н. Савицкого) мы обнаруживаем стратегически значимую идею, что именно на евразийском пространстве суждено сложиться принципиально новому типу цивилизационного существования, снимающего крайности капитализма и социализма, национализма и космополитизма, плана и рынка, частной и коллективной форм собственности, политико-экономической централизации и регионализации, духовных и материальных условий жизни. Перейдем теперь к обоснованию и развитию этой идеи и постараемся хотя бы кратко показать, что в этом регионе Земли существуют наиболее благоприятные условия для перехода к иной стратегии мирового развития. Сразу оговоримся, что это пока во многом лишь потенциал, который еще надо будет умело актуализировать.

Предварительно же отметим, что единственной пока страной, положившей евразийскую идею в основу своей внутренней и внешней политики и на протяжении всех 90-х годов XX века призывавшей к евразийской реинтеграции постсоветского пространства, был Казахстан, что является его безусловным и неоценимым вкладом в победу евразийских идей. К сожалению, Россия в течение последних двух десятков лет находилась в плену сугубо западных глобалистских установок, обернувшихся для нее тяжелыми цивилизационными провалами. Ситуация постепенно начала меняться к лучшему только в последние годы. Именно Россия, Украина¹, Казахстан, Монголия, а также Индия и Китай — по самому их геополитическому положению, размерам и численности населения — должны стать локомотивами как интеграции самой Евразии (во втором и третьем смыслах, отмеченных выше), так и превращения ее в стабилизирующий центр мировой политики, ос-

¹ К сожалению, Украина с самого начала «перестройки» подверглась мощнейшей прозападной идеологической обработке, где главной целью был ее отрыв от единого евразийского геополитического пространства и его ядра — России. И всегда именно ее западная часть (Галичина с центром во Львове) была и остается рассадником агрессивного украинского национализма и западничества, что и привело братскую страну к нынешнему территориальному развалу и настоящей национальной катастрофе. Как долго будет продолжаться украинское евразийское прозрение — покажет история. Возможны, увы, и самые печальные сценарии вплоть до войны между Украиной и Россией.

нованной на принципах миролюбия и взаимопонимания между народами, а также уважения к сложившимся политическим системам и типам мировоззрения. Создание Шанхайской организации сотрудничества и утверждение евразийского Таможенного Союза между Россией, Белоруссией и Казахстаном (к которому присоединилась Армения) — прямые шаги в указанном направлении. Думается, что огромный вклад в становление и расширение евразийского союза могла бы также сыграть одна из самых просвещенных исламских стран — Иран, а также Корея и Япония, культурное и историческое самосознание которых связано с евразийским пространством, особенно с его сибирским регионом.

Индия, которую классики евразийства почему-то никак не принимали в расчет и даже написали про нее явно ошибочные и несправедливые вещи¹, является важнейшим союзником и помощником евразийских народов в деле интеграции Евразии по меридиональной оси Север-Юг, учитывая извечную направленность индийской культуры на север, к легендарным землям, где творили ее великие мудрецы. Особую роль в исследовании глубоких связей между культурами России и Индии и практическом налаживании многосторонних контактов между двумя великими странами внесла семья Рерихов². Благодаря российско-индийскому политическому, культурному и научному сотрудничеству актуализируется живая память об индоевропейском общекультурном субстрате Евразии³, единящем многие племена и народы. Наконец, союз России и Индии имеет важнейшее значение для установления общемирового геополитического равновесия, служит средством миролюбивого сдерживания и культурного отрезвления того же Запада

¹ См. едва ли не худшую работу Н.С. Трубецкого «Религии Индии и христианство» // Наследие Чингисхана. М., 1999, с. 502. В ней он с православных позиций обвиняет традиционные религии Индии чуть ли не в сатанизме, воспроизводя поверхностные конфессиональные ярлыки, совершенно не учитывая индийские традиции святости и духовного подвижничества.

² Более подробно о евразийской миссии Рерихов см.: Иванов А.В. Идейное наследие семьи Рерихов и мировоззрение евразийцев // Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения: материалы Шестой Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), г. Барнаул, 25-26 июня 2012 г.: в 2т. Барнаул, 2012.

³ Напомним, что в рамках русской культуры его одним из первых заметил А.С. Хомяков. Выдающемуся русскому мыслителю мы обязаны обнаружением глубинных культурно-языковых связей между Россией и Индией.

с его повышенной агрессивностью и конкурентно-конфликтной политической ментальностью. Однако эта тема требует отдельного разговора, равно как и перспективы формирования устойчивого геополитического треугольника Россия-Индия-Китай, который тормозится давним территориальным конфликтом между Индией и Китаем в районе Гималаев. Об этом ниже мы еще скажем несколько слов в сугубо прагматическом ключе.

Попробуем теперь выявить геополитические, биосферные, эконом-географические и культурные характеристики евразийского пространства, дающие населяющим его народам ряд серьезных преимуществ и позволяющие связывать с ними надежды на переход к более справедливым и безопасным правилам мировой цивилизационной игры.

Во-первых, Евразия в единстве всех ее многообразных ландшафтных зон является **держателем стратегических природных ресурсов**, начиная от пресной питьевой воды, старовозрастных лесов и элитных черноземов до важнейших центров биоразнообразия и значительных ареалов девственной природы. Последние выполняют исключительно значимые ныне функции в поддержании региональных и глобальных биосферных балансов, в сохранении традиционных жизненных укладов, в том числе, коренных малочисленных народов. Не будет ошибкой сказать, что пространства Евразии — это огромная мировая фабрика по воспроизводству жизни на Земле.

Эти стратегические биосферные ресурсы должны в перспективе служить объединению и процветанию как народов Евразии, так и всего мира. К сожалению, здесь есть ряд проблем и противоречий, которые необходимо осветить. Так, страны Востока и Запада, не имеющие такого природного потенциала, заинтересованы в массовом экспорте дешевых и не подвергшихся первичной переработке евразийских природных ресурсов (нефти, газа, древесины и т.д.). Как показывают данные мировой статистики, экспортеры непереработанного сырья, лишенного добавленной стоимости, всегда оказываются в экономическом проигрыше по сравнению со странами, занимающимися их глубокой переработкой. Сырье в любом случае вернется к ним в виде промышленных товаров с добавленной стоимостью. Значит, своими природными ресурсами нужно делиться со всем миром, но не в убыток себе. Максимальная переработка природного сырья на своей территории — стратегическая за-

дача народов Евразии. Если для этого потребуется национализация месторождений нефти и газа, то этого не следует бояться. Они принадлежат всему народу, включая наших детей и внуков.

В перспективе народы-держатели природных ресурсов имеют полное право поставить перед остальным миром вопрос о **глобальной биосферно-экологической ренте**, которая должна выплачиваться за их эксплуатацию и за дестабилизацию биоты, неизбежно сопровождающую промышленную эксплуатацию биосферы. Например, сохранение и восстановление северных лесов Евразии, охрана высокогорных болот и ледников — это глобальная экологическая задача, в которой должно принимать участие все мировое сообщество как потребитель этих ресурсов.

Глобальным фактором мировой политической и экономической устойчивости является сегодня пресная вода. Ее запасы на территории Евразии огромны. К сожалению, в последнее время из-за водных ресурсов резко обострились противоречия между самими евразийскими народами. Так, Китай бесконтрольно забирает воду из Черного Иртыша в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, что провоцирует дефицит воды в Восточном Казахстане и в российских регионах, располагающихся выше по течению (Омская область). Разногласия существуют между Узбекистаном и Таджикистаном по поводу строительства гидроэлектростанции на реке Вахш, притоке Амударьи. Это чревато ростом дефицита воды у сельского населения Узбекистана. Любопытно, что в СССР существовало централизованное управление водными ресурсами, и проблема решалась в интересах всех сторон. К коллективному решению проблем эксплуатации и сохранения природных ресурсов Внутренней Евразии еще предстоит вернуться, хотя опыт такой работы уже имеется¹. Если в целом анализировать мировую ситуацию с водой, то большинство стран остро заинтересовано в решении своих водных проблем, особенно Африка и Ближний Восток, Китай и Индия. По самым скромным расчетам запасы пресной питьевой воды на Земле в ближайшее время сократятся на треть².

¹ См. Торопыгина А.А. Трансграничные международные проекты в Центральной Азии и участие в них России // Евразийская интеграция: экономика, право, политика, №1(15), 2014, с. 142-149.

² Будущее человечество: войны за воду.— URL: <http://ecoportal.su/news.php?id=75791>

На возможных решениях этого вопроса мы остановимся ниже, когда речь пойдет о Сибири.

Говоря о биосферных ресурсах Евразии, нельзя обойти вопрос и о перспективах глобального производства экологически чистых продуктов питания, для которых имеются все условия. Земли Евразии, особенно ее сибирских регионов, эксплуатируются всего в течение нескольких столетий. Они сохраняют естественное плодородие почв и пока почти не отравлены (в отличие от сельскохозяйственных земель США) использованием генно-модифицированных семян. **Производство экологически чистой продукции — это, в перспективе, важнейший общий сельскохозяйственный тренд евразийских народов.** Все большее значение сегодня приобретает также сельский туризм, когда жители, например, безземельной Японии считают за счастье самим в течение месяца поработать на земле, своими руками вырастить капусту и морковь. Производящие силы земли, совместная забота об их сохранении и использовании — важнейшая скрепа между людьми и народами. Здесь кроется большой потенциал евразийского сотрудничества.

Понятно, что в плане производства экологически чистой продукции, сохранения почв, элитного семенного фонда, экологизации средств обработки растений и т.д. государствам евразийского пространства надо сообща вести научные исследования, обмениваться передовым опытом, совместно продвигать свою продукцию на мировые рынки. Нельзя забывать и о том, что **воспроизводство села — это важнейшее условие гармоничного социального и культурного воспроизводства народов**, того естественного уклада жизни, к которому стремится современный человек, уставший от городской суеты и техногенно-потребительской гонки.

Во-вторых, в условиях глобальной дестабилизации климата, нарастающего дефицита природных ресурсов и все усиливающейся миграции населения из прибрежных регионов Земли в ее центральные континентальные области именно **территориальная протяженность России и всего евразийского пространства в целом**, разнообразие их климатических зон и ландшафтов дают большие возможности для маневра и ответа на вызовы XXI века. Можно оперативно восполнить дефициты одного региона ресурсами другого; можно вывезти население из зоны климатической или техногенной катастрофы в другой, более благополучный. Можно, естественно, при государственном желании и умении, варьировать

размещением производительных сил страны, гибко выстраивать территориально-производственные кооперативные связи, перебрасывать рабочую силу. В нынешних кризисных условиях, когда на смену денежно-стоимостным производственным и социальным показателям вновь постепенно, но неуклонно начнут приходить *натуральные* хозяйственные и социальные показатели (безопасность жизни, обеспеченность той же водой и качественными продуктами питания), — преимущества больших континентальных пространств начнут преобладать над их недостатками: затратами на сухопутные перевозки (в СССР этой проблемы вообще не было при господстве общенародной собственности), суровостью климата, коротким периодом сельскохозяйственных работ, протяженностью сухопутных границ и редкой заселенностью.

Европа и Япония, например, таких пространственных ресурсов не имеют в принципе. Для первой неразрешимая головная боль — приток выходцев из Африки и Азии. Этот процесс обратной колонизации Европы страшен для нее тем, что прибывающие пассионарии (очень точный термин Л.Н. Гумилева) будят волю к сопротивлению у местных европейских пассионариев и маргиналов, которые в значительных количествах ранее «сбрасывались» в колонии. Эта пороховая бочка рванет рано или поздно. Для Японии очень тревожным звонком стала Фукусима: непонятно, куда девать ее огромное население в случае глобальных техногенных или природных катастроф. Не исключаем, что нашим континентальным евразийским землям вскоре придется принимать потоки беженцев и с Востока, и с Запада, например, людей с нормальной сексуальной ориентацией, не желающих мириться с нарастающим содомом.

Кроме пространственного фактора как такового, большое значение имеет географическое положение евразийских стран между Востоком и Западом. Без евразийского континентального моста, где особую роль играют Китай и Монголия (восток Евразии), Россия и Казахстан (сердце Евразии), Украина и Белоруссия (запад Евразии), мир существовать не может. Эти земли действительно являются районом-сердцем, Хартлендом, который ни обойти, ни объехать. Так, единство ряда стран Евразии в рамках ШОС объективно выступает мощным *политическим* фактором миротворчества, как в случае с Сирией. В *военном* плане американцы вынуждены просить у нас помощи для ведения боевых операций в Афганистане, выпрашивать место для своих военных баз у Киргизии, Уз-

бекистана и Таджикистана. Что касается *экологии и сельского хозяйства*, то ключевые пути миграции диких животных Евразии осуществляются по экологическому мега-коридору Байкал-Алтай. Расположенные в Евразии центры биоразнообразия, выведенные здесь породы скота, адаптированные к местным суровым климатическим условиям, — все это составляет **возрастающий природный капитал Евразии**, нуждающийся в совместном ведении евразийских народов¹. Если взять *транспорт*, то доставка грузов из Японии и Кореи в Европу железнодорожным транспортом при всех издержках как минимум на 1,5 недели быстрее, чем океаническим путем.

Понятно, что формирование такого геополитического, торгового, хозяйственного, континентального моста между Востоком и Западом требует единения государств Евразии. Здесь нельзя тянуть одеяло на себя, а всегда необходимо брать поправки на интересы соседа, ведь без его благополучия вряд ли возможно благополучие национальное. К сожалению, правящие элиты лишь отчасти начинают осознавать эту истину. Простые, но любознательные и активные люди очень часто прозревают быстрее своих властителей, особенно когда дело касается экологии и культурных проблем, почему выше мы и сделали такой упор на роли общественных организаций в переходе к новой цивилизации.

В-третьих, на территории Евразии, несмотря на все исторические перипетии и конфликты, сложилась **единая евразийская суперэтническая общность с традициями мирного общежития, схожими системами ценностей**², с уже реально сбывшимися в истории образцами этнокультурного синтеза. Так, между пришедшим на Алтай русским населением, особенно старообрядцами,

¹ Так, только алтайскими учеными выведены и сохранены свыше десяти оригинальных пород растений и животных, представляющих исключительное богатство, особенно в условиях бездумного использования генно-модифицированных продуктов. Напомним читателям, что, например, генно-модифицированные семена уже во втором поколении оказываются бесплодными.

² К ним могут быть отнесены такие ценности, верифицированные в ходе социологических исследований, как коллективизм, приоритет общего над личным, культурная открытость и готовность к диалогу, почитание крепких семейных отношений, природных и культурных святынь. См. уже упоминавшуюся монографию: Иванов А.В., Попков Ю.В., Тюгашев Е.А., Шишин М.Ю. Евразийство: ключевые идеи, ценности, политические приоритеты. Барнаул, 2007. Раздел 3 «Евразийские ценности: традиции и современность».

и алтайцами устанавливались довольно тесные связи. Русские заимствовали у алтайцев навыки скотоводства, элементы кочевой кухни и опыт выживания в суровых горах, знания о целебных травах и родниках. У старообрядцев было принято крещение в Катунь и поклонение горе Белухе, т.е. они и алтайцы поклонялись общим святыням. Не редкостью были межэтнические браки. Показательны в этом плане воспоминания уймонского старообрядца К.В. Железнова:

«Когда прадеды-то наши сюда бежали, алтайцы шибко добрые к ним были. Скрывали от церковников. Мы здесь крепко на ноги встали: у каждого была усадьба, люди жили богато. Но и трудились шибко. В два часа ночи ложились, а в шесть уже на ногах...»¹

В свою очередь, через русских и особенно через Алтайскую духовную миссию алтайцы получили свой национальный алфавит, литературу, школу, навыки научной агрономии, ветеринарные и санитарно-гигиенические знания. Можно по-разному оценивать деятельность тех или иных православных миссионеров в тот или иной исторический период, но в целом благотворное влияние миссии на коренное население Алтая в XVIII веке отрицать никак нельзя². Обычным делом были также браки между русскими и алтайцами.

Дружба выдающегося алтайского художника и писателя Г.И. Чорос-Гуркина с путешественником Г.Н. Потаниным и писателем Г.Д. Гребенщиковым, который впоследствии будет тесно связан с семьей Рерихов, — это живой символ глубинных взаимообогащающих связей между русским и алтайским народами, ответ националистам и сепаратистам всех мастей. А ведь Чорос-Гуркин в своих послереволюционных странствиях по Алтаю и Саянам посетил Западную Монголию и Туву и довольно продолжительное время прожил там, будучи фактически своим среди других алтайских

¹ Цит. по: Боаги Н.М. Традиционное воспитание в старообрядческой семье (на примере уймонских староверов) // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов: материалы VIII международной конференции (Горно-Алтайск, 19-23 сентября 2007 г.) — Т.1. Горно-Алтайск, 2007, с. 148.

² См. Модоров Н.С. Архимандрит Макарий Глухарев — ученый, миссионер и просветитель // Макарьевские чтения: материалы второй международной конференции (21-22 ноября 2003 года). Горно-Алтайск, 2004.

этносов¹. Быть может, именно судьбы гениальных творцов евразийских народов и сегодня задают нам эталон человеческого и творческого единения.

Существовали также довольно тесные духовные связи между алтайцами и монголами, монголами и русскими. Так, большое влияние на алтайцев оказали духовные традиции буддизма, а бурханизм сегодня официально признан в качестве одной из его северных ветвей. Сохранились сведения, что буддийским просвещением и религиозным проповедничеством на Алтае занимались прямые ученики выдающегося просветителя и общественного деятеля Западной Монголии Зая Пандиты Намхайчжамцо². Отношениям же между русскими и монголами на Алтае, неизменно окрашенным взаимной симпатией, посвящено довольно много работ. Огромную роль в установлении таких дружеских связей сыграли русские путешественники (Г.Н. Потанин, П.К. Козлов, Г.Е. Грум-Гржимайло, М.В. Певцов, А.М. Позднеев) и особенно бийские купцы (А.Д. Васенев, Ф.И. Минин, Д.И. Ермолин, А.В. Бурдуков).

«Проводниками русского влияния здесь, — писал русский ученый и путешественник Д.А. Клеменц, — были не дипломаты,... не миссионеры, а только люди, явившиеся туда с чисто коммерческими целями. Это, однако же, не мешало созданию таких отношений, при которых симпатии населения всецело склоняются на сторону иноземцев-торговцев, а не в пользу господствующего правительства, "неустанно пекущегося о благе подвластных народов"»³.

Причины установления доверительных отношений между монголами и русскими купцами раскрывает священник Ф.А. Парняков:

«Отличительной чертой бийского колониста является быстрая приспособляемость к местной жизни, отличное знание языка, обычаев монголов, предприимчивость, настойчивость, спокойная уверенность в своих силах, любезность и гостеприимство»⁴.

¹ Напомним, что род «чорос» считается одним из самых знатных в Западной Монголии.

² См. более подробно о просветительской деятельности Зая Пандиты в Алтайском регионе в монографии: Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю. Скрижали метаистории: творцы и ступени духовно-экологической цивилизации. Барнаул, 2006.

³ Цит. по: Старцев А.В. Алтай и Монголия: из истории приграничного сотрудничества // Алтайский вестник. №1(7), 2005, с. 59.

⁴ Там же, с.57.

В условиях нарастающего конфликта цивилизаций, особенно конфликта западного атеистического мира с исламским, необходимо **политически актуализировать и информационно популяризовать исторический потенциал межэтнического, межкультурного евразийского взаимодействия**. Кто бы что ни говорил, но СССР был подлинным союзом евразийских народов. Другое дело, что идеологических марксистско-ленинских лозунгов для удержания этого союза оказалось явно недостаточно, ему не хватило культурных и духовных скреп, а потому центробежные потребительски-эгоистические и этноцентрические силы оказались сильнее зова исконного единства. Большой ошибкой стал также тезис о безграничном росте материальных потребностей человека, — и неудивительно, что этот человек на фоне бедных полок в магазинах устремлял взор к изобильным витринам западного мира. В конце концов, мещанин-общечеловек восторжествовал над евразийской личностью; горизонталь бытия над духовной вертикалью; *капиталистический телесный соблазн*¹ над евразийской правдой. Крах СССР неопровержимо доказал, что на материалистических и классовых основаниях долговременного союза народов не построить. Устойчиво единить людей и устремлять их в будущее могут только общие духовные установки и цели деятельности, опять-таки высший порядок бытия, но обязательно сознательно претворенный в совместные земные дела.

В-четвертых, мы выходим на последний объективный фактор евразийской интеграции, который непосредственно и подводит нас к идее духовно-экологической цивилизации. Все народы Евразии, включая Монголию², имеют бесценный исторический опыт изживания двух равно ложных техногенно-потребительских альтернатив — в лице нынешнего, на глазах деградирующего во всемирном масштабе, западного капитализма и советского командно-административного социализма. На повестке дня стоит задача перехода к новому типу цивилизационного существования, где будут

¹ Мы специально используем этот термин по аналогии с пустым ярлыком Георгия Флоровского «евразийский соблазн», наклеенного им на евразийское учение, которое потом заученно повторяли его ненавистники.

² КНР в отличие от народов бывшего СССР и Монголии, по крайней мере, на словах никогда не отказывался от своего социалистического выбора, но изживать капиталистические потребительские иллюзии Китаю еще предстоит.

сохранены лучшие черты обеих систем, но на принципиально новом фундаменте.

Соответственно, мы можем сделать и главные выводы: **а) новое объединение срединного евразийского пространства возможно только на духовно-экологической основе, б) здесь есть наиболее благоприятные предпосылки для развития очагов новой духовно-экологической цивилизации и ее дальнейшего распространения по миру.**

Но оговоримся в этой связи еще раз: для перевода объективных предпосылок из потенциального в актуальное состояние всегда нужен зрелый субъективный фактор — живое действие и мировоззренчески правильно ориентированное сознание конкретных людей. Их критическая масса и должна стать, в конечном счете, главным фактором цивилизационной трансформации.

Линии евразийской духовно-экологической интеграции

По каким же конкретным линиям будет разворачиваться новое объединение Евразии и, в перспективе, всего мира? Именно мира, так как, повторим еще раз, интеграция евразийских народов не угрожает ничьей безопасности и национальным интересам (разве что интересам темной мировой политической и финансовой закулисы), а наоборот, приоритетом экологии и культуры открывает дорогу к такой соборной модели цивилизационного существования, где выигрывают все народы и культуры Земли.

Политическая линия интеграции. Объединение евразийских стран и народов призвано строиться не сверху вниз, через навязывание правил мировой политической и финансово-экономической игры, а наоборот, снизу вверх, через многоуровневые процессы горизонтальной региональной и межрегиональной интеграции. Субъекты международного сотрудничества здесь строят дом не с крыши, а с фундамента, учитывая не «глобальные» политические и экономические интересы (а на самом деле субъективные и корпоративные: прибыли крупных банков и корпораций, требования ВТО или МВФ), а реалии своей природы, культуры и истории.

На едином политическом пространстве Евразии в результате развития различных форм сотрудничества: политического (типа ШОС); экономического (типа евразийского Таможенного союза),

культурного (типа создания евразийской ассоциации университетов), экологического (типа координации и совместного ведения природоохранной деятельности) — будет, надеемся, постепенно формироваться **Евразийский духовно-экологический союз народов, принципиально открытый для сотрудничества и с западными, и с восточными странами.** Конечно, все названные формы сегодня содержат лишь зачатки новых подходов. Иными словами, Евразийский союз будет свободным и жизненным, если в его основу будут изначально положены следующие основополагающие принципы:

- Признание в качестве стратегической задачи международного сотрудничества обеспечения **экологической безопасности жителей Евразии и культурного процветания ее народов.** Вообще, в сфере экологии и культуры, в отличие от экономики и политики, нет столкновения национальных интересов. Они призваны абсолютно объединять людей. Кому нужна процветающая экономика и политическое доминирование с отравленной природой и больным населением? Даже если сегодня экологическая беда и обошла тебя стороной — завтра она неизбежно постучится в твои двери. С другой стороны, кому нужна здоровая окружающая среда и здоровое физическое тело, если человек духовно беден, культурно ограничен и живет ради удовлетворения своих низменных инстинктов и порочных желаний?

- Ценностная опора на лучшие образцы исторического взаимодействия народов, когда не скрывают друг от друга сложностей в исторических взаимоотношениях, но при этом делают ставку на то, что объединяет и вдохновляет, а не на то, что разъединяет и озлобляет. А объединяют народы, прежде всего, **общие и вечные ценности:** мирное сосуществование, дружба, семья, открытость в общении, познание, творчество. Носителями этих объединяющих вечных ценностей являются гении народов Евразии — Сергей Радонежский и Конфуций, Паисий Величковский и Дзанабадзар, Авиценна и Шота Руставели, Чокан Валиханов и Тарас Шевченко. Они должны издаваться на разных языках, а их произведения, картины и биографии дети должны изучать в школе, для чего должны быть разработаны соответствующие учебные программы. Кроме того, все народы Евразии должны почитать свои и уважать чужие природные, культурные, исторические и религиозные святыни, типа Байкала и Иссык-Куля, Днепра и Катунь, Троице-Сергиевой и

Псково-Печерской Лавры, могилы Абая и мавзолея Улугбека. О роли святынь в жизни народа мы писали на предыдущих страницах книги.

- В создании и функционировании Евразийского духовно-экологического союза самое активное участие должны принимать не только профессиональные политики, но научная и педагогическая интеллигенция, а также общественные организации и профессиональные корпорации. Это — важный фактор обеспечения гласности и научной фундированности принимаемых политических решений, а также эффективности создаваемых координирующих и управляющих евразийских органов. О новых формах политической организации мы также подробно писали выше и не будем здесь повторяться.

- Необходимо определить **ключевые, единые всех, практические проекты**, реализация которых: а) в наибольшей степени отвечает стратегической задаче духовно-экологического евразийского единения; б) выгодна всем субъектам международного евразийского сотрудничества; в) не вызывает отторжения ни у государственных органов, ни у широких научных кругов, ни у общественных организаций.

Например, в рамках Алтайского регионального евразийского сотрудничества такой проект найден соборными усилиями. Это — расширение российской номинации ЮНЕСКО «Золотые горы Алтая» через включение в него примыкающих к «Зоне покоя Укок» особо охраняемых природных территорий: Баян-Ульгийского аймака Западной Монголии (национальный парк Таван Богд); национального парка Канас в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая; Катон-Карагайского национального парка и заповедника Маркаколь в Восточном Казахстане.

Процесс идет сегодня тяжело, встречая сопротивление со стороны технократов и недальновидных политиков, но в результате, мы надеемся, должна быть создана заповедная срединная территория Евразии вокруг священного горного массива Табын-Богдо-Ула (пять священных вершин), где сходятся границы четырех крупнейших государств и которая могла бы стать символом общей устремленности народов к экологически безопасному и просвещенному будущему. Возможно, именно горный массив Табын-Богдо-Ула станет иерархически выделенным центром формирующегося единого «зеленого каркаса» Большого Алтая, о чем мы писали выше.

Теперь, быть может, самое главное. Необходимо интенсифицировать борьбу за мир во всем мире, используя для этого все имеющиеся ресурсы и вспоминая богатый опыт борьбы за мир, которую вел в свое время Советский Союз на протяжении десятилетий. Миротворческая идеология была неотъемлемым элементом сознания советского человека, и пора вновь вспомнить этот великий советский опыт неприятия войны и насилия. Вся мировая военная промышленность — это ведь не только постоянная угроза человеческой жизни (особенно жизни мирного населения), но и совершенно бессмысленная трата природных ресурсов. Следовательно, **борьба за мир и за глобальное антимилитаристское мировоззрение** — еще один тренд духовно-экологической цивилизации и объединяющая идея народов Евразии.

Мы даже рискуем предположить, что борьба за всеобщий мир и разоружение — это один из фундаментальных показателей общего духовного здоровья и силы как страны, так и международных союзов, в то время, как борьба за права лесбиянок, геев и возможность заключать между ними браки — наиболее объективный показатель культурной деградации стран и целых регионов. И нам надо делать сегодня все, чтобы сплачивать антивоенные силы по всему миру. На это должны работать и дипломатия, и культура, и спорт. 2015 год — год шестидесятилетнего юбилея создания Пагоушского движения одиннадцатью великими учеными во главе с А. Эйнштейном. Н. Бором, Ф. Жолио-Кюри и Б. Расселом. Движение сыграло выдающуюся роль в предотвращении ядерного конфликта между капиталистическими и социалистическими странами, в укреплении сотрудничества между народами, усилении влияния ученых на мировую политику. Потенциал движения должен быть вновь актуализирован, но его надо насытить не только духом миротворчества, но и духовно-экологическими идеями — необходимостью совместно бороться за охрану окружающей среды и за вечные ценности культуры. Точно также и движение антиглобалистов должно принять более зримые и конструктивные миротворческие акценты. Миротворческие программы и акции должны опять пронизать международную жизнь, проявиться на уровне народной дипломатии и межличностных человеческих контактов.

Именно страны Евразии должны возглавить эту борьбу, прежде всего показав пример миролюбивого характера их интеграции, категорического неприятия любых форм насилия и вмешательства

во внутренние дела других стран. Старое и красивое русское слово **мир** очень точно и многогранно: это и вся планета (а, в перспективе, и Вселенная в целом), в которую мы «вселены» на правах ее разумной и созидательной части; и отсутствие вражды и насилия между странами и народами; и, наконец, соборное общинное житие, где люди сообща решают сложные жизненные проблемы. На пространствах Евразии и на всей Земле мы должны стремиться утвердить мир в триедином значении этого слова.

Понятно, что до этого идеала пока далеко, но если к нему не стремиться и если за мир не бороться, то ничего никогда и не сдвинется в лучшую сторону. Напомним наш ключевой тезис: все в этом мире, и доброе и плохое, совершается не действием безликих «общественных законов», а волей и устремлением конкретных людей.

Экономическая линия интеграции. Экономические вопросы, в том числе и альтернативы современной рыночной экономике, были нами рассмотрены выше. Что касается непосредственных и очень сложных практических путей и подводных камней становления ЕврАзЭС и евразийского Таможенного союза, то отсылаем читателя к статье С.Ю. Глазьева — одного из незаурядных теоретиков и практиков евразийской экономической интеграции¹. Мы же ограничимся преимущественно эконом-географическими аспектами проблемы.

• В Евразии, особенно в Сибири, о которой речь впереди, каждая пара рук всегда была на счету, и каждый работник был ценен. Вместе можно было сладить с тем, что нельзя было осилить в одиночку. Что касается эконом-географической кооперации и разделения труда, то те же евразийцы, отталкиваясь от творческого наследия Д.И. Менделеева, установили важную закономерность: в сложных ландшафтно-климатических условиях Евразии мощный хозяйственный потенциал одной ее территории в той или иной сфере должен использоваться во благо соседних территорий, а ее собственные дефициты и потребности, в свою очередь, компенсироваться и удовлетворяться богатствами соседних хозяйствующих субъектов. Это подметил еще классик евразийства Н.Н. Алексеев. То,

¹ См. Глазьев С.Ю. От Таможенного союза к Единому экономическому пространству // Евразийская идея в новом мире: Международное научное исследование. Астана, 2011, с. 63-75.

что он писал о России, относится ко всему евразийскому пространству и путям его новой хозяйственной интеграции:

«...Великое тело России должно быть построено из частей, обнаруживающих сознательный интерес к естественному взаимному сцеплению и ощущающих, что без такого сцепления смерть грозит и целому, и каждому отдельному члену. Россия должна стать... истинным хозяйственно-географическим организмом»¹.

Создание таможенного союза между Казахстаном, Россией, Белоруссией и Арменией, а также усиливающаяся хозяйственная интеграция в рамках ШОС — не только важный шаг к такому евразийскому «хозяйственно-географическому организму», но и путь к формированию единого евразийского континентального рынка, о необходимости которого говорил другой евразиец — П.Н. Савицкий. Без приоритета континентальных стран в торговле друг с другом и без создания системы взаимных льгот и преференций, считал он, им будет крайне сложно поодиночке противостоять «океаническим» (западным) государствам, которые имеют целый ряд объективных конкурентных преимуществ: дешевизна морских перевозок по сравнению с континентальными, компактность территорий, мягкий климат, контроль над стратегическими проливами, финансовыми потоками и процессом принятия важнейших экономических решений в мире.

Так, в своей статье «Континент-океан» П.Н. Савицкий прямо пишет, что открытые торговые границы всегда выгодны океаническим странам и невыгодны континентальным, так как стоимость сухопутных транспортных издержек всегда на порядок выше морских. Товар, произведенный, скажем, в континентальном Алтайском крае, вследствие транспортных издержек зачастую теряет конкурентоспособность уже в момент его прибытия в морской порт.

«Для стран, выделяющихся среди областей мира своей "континентальностью", — пишет в этой связи П.Н. Савицкий, — перспектива быть "задворками мирового хозяйства" становится — при условии интенсивного вхождения в мировой океанический обмен — основополагающей реальностью... Для всего "океанического" мира есть полный расчет, чтобы континентальные страны безропотно приняли на себя бремя этой обездоленности: тем самым в распоряжение стран "океанического" круга поступят дополнительные продукты, возникнут дополнительные рын-

¹ Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М., 1998, с. 369.

ки для сбыта их собственных товаров. Но не открывается ли пред "континентальными" областями возможность — избегая изолированности примитивного натурального хозяйства — устранить, хотя бы отчасти, невыгодные последствия континентальности? Путь такого устранения — в расторжении в пределах континентального мира, полноты господства принципа океанического "мирового" хозяйства, в созидании хозяйственного взаимодополнения отдельных, пространственно соприкасающихся друг с другом областей континентального мира, в их развитии, обусловленном взаимною связью»¹.

Значение континентального рынка, по мнению П.Н. Савицкого, тем важнее для хозяйствующих евразийских субъектов, чем протяженнее сухопутные границы между ними и чем отличное содержание их экономической жизни:

«Факторы первого рода расширяют пространственную зону, в пределах которой действительны внутриконтинентальные притяжения; факторы второго рода умножают число хозяйственных благ (товаров, продуктов), к которым последние применяются»².

Это требование преимущественной евразийской экономической интеграции, повышающей и нашу общую, и индивидуальную конкурентоспособность, преломляется и конкретизируется на уровне трансграничного регионального сотрудничества, например, на том же Алтае, где сегодня имеется тенденция и к территориально-производственной кооперации и к созданию алтайского сегмента единого континентального рынка. Естественно, здесь особенно важен принцип взаимного учета интересов и добровольности участия в интеграционных процессах.

- Евразийское экономическое сотрудничество подразумевает интеграцию в вопросах перехода от экспорта сырой нефти, газа и леса-кругляка к экспорту ресурсов с добавленной стоимостью (сжиженный газ, продукты первичной переработки нефти, мебель, пиломатериалы), что должно осуществляться параллельно с максимальной экологизацией соответствующих производств. Когда отечественный «Газпром», как это было в 2014 году, получил в Давосе антипремию как самая экологически грязная и безответственная мировая компания, то это был позор не только «Газпрома», но и всей страны. Когда у нас ежегодно на землю проливается 5% добываемой и транспортируемой нефти, а в Тюмени плещутся целые

¹ Савицкий П.Н. Континент-океан // Указ соч., с. 410.

² Там же, с.411-412.

нефтяные болота, то это — самый вопиющий пример антиэкологичности и экономической безответственности.

• Положение между Востоком и Западом объективно заставляет евразийские народы объединять усилия для повышения эффективности работы трансконтинентального транспортного моста, хотя и в самих евразийских странах, естественно, есть и трения и узкие эгоистические интересы. Например, определенные политические круги заинтересованы в том, чтобы изолировать Россию, построить транспортные магистрали в обход ее северных евразийских территорий. Вряд ли эта тактика отвечает интересам народов самих этих стран. Широтные автомобильные и железнодорожные магистрали, основу которых составляла и, надеемся, будет составлять Транссибирская магистраль, о которой мы ниже скажем отдельно, составляют инфраструктурный хребет Евразии. Здесь важно наладить ритмичность работы Транссиба, а также решить принципиальную задачу увеличения скорости движения пассажирских и грузовых составов. Одновременно нужно актуализировать колоссальные транспортные ресурсы меридиональной речной сети Евразии, особенно рек, впадающих в Северный ледовитый океан. Они активно использовались в ходе освоения Сибири и используются сегодня для обеспечения всем необходимым арктических территорий. Но здесь нужны научно-технические прорывы в плане увеличения скорости, грузоподъемности и экологичности движения речных судов. Особенно ценными представляются разработки по созданию грузовых судов, способных передвигаться и по воде, и по льду, и по осенне-весенней распутице. **Развитие речного и железнодорожного транспорта в меридиональном и широтном направлениях — двуединая задача по транспортной интеграции Евразии.**

Можно предположить, что рано или поздно будет реализован еще один стратегический евразийский транспортный проект, как бы брат-близнец Транссиба, но идущий в меридиональном направлении и сшивающий пространство евроазиатского континента по вертикали: Сринагар (Индии) — перевал Каракорум — Кашгария — Джунгария (Урумчи). Далее магистраль раздваивается, обходя с востока и с запада стратегически значимый и заповедный регион Евразии, включающий в себя горный массив Табын-Богдо-Ула, плоскогорье Укок и г. Белуху, Катон-Карагайский и Таван-Богдский национальные парки, а также национальный парк Канас.

Это сделать абсолютно необходимо, поскольку как раз в этом районе располагается номинация ЮНЕСКО «Золотые горы Алтая». Соответственно, западное ответвление меридионального транспортного моста уходит в Восточный Казахстан через переход Май-Капчагай, а восточное — в Западную Монголию через пограничный пункт Булган. Оба ответвления встречаются уже в России в г. Барнауле, столице Алтайского края, и далее магистраль уйдет на Новосибирск. Идею создания меридионального транспортного евразийского коридора из России в Индию через Китай недавно высказал российский министр обороны С.К. Шойгу¹, то есть она буквально витает в воздухе.

Дело в том, что подобная стратегическая транспортная магистраль позволит наладить многосторонние евразийские связи по линии Алтай — Гималаи, обеспечить (при условии строительства сверхскоростной дороги) северной питьевой водой засушливые территории Центральной и Южной Азии, а фруктами и овощами южных стран — регион северной Евразии. Одновременно по этой вертикальной континентальной оси мог бы интенсифицироваться туристический, культурный и научный обмен между самыми многочисленными евразийскими народами — русскими, индийцами и китайцами. Возможно, подобное сотрудничество помогло бы снять геополитическое напряжение между Китаем и Индией в районе Гималаев.

При этом надо всячески избегать сомнительных техногенных проектов, типа строительства больших ГЭС на равнинных и горных реках (пресловутые Катунская и Якутская ГЭС)², прокладки трубопроводов и транспортных магистралей через заповедные уголки Евразии (типа газопровода через плоскогорье Укок на Алтае), добычи полезных ископаемых в сельскохозяйственных районах (как, например, никеля на реке Хопер в Воронежской области). Последний момент заставляет нас обратиться к стратегическим

¹ В самое последнее время индийской стороной был также выдвинут проект создания энергетического евразийского газового моста между Россией и Индией через территорию Китая. Вполне возможно, что в будущем, при соблюдении всех необходимых экологических требований, это проект будет совмещен с идеей транспортного меридионального коридора и внесет серьезный прагматический вклад в объединение трех великих государств.

² Как известно, в последние десятилетия проведены масштабные исследования эффективности крупных ГЭС, в том числе, Всемирным банком, которые выявили не только их экологическую опасность, но и экономическую неэффективность.

экологическим и культурным аспектам евразийского сотрудничества.

Линия экологической и культурной интеграции

Если читатель обратил внимание, то вопросы экологии и культуры красной нитью проходят через все наши рассуждения. В этих двух неразрывно связанных между собою сферах человеческой жизнедеятельности проявляется вся суть духовно-экологической цивилизации.

Здесь, во-первых, коллективной защиты и рационального использования требуют природные ресурсы Евразии. Сохранившийся уникальный генофонд живых организмов, элитные леса и горные ландшафты, чистые воды и почвы, целебные ягоды, травы, глины — все это неиссякаемая кладовая здоровья, источник естественных путей повышения урожайности и механизмов активизации собственных сил живой природы. Развитие природоохранного дела, достойное финансирование заповедников и национальных парков, сближение природоохранного законодательства евразийских стран, обмен опытом работы — такая международная деятельность нуждается в резкой интенсификации. Естественным следствием необходимости сохранения ареалов девственной природы должно стать категорическое требование строить промышленные объекты только на уже антропогенно измененных территориях и с гарантиями максимально щадящего воздействия на природу. В частности, нужна **всеевразийская научная экологическая экспертиза**, когда техногенные проекты касаются судеб многих народов и стран. Снова подчеркнем, что обязателен также учет мнения общественных экологических организаций, которые, как показывает практика той же России, сплошь и рядом являются более научно компетентными и объективными, нежели официальные экологические экспертизы и заключения.

Во-вторых, нужно компетентное и капитально научно подкрепленное **надгосударственное управление водными ресурсами Евразии**, которое действовало бы в интересах всех земель и народов и могло выступить авторитетным третейским судьей в случае межгосударственных споров, как в случае упоминавшихся выше противоречий между Узбекистаном и Таджикистаном. Такая международная работа уже ведется, но пока она недостаточно эффек-

тивна. Главные задачи здесь — введение продуманных систем использования питьевой воды, а также многократного использования воды в производстве и в сельском хозяйстве в интересах всех заинтересованных стран. Возможно, аналогичный орган необходим для **сохранения евразийских почв и управления земельными ресурсами**, борьбы с различными видами эрозии и опустынивания. Особенно это актуально для Монголии, которая рискует к 2050 году быть поглощенной гобийскими песками.

В-третьих, первостепенное значение приобретает совместная разработка высоких технологий, направленных на **становление биоцентричного производства**: внедрение ресурсосберегающих и экологически чистых промышленных технологий; развитие нетрадиционной (водной, солнечной, ветровой, биогазовой и биоугольной) энергетики. Со временем они составят реальную альтернативу сжиганию угля, нефти и газа, но сегодня особенно нуждаются в приоритетном финансировании. Что касается сельского хозяйства, то здесь надо интенсифицировать работу по естественному селекционному усовершенствованию существующих и выведению новых сортов и пород. Это не должно быть связано с сомнительными экспериментами над геномом, который шлифовался у природных форм в течение тысяч лет. Надо восстанавливать и создавать новые племенные и селекционные центры Евразии, налаживать некогда утраченные научно-производственные связи. Особое внимание надо уделить сортам культурных растений и животных, живущих на высокогорье. Например, алтайский як и монгольская овца приносят потомство на морозе, их мясо обладает лечебными и восстанавливающими свойствами, которые столь нужны нынешнему человечеству.

Особый разговор — производство экологически чистых продуктов питания, о чем мы говорили выше. У России и у ряда других евразийских стран (Белоруссия, Украина, Казахстан) здесь едва ли не наилучшие возможности, если учесть огромные пространства и сравнительно недавнее по историческим меркам сельскохозяйственное освоение целинных земель. В целом, можно сказать, что **общая задача народов Евразии в плане экологии — это сохранение и приращение природного капитала как фундамента всех сфер человеческой жизнедеятельности**.

В-четвертых, как мы уже отмечали выше, именно культура и экология сближают народы, позволяют им действовать сообща, а

не искать односторонней выгоды. На основе этих приоритетов возможно также эффективное вовлечение в процесс евразийского сотрудничества широких международных кругов, в том числе, и с Запада. Число западных туристов на том же Алтае растет год от года. Приобщение жителей западных стран к забытым традиционным ценностям семьи, братства, бескорыстия, благоговения перед природными и культурными святынями неизбежно будет делать их более открытыми, подталкивать к собственной духовной и политической перестройке. Последняя давно назрела и неизбежно должна осуществиться, если только Запад хочет выжить как особый культурно-географический мир. В этом плане надо всячески **развивать туризм на пространствах Евразии, делать его трансграничным и поликультурным, оздоравливающим не только тело, но и душу человека.** Перефразируя выражение великого писателя Германии Г. Гессе, можно сказать, что наш туризм следует организовать как духовное «паломничество в страну Евразии».

Понятно, что остра проблема туристического сервиса и его экологизации. Здесь — непочатый край работы, где можно и нужно прилежно учиться и у Запада. Колоссальные успехи в развитии индустрии туризма в последнее время мы видим у Китая, который является здесь безусловным лидером, так же, как и в развитии нетрадиционной энергетики. Если какая-то из стран держит в тех или иных сферах приоритет, то у нее надо перенимать опыт, обогащая его своей национальной спецификой.

В-пятых, важнейшей линией евразийской интеграции являются наука и образование, где роль интеграции университетов и формирования единого образовательного пространства в рамках того же ШОС трудно переоценить. Особая роль принадлежит здесь Евразийской ассоциации университетов; большие перспективы при верно избранной содержательной стратегии развития этого образовательного института есть у Сетевого университета СНГ, инициированного в 2008 году Российским университетом дружбы народов. Проект нацелен на объединение усилий ряда евразийских университетов по совместной подготовке магистров гуманитарных специальностей по согласованным учебным программам на базе двух университетов. Соответственно, магистр имеет возможность получить сразу два диплома, что повышает его профессиональный статус и авторитет. Цель формирования единого образовательного пространства — не только коллективными усилиями повысить

уровень профессиональной, научной и общекультурной подготовки евразийских студентов, но и добиться взаимного признания (конвертируемости) дипломов. Конечно, речь здесь должна идти не о «рыночной», а о классической модели образования с фундаментальной подготовкой, о чем мы писали выше.

Хорошим делом было бы проведение **Евразийской гуманитарной летней Школы студентов**, где бы собирались и слушали лекции квалифицированных профессоров студенты различных специальностей и стран, занимающиеся евразийской проблематикой. Опыт работы такой международной летней школы студентов, которая работает уже тринадцать лет, есть у нас на Алтае. Многие ее выпускники работают в университетах, бизнес-структурах и государственных органах разных стран региона Большого Алтая, обеспечивая взаимопонимание и продуктивное сотрудничество региональных алтайских евразийских элит.

Очень важной представляется идея директора Казахстанского филиала МГУ им. М.В. Ломоносова А.В. Сидоровича, который считает необходимым «воспитание студенчества на принципах евразийства»¹. Для того чтобы эту идею реализовать, было бы целесообразно ввести тему «Евразийская идея: прошлое, настоящее, будущее» в перечень обязательных тем, изучаемых в курсах политологии, истории и философии в университетах, входящих в Евразийскую ассоциацию университетов. Было бы также весьма полезным инициировать совместную научную разработку евразийского мировоззрения и проблем экономического и культурного сотрудничества народов Евразии на международной регулярной основе. Такая работа уже активно ведется, например, в Петербурге, где регулярно проводятся евразийские Форумы и издается журнал «Евразийская интеграция: экономика, право, политика», на который мы ссылались выше. В качестве одной из творческих площадок на Востоке для интенсификации и интеграции комплексных евразийских исследований вполне можно также использовать давно и успешно работающую на Алтае Международную научно-практическую конференцию «Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения», которая проводится раз в два года. В 2014 году состоялась уже седьмая конференция, давшая ряд

¹ Сидорович А.В. Евразийское пространство: направления консолидации // Евразийская идея в новом мире: Международное научное исследование. Астана, 2011, с. 202.

ценных теоретических результатов и практических предложений, многие из которых уже реализованы.

Ну и, наконец, наш анализ духовно-экологического потенциала и линий интеграции евразийских народов не может обойтись без обращения к Сибири, которая обладает наибольшими природными ресурсами, объединяет по своему географическому положению запад и восток, север и юг евразийского цивилизационного пространства; через которую, наконец, ведут кратчайшие пути в Китай и в Индию.

Очерк второй **Сибирь как пространственная скрепа и ось интеграции Евразии**

Отношение к Сибири в России и за рубежом. Правда и вымысел в образе Сибири

О Сибири написано много, и мы бы не хотели повторяться. Наш анализ будет именно философским, т.е. нацеленным на выявление стратегического интеграционного потенциала Сибири и ее роли на евразийском пространстве. При этом мы не будем специально касаться места и значения Алтая, который нам особенно близок и дорог. Дело в том, что мы подробно писали о нем в наших прежних книгах и не раз касались алтайских проблем на предыдущих страницах этого труда. Алтайский материал мы и здесь будем использовать для лучшего раскрытия и обоснования тех или иных развиваемых нами тезисов.

Начиная разговор о Сибири, скажем несколько слов о расхожих стереотипах, связанных с ее восприятием у нас в стране и за рубежом. Западные стереотипы известны: Сибирь — это колониальная страна холода и мрака, снегов и медведей, но исключительно богатая сырьем, которое волею исторических судеб досталась России. О специфической истории и культуре Сибири, о своеобразном характере населяющих ее народов знают только специалисты-русисты. Для Запада в целом — это безликое колониальное пространство, объект многовековой монопольной эксплуатации со

стороны России, лишенное статуса субъекта исторического процесса. Вот очень характерное суждение бывшего папы римского Бенедикта XVI (Йозефа Ратцингера) — образованнейшего европейского интеллектуала:

«Москва объявила себя третьим Римом... и тем самым представила себя новой метаморфозой *Sacrum Imperium* — самостоятельной формой Европы, которая все же осталась связана с Западом и все больше на него ориентировалась, пока Петр Великий не попытался сделать Россию западной страной. Смещение византийской Европы на север привело к тому, что границы континента передвинулись далеко на восток. Определение в качестве границы Урала совершенно произвольно, во всяком случае, мир к востоку от Урала все больше становился своего рода пристройкой Европы; он был не Азией и не Европой, но Европа его формировала как субъект; сам же этот мир остался объектом, а не носителем европейской истории. Возможно, это может послужить общим определением колониального статуса»¹.

Что касается восприятия Сибири как страшного и гиблого места, то в сознании европейца мало что изменилось со времен печально известного маркиза А. де Кюстина:

«Какая прекрасная дорога, — обратился я к моему фельдъегерю.
— Ничего нет удивительного, — заметил тот, — ведь это Большая Сибирская дорога.

Вся кровь во мне застыла. Сибирь! Она преследует меня повсюду и леденит, как птицу взгляд василиска. С какими чувствами, с каким отчаянием в душе бредут по этой проклятой дороге несчастные колодники!»²

А вот своеобразная квинтэссенция европейского видения России и Сибири:

«Покой или кнут! Такова дилемма для каждого. Роль кнута для знати выполняет Сибирь, а Сибирь не что иное, как Россия в квадрате»³.

Понятно, что если исходить из подобных цивилизационных и чисто человеческих предрассудков, то ни о каком рассмотрении Сибири **как важнейшей части евразийского и — шире — мирового геокультурного и геоэкономического пространства**, речь

¹ Ратцингер Й. (Бенедикт XVI). Ценности в эпоху перемен. О соответствии вызовам времени. М., 2007, с.77-78.

² Астольф де Кюстин. Русские в 1839 году // Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев. Л., 1991, с. 623.

³ Там же, с. 620.

не идет. Для западных и восточных русофобов и антиевразийцев всех мастей — это анонимная колониальная территория, подлежащая расчленению и использованию в интересах, прежде всего, их собственных народов. Рупором подобных взглядов является знаменитая книга З. Бжезинского «Великая шахматная доска». В последнее время в США появились работы, которые со всей серьезностью предлагают русским, не способным грамотно и рентабельно эксплуатировать зауральские богатства, попросту освободить Сибирь и Дальний Восток, переселившись в европейскую Россию. Более того, российское государство якобы не только не должно препятствовать, но, наоборот, обязано всячески поощрять возвращение людей в европейскую Россию¹. Подобные высказывания можно слышать и от некоторых японских и китайских геополитических «ястребов», вынашивающих имперские амбиции. Что касается основной массы людей Азии, то и для них Сибирь — это, прежде всего, страна снегов и льдов, а не место, где успешно живут и трудятся живые творческие люди, сберегающие колоссальный природный капитал для их же собственного грядущего выживания.

Справедливости ради скажем, что и в самой России отношение к Сибири было и остается двойственным: с одной стороны, она ассоциируется с колоссальными природными богатствами и возможностью развернуть на ее пространствах творческие силы; а с другой, — как историческое место ссылки и каторги, как территория, гиблая в климатическом плане, где можно жить и работать только вахтовым методом для эксплуатации ее природных богатств. **Отношение к Сибири как к внутренней колонии остается, увы, устойчивой характеристикой российского менталитета**, причем, самое обидное, менталитета не только жителей ее европейской, но и сибирской части, и не только обывателей, но и людей ученого звания.

Остановимся на некоторых откровенно односторонних и, в силу этой своей односторонности, ложных взглядах на Сибирь (ведь еще великий русский философ В.С. Соловьев справедливо отмечал, что ложны односторонние идеи, возведенные в абсолют). Эти взгляды можно обобщить так:

¹ См. Хилл Ф., Гэдди К. Сибирское бремя. Просчеты советского планирования и будущее России. М., 2007.

— Сибирь — это неблагоприятное место, связанное с холодом, мраком и каторгой. В частности, нигде в русской литературе, по крайней мере, в дореволюционной, — нет поэтизации Сибири, как например, в американской литературе есть поэтизация и героизация Запада. Угрюмые картины сибирской жизни мы находим у Чехова и Короленко, Мамина-Сибиряка и Льва Толстого.

— В Сибирь никто не шел добровольно, только принудительно, а вот убегали оттуда массово и с радостью.

— Сибирь точно такая же сырьевая колония европейской России, как и любая другая колониальная территория любой другой страны. (Советский период, несмотря на свои бодрые рапорты, колониального статуса Сибири не изменил. В дооктябрьский период из Сибири вывозили меха, золото и серебро, а в советский — алмазы, уголь, нефть, газ и энергоресурсы).

— Сибирь в хозяйственном плане никогда и ничем по своему производственному застою, архаическим феодальным отношениям и «выключенности» из международного разделения труда от России европейской не отличалась. Более того, застойность царской России и Советского Союза в Сибири проступала только резче и зримее.

— Освоение американского Запада было связано с ростом активности и гражданским самосознанием фермера-колонизатора, а вот сибирский крестьянин всегда отличался пассивностью, культурной дремучестью и гражданской апатией.

Если читатель думает, что мы сгущаем краски, то он может найти изложение и обоснование этих тезисов, например, в довольно содержательной монографии А.Д. Агеева «Сибирь и Американский Запад: движение фронтиров»¹. Постараемся показать, что такое восприятие Сибири страдает явной тенденциозностью. При этом мы не собираемся утверждать, что образ Сибири как «медвежьего угла» не имеет под собой никаких оснований. Но всегда надо стремиться составить целостное представление об объекте.

Начнем с образа Сибири как ужасной страны холода, голода и каторги, то есть как огромного «мертвого дома». Прежде всего, напомним о широко распространенных в русской культуре фразеологизмах, прямо противоположных по сути — «сибирская ширь», «сибирское раздолье», «сибирское здоровье», «сибирская вольни-

¹ См. Агеев А.Д. Сибирь и Американский Запад: движение фронтиров. М., 2005.

ца», наконец, «Сибирь-матушка». Ясно, что «матушкой» землю темную и страшную не назовут. Есть и глубоко поэтические образы Сибири в русской литературе. Вспомним хотя бы первую страницу «Записок из мертвого дома» Ф.М. Достоевского, пушкинское стихотворение «Калмычка» и его же «Капитанскую дочку». А есть еще «Угрюм-река» Шишкова и «Чураевы» Гребенщикова, где коренными сибирскими писателями даны светлые картины сибирской природы, обрисованы сильные, мужественные, волевые характеры, подчас грубые и даже жестокие, но зато начисто лишенные рабской покорности, крепостной безликости и пассивного смирения перед судьбой. Это именно **сильный сибирский русский характер**, не знавший крепостного права и рекрутчины, полагавшийся исключительно на себя и на дружескую взаимопомощь в преодолении исключительных жизненных трудностей. В Сибири никогда не плели лаптей — они не пригодны для долгих и слякотных весны и осени — но не только поэтому ее нельзя было назвать «лапотной», а потому, что здесь не было униженной покорности перед верховной властью.

Надо вспомнить и о советской литературе, посвященной Сибири, — о произведениях Залыгина, Астафьева и Распутина. При всем налете социалистической пафосности (тут можно вспомнить роман Б. Полевого «На диком берегу») в них был отражен действительный тогдашний энтузиазм освоения огромного края, возможность всесторонне и творчески проявить здесь свои способности. Очень показательны в этом плане уже ставшие классическими фильмы «Сибиряда», «У озера» и «Вечный зов», поставленный по мотивам одноименного романа прекрасного сибирского алтайского писателя Анатолия Иванова.

Односторонне-ложным является и утверждение о том, что население Сибири — это сплошь ссыльные и каторжники, а также государственные крестьяне, насильно прикрепленные к сибирским оборонительным крепостям, рудникам, заводам и шахтам. В Сибирь из европейской России тайными бесконечными потоками, особенно после петровских реформ, пробирались беглые крестьяне и старообрядцы, мечтавшие о «землице вольной». Добровольно шли в Сибирь и дерзкие предприниматели, типа Акинфия Демидова, и отважные купцы, на свой страх и риск предпринимавшие походы в неведомые земли, как бийское купечество. Особый разговор — казачество, раздвигавшее границы российской империи и уко-

ренявшееся на ее рубежах. Мы выше уже писали, что сибирская граница была не только военной, но и хозяйственной, открытой границей¹, где со степняками не только воевали, но торговали, общались и даже вступали в браки. **Другой был «другим», но не заклятым врагом, и часто становился другом.** Казачество было действительно пассионарной социально-этнической группой, передовой волевой волной русского покорения дотоле спящих сибирских пространств. Эту казацкую пассионарность задолго до Л.Н. Гумилева хорошо уловил А.И. Герцен.

«Привычные к войне и дороге, казаки имели те неопределенные влечения, то политическое чутье, те пророческие догадки, которыми отличались норманны. Горсть казаков завоевала Сибирь. Ермак не остановился на Тобольске, он добрался до Иркутска и там сложил свою буйную голову. Другой казак после него со своей небольшой дружиной пробился сквозь льды и степи до морского берега², как будто что-то непреодолимое тянуло их к Тихому океану, к этому Средиземному морю будущего; как будто они провидели всю важность поставить Русь лицом к лицу с Северо-Американскими Штатами»³.

Если же кто активно и бежал из Сибири обратно в Европу, то это, в основном, сосланные немцы, поляки и другие европейцы, а также крестьяне-переселенцы XIX – начала XX веков, которым свободной земли уже не хватало.

В Сибирь многих крестьян, купцов и раскольников вела также и чисто духовная мечта об обители земного счастья и братства — о легендарном Беловодье, сказание о котором бытовало на Руси с незапамятных времен. Их устремлял, как и казаков, **извечный дух русского странничества.** Скажем о нем несколько слов.

Русское странничество — это, прежде всего, подвижность, готовность сняться с насиженного места и отправиться в неизвестность, куда зовет тебя манящий и вечно удаляющийся горизонт. Странник не привязан к миру сему, хотя может честно исполнять в нем свой семейный, профессиональный и гражданский долг. При этом внутренне он радикально *отстранен* от навязчивых вериг быта, карьерного успеха, жажды славы и богатства, а пуще всего — от психологической безмятежности, бытового комфорта и тяги к

¹ Не западной подвижной границей (фронтиром), как в Америке, посредством которой оттеснялись в резервации и попросту уничтожались те же индейцы.

² Имеется в виду казак Семен Дежнев.

³ Герцен А.И. Избранные философские произведения. Т. II. М., 1946, с. 249.

плотскому удовольствию — этих главных искусов в жизни человека. Потому-то он и *странен*, и страшен для обывателя, ибо не укладывается в его плоские меры и схемы. Странник по сути своей — воплощение внутренней духовной свободы и психологической неприязненности, живой вызов неба обмещанившейся и изболтавшейся земле. Без странников мир был бы мертв и пресен, как мертвая застоявшаяся вода в болоте. Фактически именно странникам-нестяжателям мы обязаны образованием нашей страны как великой евразийской державы, занявшей пространство от моря и до моря. Именно странниками обнаруживается и строится все лучшее в земном мире. Вспомним русские сказки и былины: за тридевять земель должен отправиться добрый молодец, чтобы найти и преломить кощееву иглу. Калики перехожие приносят живую воду Илье Муромцу, что тридцать лет в избе сиднем просидел. Сидение на месте — вовсе не положительная черта нашего национального характера и не идеал русского жития-бытия, как это иногда можно слышать. Понятно, что тонка грань между странником и пустым человеком-«перекати поле», не имеющим ни привязанностей, ни обязанностей. Отличие в том, что у странника есть зовущая его мечта и нравственные основания жизни. Он рано или поздно возвращается из странствий домой к родному очагу или оседает на новых полюбившихся местах, передавая дух странничества сыну или внуку. И очень часто это органически соседствует с чисто духовным, внутренним или горним «странничеством»; калики перехожие приносят не только человеческие, но и Божьи вести.

Возвращаясь к обживанию Сибири, отметим, что если государственная власть поджимала беглецов — искателей воли, то они в подавляющем большинстве случаев уходили или в глухие горы — «в камень», как говорили на Алтае, или же устремлялись еще дальше на Восток, пока, в конце концов, не уперлись в побережье Тихого океана. Люди пассивные, трусливые и заурядные никогда бы не прошли своими ногами это огромное суровое сибирское пространство, где на новом месте зимовать на первых порах приходилось в землянках, а хлеба с пашни в силу экономии семян можно было попробовать только на третий год. Вот очень искреннее и точное суждение о мужестве предков выдающегося писателя-сибиряка В.М. Шукшина:

«Редко кому завидую, а завидую моим далеким предкам — их упорству, силе огромной...Я бы сегодня не знал, куда деваться с такой

силищей. Представляю, с каким трудом проделали они этот путь — с севера Руси, с Волги, с Дона — на Алтай. Я только представляю, а они его прошли. И если бы не наша теперь осторожность насчет красивостей, я бы позволил себе сказать, что склоняюсь перед их памятью, благодарю их самым дорогим словом, какое только удалось сберечь у сердца: они обрели — себе, и нам, и после нас — прекрасную родину. Красота ее, ясность ее небесная — редкая на земле»¹.

Напомним также, что были и постоянные набеги степняков-кочевников на русских переселенцев, шедших в Сибирь на восток, — тех же джунгар и казахов. Но тяжелый труд и упорство окупались сторицей, особенно в лесостепной зоне Юго-западной Сибири.

«Страх от неприятельских вторжений и разбойничьих нападений служил тормозом развитию благосостояния томского крестьянина, но, однако же, не настолько важным, чтобы в данном случае этот страх мог представлять существенную препону. Повторяем: томский пахарь мог пахать и косить, сколько хотел; — на своем огромном участке он мог постоянно поднимать целину, лишь бы не залениться выкорчевывать древесные корни и чистить луга от кустарника. В лесу без особого утомления можно было добыть ценного зверя, в реках наловить много рыбы. Дичи можно было набить целые воза... В общем материальная жизнь слагалась в условиях, при которых томский обыватель мог существовать значительно привольнее, чем крестьянин центральной России»².

Конечно, были и те, кто разочаровывался в условиях сибирской жизни, мечтая о европейском комфорте и уюте, возвращался назад. Но не такие люди присоединяли и осваивали Сибирь, вступали во взаимодействие с сибирскими евразийскими народами и расширяли российские границы на Восток. Тут нужен был вольный и дерзкий характер Ермака, недаром он воспевался в многочисленных сибирских сказаниях и былинах, о чем мы писали выше.

Сибирь, конечно, никогда не была раем и в той или иной мере всегда колониально эксплуатировалась европейской Россией, особенно в досоветский период. Она рассматривалась царским двором и управляющими ею государственными чиновниками как огромная

¹ Шукшин В.М. Милая моя родина // Каплина В., Брюхов В. С высоты шукшинского Пикета. Барнаул, 1998, с. 7.

² Беликов Д.Н. Первые русские крестьяне-населенники Томского края и разные особенности в условиях их жизни и быта // Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII – начала XX века. Барнаул, 2007, с.394-395.

и бездонная вотчина, как сфера их личного кормления¹. Однако эта «колония» радикально отличалась от колоний европейских, а отношение к жителям Сибири со стороны русских из европейской части страны — от европейской колониальной ментальности в целом. В сущности, **в России никогда не было деления на метрополию и колонию, на людей первого и второго сорта**, и все входившие в состав России народы и племена становились подданными государства российского. Любопытно, что ясак, который сибирские коренные народы платили Кучуму и джунгарам, они после вхождения в состав России продолжали платить и русскому царю, причем в тех же размерах. И здесь мы видим своеобразную евразийскую преемственность в существовании евразийских государственных образований. Кроме того, брак между русским и алтайкой, алтайцем и русской девушкой был обычным делом. Все это разительно отличается от английской колониальной чопорности, где женитьба, скажем, на индийской девушке даже из знатной семьи ложилось на мужчину-англичанина пятном несмываемого позора. Он мгновенно терял свой социальный статус «белого человека». В отличие от колонизаторов англичан, отношение русских к инородцам было лишено национального чванства и расизма. На том же Алтае, о чем мы писали выше, происходил реальный синтез русской и алтайской культур, их взаимное проникновение и обогащение. Конечно, с востока на запад России текли и текут до сих пор меха и золото, нефть и энергоресурсы, но ведь и русские казаки, крестьяне-переселенцы и кержаки-старообрядцы передавали тем же алтайцам и бурятам технические и научные знания, бытовую культуру, учили грамоте их детей. Именно в Сибири, как в сердце Евразии, произошло органическое взаимопрорастание ключевых евразийских этносов (русских, тюрков, монголов, угрофиннов, палеоазиатских народов Севера) и подлинный синтез их жизненных укладов. **Именно в Сибири сформировалась и окрепла за четыре века непосредственного взаимодействия новая евразийская цивилизационная общность, которая была лишь намечена в период доминирования «степи» над «лесом» в европейской России.** В Сибири «лес и степь» стали неразрывным целым, слились воедино.

¹ Можно вспомнить о почти легендарном взяточничестве сибирского губернатора князя М.П. Гагарина, казненного Петром I.

Если теперь обратиться к аргументу, что Сибирь ничего не дала европейской России нового и прогрессивного в организационно-техническом, социальном и творческом планах, а была еще более застойной территорией, чем вся остальная России, — то здесь достаточно вспомнить чудо сибирской кооперации конца XIX – начала XX веков, превратившее сибирского крестьянина в крупнейшего мирового экспортера сыра и масла (перед революцией офисы сибирских кооператоров были в Лондоне и в Нью-Йорке), фактически в одиночку кормившего фронт в годы Первой мировой войны. Лидеры сибирской кооперации были единственными людьми, кто обеспечивал относительный порядок и стабильность в годы Гражданской войны, доставлял продукты в город, а в деревню — промышленные товары¹.

Что касается технического творчества, то в Сибири, на Алтае, как известно, были изобретены первая паровая машина и уникальная система водяных колес для подъема медной руды на поверхность на Змеиногорских рудниках. Ею восхищался еще великий немецкий географ и путешественник А. фон Гумбольдт. Российские горные инженеры в Сибири были образованнейшими и культурнейшими людьми своего времени, которые превратили Барнаул в «сибирские Афины», по словам великого русского географа П.П. Семенова-Тяншанского. Вот краткий перечень дел, свершенных, например, начальником Колывано-Воскресенских заводов П.К. Фроловым:

«Он открыл в Барнауле первую типографию, наладил производство бумаги и как настоящий инженер построил на Змеиногорском руднике первую в мире надземную железную дорогу, а ради просвещения своих подчиненных создал при Канцелярии заводов первую библиотеку; и это было лучшее собрание технической литературы в Сибири... И это при нем Томский железоделательный завод с древесного угля перешел на применение кокса в доменных печах»².

Успехами сибирского сельского хозяйства в XIX веке восхищался ссыльный реформатор Сперанский, в целом, не любивший Сибирь. Его потрясло, что население Барнаула выращивает на ого-

¹ См. обстоятельное исследование сибирской дореволюционной кооперации в работе: Сыщенко А.Г., Сыщенко В.А. Золотые годы сибирской и алтайской кооперации, 1896-1919. Т.1. Барнаул, 2003.

² Родионов А.М. В системе родовых координат. Слово о Барнауле // Тобольск и вся Сибирь. Альманах. Книга XIII. Барнаул. Тобольск, 2010, с. 54.

родных грядках собственные арбузы и дыни. Что касается взлета Сибири в советский период, то об этом мы еще скажем отдельно в связи с освоением целинных и залежных земель в 50-е годы прошлого века. Так что считать Сибирь отсталым и диким краем, всегда находившимся на «задворках великой империи», — значит существенно грешить против истины.

И, наконец, последний миф — то, что сибирский крестьянин отличался гражданской пассивностью и культурной дремучестью, в отличие от предприимчивого американского колонизатора дикого Запада, который читал газеты, участвовал в выборах и был весьма просвещен. Эту мысль отчетливо высказал, например, Г.В. Плеханов, комментируя творчество Глеба Успенского. Вот что пишет крупнейший русский социал-демократ:

«...Мы видим, что в Соединенных Штатах очень распространен земледельческий труд, а между тем американские земледельцы относятся к этому строю совсем не так, как русские крестьяне... Американский земледелец делает свое дело... гораздо лучше, чем русский крестьянин, и в то же время он умеет думать не об одной только "утке": он участвует в политической жизни своей страны. Откуда взялось такое различие? Его нельзя объяснить простой ссылкой на "условия земледельческого труда". Нужно показать, чем и почему условия земледельческого труда в Америке не похожи на условия земледельческого труда в России. Учение о производительных силах легко объясняет все дело. Американские колонисты вывезли с собою из Европы и развили на новой почве производительные силы гораздо более высокого порядка, чем те, которые находятся в распоряжении русского крестьянина. Иная степень развития производительных сил — иное отношение *людей* в процессе производства, иной склад всех общественных отношений»¹.

То есть, по мысли видного русского марксиста, американский фермер объективно более *цивилизован* и прогрессивен, чем сибирский крестьянин. Здесь, правда, уместно спросить: а кто из них был более *культурен*, т.е. каковы его нравственные качества, как он относится к окружающей природе и к другим людям? И вот тут быстро выясняется, что сибирский крестьянин знал грамоту никак не хуже американца (особенно это касается старообрядцев), но при этом насильно не выгонял с родовых земель и не истреблял американских индейцев, не уничтожал хищнически природу, а, наоборот, жил в с ней в гармонии. В результате все (!) сибирские коренные

¹ Плеханов Г.В. Избр. философск. произв. М., 1958. Т.5, с. 56.

народы сохранились вместе с традиционным культурным ландшафтом и укладом своей жизни, а вот индейцы были безжалостно истреблены и сосланы в резервации. После колонизации Запада там вовсе не осталось девственных лесов. Они были полностью сведены, а сибирские центры биоразнообразия и элитные старовозрастные хвойные леса сохранились. Сибиряки сохранили их не только для себя, но для России и всего мира. Таким образом, традиционное мировоззрение и уклад жизни сибирских крестьян были гораздо более гуманными и культурными, чем у американских фермеров. К тому же не забудем, что в Америке рабство было отменено на несколько лет позже, чем крепостное право в России.

Таким образом, Сибирь не была мрачной и холодной колонией, адом на земле, а, напротив, — была и остается уникальным евразийским тиглем, где в суровейших природно-климатических условиях, встречались, не без проблем уживались, но, в конце концов, сплавливались воедино разные евразийские народы и культуры. В сущности, реальная Сибирь — это **квинтэссенция Евразии и ее судьбы**, но не реализовавшая покуда и десятой доли своих хозяйственных и политических возможностей. И, главное, — **не познавшая сама себя до конца**, чему может помочь обращение к взглядам отечественных гениев, веривших в цивилизационную звезду Сибири вопреки всем превратностям времен.

Деятели русской науки и культуры о стратегии развития Сибири

К сожалению, нынешние программы развития Сибири явно или неявно закрепляют ее колониально-сырьевой статус и не предусматривают смены этого вектора. Вместе с тем, выдающиеся деятели русской культуры и науки были убеждены, что именно от развития, а не ресурсного «вычерпывания» Сибири зависит процветание России, и предлагали реальные рецепты ее обустройства.

Так, по мнению М.В. Ломоносова, в Сибирь

«...пойдут многие охотники, ежели им обещаны будут отменные привилегии и вольности, а особливо в купечестве между собою и с соседними народами. Кроме сих, по примеру Франции, ежегодно отправлять туда людей обоего пола, которые здесь в России напрасно шатаются или за преступления сосланы быть должны. Новое место и новые обстоятельства обычай их переменят, и нужда хлеба искать научит бес-

порочными трудами. Пример тому — большая часть сибирских жителей»¹.

Осваивать Сибирь, по мысли великого ученого, следует параллельно земным и морским путем, что и звучит в его знаменитой фразе, что «...российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном и достигнет до главных поселений европейских в Азии и в Америке»². В сущности, проект Ломоносова до сих пор остается актуальным, особенно его ключевая фраза про **«отменные привилегии и вольности» для сибиряков**, чего, увы, никогда не было и нет до сих пор.

Важные идеи о роли Сибири и о путях ее развития высказывали сибирские областники во главе с Г.Н. Потаниным и Н.М. Ядринцевым. Последний в этой связи писал:

«Русская история, основанная на идее централизации, исключая идею областности, есть отрицание существенного, жизненного значения областей, как разнообразных органов в составе и развитии целого политического организма...»³

С точки зрения областников — и к этой идее ниже мы еще вернемся — сильная Россия подразумевает *относительную автономию ее частей* с опорой на местный хозяйственный потенциал и культурное своеобразие. При этом ни о каком отделении от России у них речь не шла⁴. Они фактически отстаивали необходимость проведения в жизнь **политико-управленческого принципа соборности**, где главное дело государственного центра — способствовать развитию и проявлению своеобразия регионов, а главное дело регионов — вносить вклад в укрепление целостного государственного организма России. В своей работе «Заметки о Западной Сибири». Г.Н. Потанин фактически первым выдвинул идею переноса

¹ Ломоносов М.В. Для пользы общества. М., 1990, с. 350-351.

² Там же, с. 354-355.

³ Ядринцев Н.М. Народно-областное начало в русской жизни и истории // Сборник избранных статей, стихотворений и фельетонов Н.М. Ядринцева. Красноярск, 1919, с. 37.

⁴ Надо вообще оставить совершенно беспочвенные разговоры о желании сибиряков отделиться от России. У сибиряков есть желание привлечь к своим проблемам внимание государства, а по данным социологических исследований желание отделиться от России высказывают не более 7,5 процентов сибиряков. — Растов Ю.Е., Щербинин Д.И. Сибирский сепаратизм: социологическая экспертиза современных проявлений. Барнаул, 2010, с. 75.

общенационального политического и культурного центра из европейской части России в ее срединную сибирскую часть¹, а для этого, совершенно справедливо считал он, необходимы «свобода труда и социальной жизни»².

Особую роль в укреплении и процветании Сибири областники отводили профессиональной подготовке сибиряков, всемерному развитию науки, культуры и просвещения. Они также прекрасно понимали значение самобытной истории и уходящей в глубь времен культуры степных — тюркских и монгольских — народов, которые неотрывны от истории и культуры славянства. Разворачивание научных исследований в Сибири невозможно, по их мнению, без развития гуманитарных наук.

«Пренебрежение ученых к степным народам, — писал Г.Н. Потанин, — задерживает развитие науки. Установлению правильных взглядов на роль этих варваров и на историю духовно-культурных заимствований мешает наше арийское высокомерие, ложная историческая перспектива... и несмелость мышления, поработанного рутинными взглядами и рутинными верованиями»³.

В целом, областники внесли весомый вклад в **цивилизационное самосознание Сибири**⁴, которая имеет колоссальный потенциал как для собственного развития, так и для выполнения функций стратегического посредника между Россией и восточным культурно-географическим миром.

Роль Сибири для развития России была подчеркнута в трудах Д.И. Менделеева и особенно В.И. Вернадского. Значение Сибири становится понятным, например, из менделеевского понимания России.

«Сам я сибиряк родом, т.е. происхожу из Азиатской России, думаю даже, что в будущем Азиатской России суждено играть немалую роль в мире, а потому ничем или ни в каких отношениях не кичусь пред Азией, зная, что вся европейская (средиземноморская) образованность (осо-

¹ Потанин Г.Н. Заметки о Западной Сибири // Русское слово. 1860, №9, с. 194.

² Там же, с. 202.

³ Потанин Г.Н. Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М., 1899, с. 856.

⁴ Крупнейший сибирский писатель Г.Д. Гребенщиков писал в работе «Большой сибирский дедушка (Из личных встреч с Г.Н. Потаниным)»: «Многое Потанин сделал, но главное — Потанин пробудил гражданское самосознание в сибирском обществе». — Г.Д. Гребенщиков и Г.Н. Потанин: диалог поколений (письма, статьи, воспоминании, рецензии). Барнаул, 2008, с. 95-96.

бенно же государственное сложение) вышла из ее колыбели. Но тем не менее в настоящую эпоху Россия все же во всех отношениях страна преимущественно европейская и только в малой или побочной степени азиатская¹. Россия, по моему крайнему разумению, назначена сгладить тысячелетнюю рознь Азии и Европы, помирить и слить два разных мира, найти способы уравнивания между передовым, но кичливым и непоследовательным европейским индивидуализмом и азиатской покорной, даже отсталой и приниженной, но все же твердой государственно-социальной сплоченностью»².

Последнее он видит в первую очередь в Китае, с которым, по его мнению, необходимо развивать всестороннее сотрудничество³. Понятно, что в первую очередь это сотрудничество пойдет через территорию Сибири, непосредственно граничащую с Китаем.

При этом один из основоположников отечественной экономической географии, в отличие от современных российских властей, выступает категорически против сырьевого сибирского экспорта на Восток⁴, что приходит в разительное противоречие с подписанным нашим правительством «Договором о сотрудничестве между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики (2009-2018)», где на нашей территории подлежат разработке преимущественно месторождения полезных ископаемых и лесные ресурсы, а на китайской стороне вдоль границы предполагается строительство промышленных предприятий по переработке этого природного сырья⁵.

И еще одна очень важная мысль великого русского ученого, имеющего самое прямое отношение к Сибири:

«Для меня же лично для светлого будущего России кажется важным препятствием только один недостаток — широкого и современно-реального образования, развивающего понимание и обладание природой, разумность, умение и настойчивость в личной предприимчивости,

¹ Как замечают многие исследователи, взгляд на Россию Д.И. Менделеева оказывается, по сути, совершенно евразийским, что видно даже из его последующих слов.

² Менделеев Д.И. К познанию России. М., 2002, с. 181-182.

³ Там же, с. 334-337.

⁴ Там же, с. 388.

⁵ По счастью, упомянутый договор сегодня реализуется ни шатко, ни валко, прежде всего, со стороны России. Этот тот редчайший случай, когда аморфная российская бюрократия действует на пользу России.

вместе с должным уважением как к трудолюбию и бережливости, так и к пытливости, к истории и к силе науки»¹.

Как это разительно расходится с тем, что делает российская власть с нашей Высшей школой и Академией наук в последние годы, словно она не только не читала Менделеева, но вообще действует в этой сфере вопреки национальным интересам и простому здравому смыслу.

О необходимости развития сибирской части России, говорит ученик Д.И. Менделеева В.И. Вернадский в своей знаменитой статье июня 1917 года «Задачи науки в связи с государственной политикой России». Основоположник теории ноосферы пишет:

«Для нас Сибирь, Кавказ, Туркестан — не бесправные колонии. На таком представлении не может быть построена база русского государства... Мы должны чувствовать себя не только европейцами, но и азиатами... Для нас, в отличие от западных европейцев, возрождение Азии, т.е. возобновление ее интенсивного участия в мировой жизни человечества, не есть чуждый, сторонний процесс, — это есть наше возрождение»².

Удивительно, но в воюющей и классово раздробленной России, которой будет суждено пережить еще колоссальные трагедии в XX веке, В.И. Вернадский безошибочно нащупал ту линию, которая гарантирует рациональное освоение сибирских богатств и возрождение России Азиатской. Это — развитие сибирской науки и образования, совместное научное творчество русских и азиатских народов. Хочется привести полностью большой фрагмент из этой статьи, где фактически в нескольких фразах дана целостная программа развития Сибири, как особого региона России и мира, призванного сыграть важную роль в истории:

«Мне кажется, что русская Азия должна быть возможно быстро покрыта государственной сетью высших школ и научных учреждений и что это явится самым могучим и прочным средством выявления скрытой силы нашей государственной организации и уже с одной этой точки зрения должно сильно отразиться на нашем мировом положении. В основе наших азиатских научных учреждений должно лежать всестороннее изучение прошлого и настоящего Азии в самых разнообразных их проявлениях — в области языкознания и истории, археологии, быта,

¹ Там же, с. 452.

² Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М., 2004, с. 561.

фольклора, литературы, религии, искусства, музыки, экономических и материальных ресурсов.

Нельзя забывать одного. Естественные производительные силы Азии в едва ли сравнимой степени превышают естественные производительные силы Европы; в частности, в нашей стране азиатская Россия не только по величине превышает Россию европейскую. Она превышает ее и по потенциальной энергии. По мере того как начинается правильное использование наших естественных производительных сил, центр жизни нашей страны будет все более передвигаться, как это давно уже правильно отметил Д.И. Менделеев, на восток, — должно быть, в южную часть Западной Сибири. Россия во все большей и большей степени будет расти и развиваться за счет своей Азиатской части, таящей в себе едва затронутые зидительные силы. Это должна всегда помнить здравая государственная политика, которая должна смотреть всегда вперед, в будущее»¹.

Эту веру в великое будущее Сибири разделяли выдающийся русский художник и мыслитель Н.К. Рерих² и ученик Д.И. Менделеева и В.И. Вернадского, один из основоположников евразийства, П.Н. Савицкий. Последний установил любопытную эмпирическую историческую закономерность, состоящую в том, что

«...сосредоточия культуры переходили в процессе исторической эволюции в области со все более суровым климатом... Начав свою миграцию из стран, приближающихся в своей средней годовой температуре к максимально известной на земном шаре (сред. годовая температура верх. Египта около +25°C; максим. известная +28°C), культура продвигается в области все более холодные и дошла до стран центральной и северной Европы»³.

Не объясняя этой эмпирической закономерности и призывая относиться к ней достаточно осторожно, П.Н. Савицкий делает предположение, что далее культурные центры будут смещаться из Европы «в Россию-Евразию и в Северную Америку»⁴.

¹ Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М., 2004, с. 562-563.

² Н.К. Рерих писал в работе «Славной Ермака годовщине»: «Не малы пути сибирские. Велика их мечта. Велико им суженое. Страна белого Бурхана, страна доброго Ойрота. Страна Шамбатона. Страна Чуди подземной. Страна кузнецов Курумчинских, ковавших коней всех великих путников от восхода и на закат». Рерих Н.К. Держава света. М., 2007, с. 382.

³ Савицкий П.Н. Континент Евразия. М., 1997, с. 375.

⁴ Там же, с. 377.

Что же касается России, то она

«земледельческой колонизацией и перенесением центров промышленности, уходит с прежней культурной территории своего Центра и Северо-Запада все более на Восток — в безбрежные пространства и степи окраинно-европейских и азиатских земель...»¹

Развитие мира в XX веке частично подтвердило справедливость обобщения, сделанного выдающимся русским географом и геополитиком: США и Россия стали общепризнанными мировыми лидерами, если взять развитие культуры, науки и образования, а также их влияние на глобальные процессы. Однако это не было связано с превращением сибирского региона в мировой цивилизационный и культурный центр, не произошло пока и переноса центра развития наших производительных сил на Восток, как предсказывал В.И. Вернадский. Возникает закономерный вопрос: как сегодня воспринимать эти научные пророчества о великом будущем Сибири? Есть ли какие-то новые факты и тенденции мирового развития, которые действительно обещали бы Сибири радикальную перемену статуса, превращения ее из преимущественно *объекта* в активного *субъекта* исторического процесса? Какие действия надо предпринять, чтобы перевести потенциал Сибири из латентного в активное состояние? Что может и должен сделать для этого Федеральный центр, а что по силам самим сибирякам?

На наш взгляд, Сибирь — это не просто часть России и всего евразийского цивилизационного пространства, а действительно район-сердце, который играет исключительно важную биосферную, культурную и историческую роль на всем евроазиатском континенте в целом. Сибирь, особенно ее юго-западная часть, это подлинный цивилизационный узел, этнокультурный котел. Сегодня, похоже, вновь заработал могучий цивилизационный сибирский тигль, судя по активизации процессов трансграничного сотрудничества и культурного обмена в регионе того же Большого Алтая, укреплению связей между монголами и калмыками, алтайцами и корейцами, русскими и индийцами. Все больше европейцев и восточных людей из дальнего зарубежья — венгры и финны, корейцы и тайцы — устремляют сегодня свой взор на Алтай, подтверждая его статус не только сердца Евразии, но места реального синтеза Востока и Запада. Это почувствовал выдающийся писатель-

¹ Там же, с.378.

сибиряк Г.Д. Гребенщиков, пророчески писавший: «Сибирь! Страна великого грядущего соединения Востока с Западом...»¹

Каким же дополнительным интеграционным потенциалом обладает Сибирь, если учесть, что все, о чем речь шла выше в евразийском очерке, имеет к ней самое непосредственное отношение?

Геостратегические ресурсы Сибири в контексте глобального кризиса

Прежде всего, следует напомнить о **колоссальных невозобновляемых природных ресурсах** Сибири, которые все более возрастают в цене по мере понимания иллюзорности современной мировой экономической модели. Как мы уже говорили, очень скоро станет вновь приоритетной роль *натуральных показателей* в экономике и природная составляющая государственного богатства. Напомним общеизвестные цифры. Еще в XVII веке «сибирская пушнина» составляла 20% доходной части бюджета страны. К началу Первой мировой войны в 1914 году за Уралом добывалось 30 тонн золота ежегодно². В настоящий момент запасы нефти в Сибири составляют 77% от общероссийских; природного газа — 85%; угля — 80%; меди — 70%, никеля — 68%, золота — 41%, металлов платиновой группы — 99%. Гидроресурсы Сибири составляют 45% от потенциала РФ³.

Понятно, что эти ресурсы должны принадлежать не только жителям Сибири, но всем россиянам и всему миру. Однако использование этих огромных богатств должно идти: 1) на пользу, прежде всего, самим сибирякам, т.е. вкладываться в их здоровье, образование, просвещение, охрану окружающей среды, а не оседать в карманах столичных чиновников или собственников предприятий. Отношение к Сибири должно быть не как к ресурсной колонии, а как к осевому региону Земли, — можно сказать, ее глобальной

¹ Георгий Гребенщиков. Из эпистолярного наследия (1924-1957). Барнаул, 2008, с. 71.

² Власов Я. Богатства Сибири уже в 17 веке составляли 20% бюджета России: общее собрание СО РАН заслушало доклады историков, археологов и экономистов // URL: <http://tayga.info/details/2012/12/06/~110759>

³ См. Диев В.С. Российская модель управления: между Востоком и Западом // Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения: материалы Пятой Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) (г. Барнаул, 28-29 июня 2010 г.). Барнаул, 2010, с. 5.

экологической и климатической метрополии, о чем мы еще поговорим ниже; 2) использование этих ресурсов должно быть максимально рачительным, научно обоснованным, так как они принадлежат не только ныне живущим, но и будущим поколениям людей; 3) добыча нефти, газа, угля и полезных ископаемых в Сибири должна быть предельно экологичной, не разрушающей природный баланс.

Сибирь — это также самое наглядное воплощение стратегического **евразийского пространственного ресурса**. Об этом очень точно писал тот же Г.Д. Гребенщиков:

«На десяти миллионах квадратных верст ее пространств могло бы поместиться десять добрых государств, каждое со своим особенным климатом, со своим особенным народом, со своими особенными бытом, языком и верою. Достаточно сказать, что в то время как на юге Сибири зреют яблоки и вишни — на севере якутских тундр бушуют снежные метели»¹.

Сибирь обладает самыми большими на пространстве Евразии **возобновляемыми биосферными ресурсами**: лесом, источниками чистой питьевой воды (только Байкал и Телецкое озеро чего стоят!), пока еще богатыми черноземами, наконец, уникальными рекреационными ресурсами. Их цена и значение растут год от года, если только это вообще возможно выразить в привычных нам денежных эквивалентах. Черноземы Юго-Западной Сибири и богатейшие травостой Сибири Восточной при использовании высоких агропромышленных технологий способны обеспечивать и себя, и другие регионы России и мира экологически чистым продовольствием и качественными экологическими кормами. Высочайшее качество сибирского молока и масла, завоевавших Европу в начале XX века, было в решающей степени обеспечено качеством трав и сена, которыми питался сибирский скот. Такое же высокое качество свойственно сибирскому меду, ягодам, лекарственным травам.

Особое богатство Сибири — сельскохозяйственная и другая биосферная продукция Алтае-Саянского высокогорья, обладающая, как все более выясняется, удивительными иммуномодулирующими и восстанавливающими свойствами. Так, в последнее время получены новые данные об исключительных терапевтиче-

¹ Г.Д. Гребенщиков и Г.Н. Потанин: диалог поколений (письма, статьи, воспоминания, рецензии). Барнаул, 2008, с. 95.

ских свойствах талой алтайской ледниковой воды, семени сибирского льна, о мясе яка, пасущегося на альпийских высокогорьях. Фитопродукция Алтая сегодня уверенно завоевывает мировые рынки, а процветающий алтайский курорт Белокуриха — сегодня едва ли не лучший курорт в России Азиатской.

Все это, вкупе с очагами девственной природы и красивейшими ландшафтами, создает отличные условия для развития в Сибири туристско-рекреационной деятельности. Для этого надо обуздать хищнические аппетиты авиакомпаний, добившись приемлемой цены на билеты, развивать высокоскоростной наземный транспорт и инфраструктуру. И, конечно, развитие туризма подразумевает его всемерную *экологизацию и развитие экологической культуры* у местного и приезжающего в Сибирь на отдых населения.

Кроме того, Сибирь — **важнейший мировой стабилизатор климата и глобальных биосферных процессов**, связывающий своими лесами, болотами и северными прибрежными водами огромное количество свободного углерода; питающий своими ледниками великие сибирские реки; выделяющий своими лесами большое количество кислорода; сохраняющий естественное биологическое разнообразие и большие ареалы девственной природы, без которых невозможна стабильность всей земной биосферы. В последние годы ведутся многочисленные эколого-экономические исследования, подсчитывающие производительность нетронутых ареалов природы. Выясняется, что девственная природа генерирует такое количество хозяйственных и экологических услуг, что это делает ее, в конечном счете, рентабельнее любого размещенного на ней промышленного предприятия. Это достигается за счет защиты земель от паводков, штормов, засух; очистки вод; образования почв; связывания свободного углерода, сохранения популяций биологических видов; поддержания самовозобновляющихся природных ресурсов, сохранения традиционных хозяйственных укладов и этнических сообществ.

Не будет преувеличением сказать, что сохранение уникальных богатств сибирской природы — это соборное дело всего человечества, если оно хочет иметь лучшее будущее. В этой связи необходимо на базе сибирской науки реализовать, наконец, старый научный проект о создании международной сети биосферных наблюдательных стационаров у истоков великих рек Евразии — Оби, Янцзы, Енисея, Ганга, Лены, Тарима и т.д. Это особенно важно в усло-

виях резкого сокращения площади ледников и протаивания тундры. В деле сохранения и бережного использования природных ресурсов Сибири должны активнее интегрироваться сибирские ученые, особенно двух ее стратегических научных центров — Новосибирска и Томска, а также аграрный научный потенциал, сконцентрированный в аграрных университетах и НИИ Омска и Барнаула. При этом недопустимо сокращение государственного финансирования сибирской науки, так как это неминуемо влечет за собой отток научных кадров и специалистов из стратегического региона Евразии, что в конечном итоге чревато потерей и России азиатской.

Что касается *геополитического и геоэкономического положения Сибири*, то она, как уже сказано, предстает сердцем евразийского пространства, занимая срединное транспортное положение между Европой и Азией, символом которого является Транссибирская магистраль. Сегодня она имеет все основания считаться *латентным российским геополитическим центром*, от судьбы которого зависит судьба всего евразийского цивилизационного пространства.

Если Россия потеряет Сибирь, то мгновенно утратит не только статус великой мировой державы, но и политическую самостоятельность. Необходимо поэтому всячески усиливать роль Сибири на евразийском геополитическом пространстве. В этой связи было бы весьма дальновидно перенести с Запада на Восток нашей страны, лучше всего в Новосибирск или Барнаул¹, один из органов верховной государственной власти. Проще и безболезненнее всего было бы перенести Совет Федерации, который мог бы взять на себя функции стратегического планирования развития Сибири и Дальнего Востока с опорой на сибирскую науку. Соответственно, Новосибирск или Барнаул могли бы превратиться в третий — азиатский — полюс общероссийской политической и интеллектуальной жизни (наряду с Петербургом и Москвой) и в новый геополитический

¹ Барнаул был бы даже предпочтительнее на роль политического сердца Сибири и восточного евразийского политического форпоста России, учитывая, какое место занимает Алтай в целом на евразийском пространстве, насколько интенсивно развивается международное региональное евразийское сотрудничество и, что немало важно, возможности для внутреннего городского развития. У Барнаула по сравнению с Новосибирском возможности для инфраструктурного развития намного более благоприятны.

тический центр действия России на Востоке. Тогда уж точно никто не упрекнет Сибирь в том, что она является объектом, а не субъектом исторического действия. Наличие трех федеральных полюсов силы очень точно соответствовало бы цивилизационной сущности России как осевой евразийской державы, а *Сибирь позиционировалась бы как восточная политическая ось всеевразийского духовно-экологического единения.*

Что касается геоэкономического и транспортного потенциала Сибири, о чем мы говорили выше, то он стал понятным уже в XIX веке во время строительства Транссиба. Один из его строителей, инженер, поляк по национальности, Генрих Краевский, писал в монографии «Сибирская Мировая Транзитная железная дорога»:

«...При удачной коммерческой и технической постановке товарного движения и при условии увеличения его скорости, хотя бы за счет увеличения пассажирского тарифа, можно утверждать, что по Сибирской железной дороге, независимо от местных грузов, пойдут все, более или менее ценные грузы»¹.

Тот же автор высказывал уверенность, что «через сто лет Сибирь будет считать свое население многим более ста миллионов»². По целому ряду причин это пророчество пока, увы, не сбылось. И понятно почему: для поощрения миграции населения в Сибирь государству, во-первых, необходимо создать для сибиряков ломоносовские «отменные привилегии и вольности», и, во-вторых, информационно и культурно всеми силами обеспечить укрепление регионального сибирского патриотизма и чувство держателя стратегического региона России.

Возвращаясь к процитированному выше тексту Г. Краевского, следует отметить исключительно важную мысль, которую он высказывает: необходимо увеличить скорость движения транспорта по Транссибу. Одной из важнейших задач в этом плане является переход к высокоскоростному наземному транспорту в интервале скоростей от 300 до 600 км/час, которые выпали из поля зрения инженерной мысли в XX столетии из-за гонки вооружений. Само-

¹ Цит по: Должиков В.А. Историческая миссия Русской Сибири как трансконтинентального посредника на евразийском экономическом пространстве // Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения: материалы Пятой Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) (г. Барнаул, 28-29 июня 2010 г.). Барнаул, 2010, с. 60.

² Там же, с. 60.

лет на некоторое время показался более перспективным средством транспортной связи на больших расстояниях. Это оказалось выгодным в первую очередь для океанических держав, но никак не для континентальных. Одним из первых это поняли Европа и Китай, в последние десятилетия XX – начале XXI вв. сделавшие огромные вложения в разработку высокоскоростных наземных транспортных средств. Вопрос выживания и процветания Сибири напрямую зависит от перехода к высокоскоростному транспорту, если учесть, что оригинальные научные разработки у нас в этом направлении имеются. Есть, кстати, и довольно перспективный проект по сверхскоростной доставке на юг (Китай, Ближний Восток, Средняя Азия) определенного количества пресной питьевой воды из Сибири в зимние месяцы в замороженном состоянии. Он, конечно, требует детальной экологической и экономической проработки, но это в любом случае нам гораздо выгоднее, чем проект, не так давно предложенный России Китаем: прокладка трубопровода для перекачки в Китай байкальской воды. Если вспомнить, что мы говорили выше о строительстве меридиональной евразийской железнодорожной трассы Индия — Россия с транзитом через Китай, то эта трасса как раз и могла бы стать настоящей «новой евразийской дорогой жизни», обеспечивающей питьевой водой засушливые районы Синьцзяна (Джунгария и Кашгария) и Индии.

Некоторые стратегические проекты развития Сибири как центра Евразии

Здесь хотелось бы остановиться на двух стратегических инициативах, выдвинутых в последнее время в Сибири. Обе они опираются на два великих и успешных сибирских проекта России в XX веке. Имеется в виду *освоение Алтайских целинных и залежных земель в 50-ые и создание Новосибирского Академгородка во главе с академиком М.А. Лаврентьевым в 60-ые годы XX века*. Их своеобразное «второе издание» в начале века XXI вполне могло бы стать прорывным.

Напомним, что в ходе реализации первого проекта с 1954 по 1955 годы было освоено 2 657 тыс. га целинных и залежных земель на Алтае, и сбор зерна вырос с 1,7 млн. тонн в 1953 г. до 7,3 млн. тонн в 1956 году. В 1957-1958 годах на долю Алтайского края приходилось уже 44% производимой пшеницы в Западной

Сибири. Алтай, который в предцелинные годы едва кормил сам себя, превратился в крупнейший зерновой центр России и внес большой вклад в укрепление продовольственной безопасности страны¹.

Теперь к вопросу об эффективности прямых государственных инвестиций в сельское хозяйство: всего в освоение целины государство вложило 3 млрд. 146 млн. рублей и за 1954-1958 гг. только за счет сдачи хлеба получило чистой прибыли 2 млрд. 66 млн. рублей². В 1954 году в Алтайском крае был создан Алтайский медицинский институт, в 1955 г. построено новое здание Алтайского сельскохозяйственного института, в 1956 — Барнаульский телецентр. В целинные годы появилось здание краевой библиотеки им. В.С. Шишкова, Краевой драматический театр, железные дороги Кулунда – Барнаул и Карасук – Камень-на-Оби. За 1954-1960 годы открыто 820 сельских клубов, а в 1962 году их насчитывалось уже 1640. И еще одна очень показательная цифра, фиксирующая колоссальный рост уровня науки и культуры в Алтайском крае за годы целины: до освоения целинных и залежных земель в крае было всего 82 агронома с высшим образованием, а в 60-ые годы в каждом хозяйстве работало по несколько десятков специалистов с высшим аграрным образованием!³

Были, конечно, и серьезнейшие просчеты в целинной кампании. Так, за счет отвальной вспашки земли и отсутствия противоэрозионных мероприятий в крае начались катастрофические эрозионные процессы, приведшие к пыльным бурям, падению урожайности и плодородия почвы. Были потеряны многие продуктивные пастбища и пойменные земли, нарушены экологические балансы. Но, в целом, плюсы от освоения алтайской целины в то время превосходили минусы, тем более что вскоре была развернута мощнейшая работа по системной высадке лесополос. С их помощью удалось снизить масштабы ветровой и водной эрозии.

Сегодня исключительно важно на новом качественном уровне возродить южно-сибирское сельское хозяйство, превратить Сибирь в один из восточных бастионов обеспечения продовольственной безопасности страны и в евразийский центр производства экологи-

¹ Алейников М.В. Сельское хозяйство Алтайского края в период освоения целинных и залежных земель (конец 1953-1964). Бийск. 2005, с. 46.

² Там же, с. 163.

³ Алтай — земля целинная. Барнаул, 1984, с. 14.

чески чистой сельхозпродукции. Словом, как говорят алтайские ученые, **необходима «вторая целина»**, но с учетом ошибок прошлого, с обновлением лесополос и целенаправленными вложениями в сохранение плодородия почв, в поддержку кооперативного движения на селе, в обновление транспортной и жилищной инфраструктуры. Необходимо также сохранение школ, больниц и клубов в сельской местности, без чего удержать на земле крестьянина невозможно. Для этого нужны, с одной стороны, прямые государственные вложения, типа беспроцентного двухгодичного займа для крестьянских хозяйств на обновление технического потенциала, а, с другой, предоставление весомых налоговых льгот для частного капитала (местного, российского и иностранного), готового вкладывать средства в обновление сибирского села. Возможно, есть резон вернуться к дореволюционному опыту выдачи государственных кредитов кооперативам на льготных условиях.

Понятно, что превращение Алтая в сибирский центр производства экологически чистой сельхозпродукции должно органически сопровождаться, во-первых, сохранением старых и созданием новых *особо охраняемых природных территорий*, о чем мы говорили выше; во-вторых, координацией усилий всех субъектов международного алтайского сотрудничества по пропаганде Алтайского «зеленого брэнда» и, в целом, Алтая как одной из евразийских площадок перехода к новой — духовно-экологической — стратегии развития.

Что касается судьбы новосибирского Академгородка — самого выдающегося интеллектуального проекта в истории России, то вопрос о стратегии его развития должен решаться в первую очередь самими новосибирскими учеными. Исторический опыт показывает, что когда ученым доверяется самим разработать проект и дается под него достойное государственное финансирование, то результат всегда оказывается практически идеальным. Если же вопросы развития науки и образования отдаются на откуп чиновникам или олигархам, то результат, наоборот, оказывается неизменно плачевным. Примеры с созданием федеральных университетов и Центром «Сколково» — самое непосредственное подтверждение этому. В идеале, новосибирский Академгородок должен превратиться в центр академической и прикладной науки, а также высшего образования всеевразийского масштаба.

Нам нужен в самом сердце Евразии интеллектуальный форпост уровня Московского университета и Московского физико-технического университета вместе взятых. Тогда он станет центром притяжения ученых с Запада и с Востока, учитывая тот масштаб комплексных научных исследований Азии, о котором мечтал В.И. Вернадский. Ясно, что это потребует нового уровня кооперации ученых Академгородка с томскими, омскими и алтайскими вузами. Не исключаем, что в перспективе, для качественного поднятия уровня сибирской и дальневосточной науки и практического фундирования деятельности Совета Федерации (если последний будет перенесен в Сибирь) есть все основания перенести туда и деятельность Президиума Академии наук, что позволит сконцентрировать усилия лучших умов России в деле развития Сибири и Дальнего Востока.

Сделаем еще ряд практических предложений, которые позволили бы в кратчайшие сроки переломить негативную тенденцию оттока населения из Сибири, остановить ее хозяйственную, научно-техническую и культурную деградацию.

Во-первых, необходимо решить проблему с дешевым кредитом на жилье для молодых специалистов, живущих в Сибири, и для тех, кто переезжает туда на работу из европейской части. Следует предусмотреть возможность досрочного погашения кредита для молодых семей через 10 лет непрерывной работы в Сибири или в случае рождении второго ребенка. Кредит должен быть прямым и государственным, а не спекулятивно банковским.

Во-вторых, следует обеспечить льготную газификацию сибирских регионов для повышения конкурентоспособности сибирской продукции. Ввести также разумные протекционистские меры для нивелировки влияния сложных климатических и пространственных условий хозяйствования. Первое, что здесь надо сделать — ввести льготные тарифы на железнодорожные перевозки для регионов Сибири и Дальнего Востока. Нельзя считать нормальным, что, например, сибирский крестьянин, выращивающий пшеницу в сложнейших природно-климатических условиях, проигрывает конкуренцию западным и восточным производителям в первую очередь за счет высоких транспортных тарифов. Надо существенно снизить заоблачные цены также на пассажирские железнодорожные и авиаперевозки. От этого страдают не только простые люди, но и индустрия сибирского туризма.

В-третьих, не исключаем возможности введения особого «азиатского налога» на предприятия, расположенные в европейской России. Это был бы совершенно справедливый *природно-климатический и экологический налог* на европейскую Россию, которая во многом сейчас живет за счет ресурсов Сибири и Дальнего Востока. Нужно предусмотреть повышенную ставку этого налога для предприятий банковского спекулятивного сектора.

В-четвертых, на конкретные мероприятия по формированию центра демографической, политической, хозяйственной и культурной жизни страны в сибирском регионе должна быть предусмотрена отдельная строка в федеральном бюджете и принят соответствующий закон, наподобие того, как это было сделано относительно Сочинской олимпиады. Контроль за расходованием денежных средств нужно возложить на Совет Федерации. Приоритетными статьями расходов должны быть сельское хозяйство (особенно его инфраструктура), наука, культура и образование. Именно они видятся нам главными рычагами преодоления нынешнего кризиса и превращения Сибири в подлинный евразийский плацдарм перехода к новой цивилизации.

Заканчивая этот очерк, следует еще раз напомнить: связи на основе низшего и материального — всегда неустойчивы и ненадежны, и всегда подвержены исторической конъюнктуре; а связи на основе высшего и духовного — это самые прочные, почти сверхвременные, бытийственные связи. Если мы укрепим научное, образовательное и культурное взаимодействие между регионами, странами и народами, то скоро увидим, как самым чудесным образом они будут инициировать экономическую, политическую и геополитическую интеграцию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наша книга подошла к концу. Попробуем подвести итоги и кратко суммировать сказанное.

Прежде всего, повторим ключевую мысль: переход к духовно-экологической цивилизации в качестве обязательной предпосылки подразумевает *формирование нового мировоззрения*. Эта мысль, разумеется, не нова, но сплошь и рядом игнорируется или недооценивается. Поэтому еще раз подчеркнем: без изменения, точнее сказать, *духовного преобразования* сознания не может произойти и коренных общественных преобразований. Э. Фромм выразил ту же мысль в прекрасном афоризме: «Впервые в истории физическое выживание человеческого рода зависит от радикального изменения человеческого сердца»¹.

Черты этого нового мировоззрения связаны с пониманием особой роли науки, образования, культуры и искусства. Они есть та самоценная и самодовлеющая реальность, благодаря которой *человек обретает собственно человеческий облик*, подлинные ценности и смысл своего существования. Через них он приобщается к глубинному вселенскому порядку бытия, по-разному раскрываемому и утверждаемому через понятия науки, образы и символы искусства, через подвижничество учителя. Сам же объективный мировой порядок благодаря культуре обретает человеческое бытие, индивидуально познается и творчески приращивается. Именно поэтому ученого, учителя и работника культуры должна в первую очередь ценить и защищать ответственная государственная власть. На них должны работать и экономическая, и политическая сферы жизни общества.

Последние, в свою очередь, также должны радикально измениться, если мы хотим избежать экологического и духовного коллапса, встать на путь не просто выживания, но процветания. Экономика вновь должна стать всемирным *хозяйством*, обеспечивающим гармоничное телесное воспроизводство как самого человека, так и социальных, и природных условий его существования; а политика — подлинным *народоправством*, где особую роль играют

¹ Фромм Э. Иметь или быть. М., 1990, с. 18.

общественные союзы равнодушных граждан и профессиональные корпорации.

Кроме того, в обществе должен быть — не побоимся этого слова — культ *святынь*, единящих людей поверх их личных и семейных предрассудков, национальной и религиозной гордыни. В них не просто запечатлена память о выдающихся подвигах предков и высочайших культурных взлетах народов — но как бы сконцентрирована духовная энергия, живой кристалл которой окрашивает и преобразует наше земное бытие, более того, служит камертоном для правильной оценки происходящего. При этом подлинные святыни одного народа никогда не унижают святынь других народов и не соперничают с ними, но, напротив, удивительно «когерентны» друг другу, обнаруживают явную внутреннюю близость. И не только культурные, но и религиозные, и даже военные: разве подвиг во имя отечества может вызвать что-либо кроме глубокого уважения и внутреннего трепета, героем какой бы национальности он ни был совершен?

Ценность духовного подвижничества и молитвы во общее благо сближает обитель Святого Сергия с гималайскими пещерами Ревалсара, где совершал свой монашеский подвиг буддийский святой Падмасамбхава. Из Троице-Сергиевой Лавры уходили на европейский север, в Заволжье ученики Преподобного Сергия, неся свет православного трудничества, иконописного искусства и монашеской учености; но точно так же на север, к твердыням Тибета уходил Падмасамбхава со своими учениками, неся буддийские знания диким горным племенам. Православные монахи и сегодня продолжают в Лавре свое молитвенное служение; как продолжают его и буддийские монахи красношапочной секты в пещерах озерного Ревалсара. Защита национальных и мировых святынь перед невиданным натиском современного варварства и тьмы¹ — необходимое условие перехода к новой цивилизации и важнейший фактор формирования здорового сознания у современного человека.

Понятно, что мы не могли обойти вниманием в своей книге евразийское пространство. Самим своим пространственным расположением, богатством природным ресурсом, традициями мирного общежития разных народов Евразия, Сибирь и Алтай призваны

¹ В момент, когда пишутся эти строки, пришли известия об уничтожении памятников античной и христианской культуры в Ираке и Сирии воинствующими исламскими фанатиками.

сыграть ключевую роль в переходе к духовно-экологической цивилизации. Показательно, что на Алтае буквально в ходе написания этой книги, в конце мая 2014 года, прошел первый Алтайский Форум «Соразвитие общества, природы и человека в контексте диалога цивилизаций»¹ под эгидой Мирового общественного Форума «Диалог цивилизаций». В нем приняли участие около ста человек из различных стран (ученые, политики, общественные деятели), обсуждавшие пути выхода из кризиса современной цивилизации, перспективы «зеленой экономики», место и роль таких регионов, как Большой Алтай, в переходе к обществу нового типа. Авторы этой книги поразили два момента: во-первых, удивительное «экологическое единодушие» участников и, во-вторых, то, что лейтмотивом почти выступлений были вопросы духовности. Возникло стойкое впечатление, что идеи духовно-экологической цивилизации начинают реализовываться буквально на глазах и обретают персональное воплощение. В качестве одного из итогов Форума была принята очень важная, на наш взгляд, Алтайская Хартия, где задача перехода к духовно-экологической цивилизации выдвигается в качестве основной². Показательно, что и Молодежный Форум ШОС по предпринимательству и приграничному сотрудничеству будет проходить на Алтае. В его рамках планируется систематическое обсуждение социально-экономических и, что особенно важно, культурных и экологических аспектов евразийской цивилизации. Таким образом, у нас есть все основания констатировать, что формирование и новой духовно-экологической цивилизации, и нового духовно-экологического (или ноосферного) мировоззрения уже перестало быть областью интеллигентских фантазий и чисто теоретических построений, а перешло в область практической реализации, пусть пока и на самой ранней ее стадии.

Но следует снова подчеркнуть, что здесь много всяких трудностей и подводных камней. Например, налицо уже попытки откровенной профанации и евразийских идей, и идей той же духовно-экологической цивилизации. Нельзя питать никаких прекраснотушних иллюзий: *огромное количество благих проектов в истории не сбывалось по самым разным, иногда совершенно, казалось бы, ничтожным причинам.*

¹ См.: <http://dofc-foundation.org/ru/news/post/49>

² Текст Алтайской Хартии читатель найдет в *Приложении* к нашей монографии.

И вот здесь нам бы хотелось вернуться к другой нашей ключевой мировоззренческой идее, быть может, самой важной: новая цивилизация — это не только думающий и нравственный, благоговящий и любящий свою землю человек, но также *социально ответственная и активно действующая личность*. **Роль отдельной личности неизмеримо возрастает в нынешнюю эпоху глобального перехода к новой цивилизации**, причем, возрастает буквально на глазах. Именно личностное творчество, энтузиазм, вовлеченность в судьбы мира — медленно, но верно меняют этот мир. Конкретные, живые и неравнодушные люди не дают перекрывать плотинами горные реки, предотвращая экологические бедствия; порождают гениальные проекты, типа того же проекта Сибирского Академгородка; поднимают сегодня заброшенные пустоши и ставят на ноги умирающие деревни; изобретают новые технические приборы, предотвращают преступления и войны.

Ничто в этом мире не делается силой слепых общественных законов и тем более массовым голосованием на парламентских выборах (после которых людям советуют успокоиться и заниматься своими повседневными делами по принципу «реальная политика — для элиты; голосование — для обывателя»). Мир для каждого из нас — не «окружающая среда», которую мы используем в своих интересах, а живая часть нас самих. Иной взгляд не только аморален, но и просто ложен, даже иллюзорен, о чем говорили мудрецы всех времен. И каждый из нас имеет полное право сказать себе: именно я, сколь бы ничтожно малым ни казался мне масштаб моих мыслей и поступков, — являюсь живым фактором истории; именно я перевожу события из статуса возможных в ранг действительных; именно я закладываю сегодня причины, которые завтра дадут или благие, или губительные следствия. Любой человек всегда был, есть и будет нитью, вплетенной в самые разные узлы исторических событий.

На этой ноте нам бы хотелось закончить книгу. Мы будем рады, если она вызовет живые споры и критику. Впрочем, авторы уже не властны над судьбой своего изданного произведения. Оно начинает жить своей собственной обособленной жизнью. Счастье же человека, продолжающего путь, — вязать новые исторические узлы и закладывать благие причины, не ожидая скорых плодов и всходов, но будучи уверенным в том, что когда-то они обязательно взойдут.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Алтайская хартия

Мы, участники Первого Алтайского форума «Соразвитие общества, человека и природы в контексте диалога цивилизаций», объединенные стремлением к построению лучшего будущего, заявляем о необходимости постепенного перехода к обществу нового типа. Оно будет отличаться не столько конкретными формами, сколько **мировоззренческими основами**. Главными среди них можно считать следующие:

— признание органической включенности человека в природно-космические циклы и зависимости. Из этого фундаментального принципа «соразвития природы и общества» следует исходить при разработке и оценке любых государственных проектов, научно-технологических решений и методик;

— утверждение духовной сущности человека, откуда следует приоритет духовных ценностей над материальными, а также подчиненность экономики целям развития ведущих сфер культуры — науки, искусства и образования;

— преимущество диалогического способа обсуждения и решения возникающих межцивилизационных, межгосударственных, межрелигиозных и межэтнических проблем, при котором умение слушать и понимать «другого» — залог понимания и признания твоей собственной позиции;

— объединение представителей различных национальных и религиозных сообществ вокруг защиты общего природного и духовного наследия человечества, без чего нам не выжить и не встать на путь общего процветания.

Тем самым, обозначим новую стратегию развития мирового сообщества как **духовно-экологическую**.

Необходимость опоры на духовно-экологические ценности объясняется, с одной стороны, очевидным кризисом современной техногенно-потребительской цивилизации, основанной на радикально противоположных идеях и установках. Они, по сути, и при-

вели ее к краху: к *глобальному экологическому кризису*; к утверждению идеологии *потребительства*; к разрушению естественных природных и нравственных регулятивов человеческого бытия и основанных на них социальных институтов и норм, прежде всего, традиционной семьи, а также к *навязыванию данных антиценностей другим народам*; к утрате понимания *власти как служения* людям и отсюда — к забвению главной цели государства, которая состоит в создании условий для всестороннего развития личности граждан.

С другой стороны, уверенность организаторов Форума в необходимости перехода к обществу нового типа опирается на множество исследований в различных сферах. Их результаты постепенно формируют новую научную парадигму. В ее рамках происходит пересмотр представлений о природе человека и его связях с мировым целым, о соотношении современных и традиционных знаний, а также намечается плодотворный синтез науки, философии, искусства и религии.

Фундаментальную роль при переходе к обществу нового типа призваны сыграть уникальные культурно-биосферные регионы Земли, подобные Большому Алтаю, где сохраняются значительные ареалы девственной природы, биологическое разнообразие, культурное наследие многих народов и где активно разворачивается региональное международное сотрудничество на новых — духовно-экологических — принципах и приоритетах. Такие регионы являются экологическими донорами не только своих стран, но и всей планеты, обладая огромным потенциалом экосистемных услуг. Особую объединяющую роль в проведении согласованной экологической политики, межнациональном и межкультурном общении народов Большого Алтая играет русский язык.

Не искусственное переделывание природы, а творческое выявление ее скрытого потенциала должно лечь в основу эволюции как самого человека, так и его внешней среды. Отсюда на повестку дня встает важная задача перехода к так называемой **«зеленой экономике»**, которая направлена на рост благосостояния людей и социальную справедливость при минимизации экологических рисков. Суть «зеленой экономики» состоит в необходимости вписать нашу все возрастающую активность в естественные возможности планеты, что достигается на основе едва ли не главного приоритета современного развития — ответственного отношения правительств,

бизнеса и гражданского общества к природным ресурсам, глубокой «экологизации» экономики и всех сторон нашей жизни. Ценность природы не должна сводиться только к обеспечению экономики природными ресурсами. Огромной ценностью обладают и другие экосистемные услуги: регулирование природных процессов, в том числе климатических; рекреационные услуги; удовлетворение культурных и духовных потребностей человека. Это предполагает экологическую информированность и заинтересованность населения в решении экологических и социальных проблем, а это, в свою очередь, определяется культурой. В конечном счете, именно уровень культуры влияет на «экологичность» поведения. **Отсюда — особая значимость культурного и природного наследия для развития человечества, необходимость его всемерной охраны и творческого преумножения.**

Для достижения этой стратегической цели участники Алтайского форума считают необходимым объединиться на благодатной земле Алтая, центре пересечения многих народов и культур, для решения следующих задач:

- совместного обсуждения стратегических линий становления и развития нового — духовно-экологического — типа мирового общежития;

- всемерной пропаганды, финансовой, информационной, политической и организационной поддержки идей, проектов и технологий, способствующих региональному и глобальному переходу человечества к обществу нового типа и к «зеленой экономике»;

- поддержки регионального и мирового политического, межконфессионального и межэтнического диалога, нацеленного на выявление и утверждение в общественном сознании универсальных духовных ценностей, способствующих объединению человечества;

- активного вовлечения молодежи в строительство общества нового типа, где любовь к своему отечеству сочетается с уважением к другим народам и их культурным достижениям;

- всемерной поддержки и стимулирования социальной ответственности бизнеса во всех секторах экономики, его социальной и экологической активности;

- защиты уникальных культурно-биосферных регионов Земли, подобных Большому Алтаю, которые обладают огромным созидательным потенциалом и выступают модельными площадками перехода к обществу нового типа;

— создание глобальных и национальных экономических компенсационных механизмов для культурно-биосферных регионов, являющихся экологическими донорами планеты и оказывающих важнейшие экосистемные услуги для поддержания устойчивости биосферы.

Участники Алтайского форума открыты к диалогу и сотрудничеству со всеми организациями и людьми, разделяющими наши ценности и убеждения, и выражают уверенность в том, что человечество найдет в себе силы преодолеть нынешние предрассудки, распри и войны и обретет такое будущее, где гармонично соразвиваются природа и общество, и где свобода и разнообразие людей служат делу всечеловеческого единения и взаимопонимания.

*Принято 30 мая 2014, Россия,
Республика Алтай, база отдыха
«Турсиб»*

Научное издание

Андрей Владимирович Иванов
Ирина Валерьевна Фотиева
Михаил Юрьевич Шишин

**На путях к новой цивилизации
(очерки духовно-экологического мировоззрения)**

монография

На первой странице обложки:
Н.К. Рерих. И мы открываем врата
(Международный Центр-Музей им. Н.К. Рериха. Россия, Москва)

Издано в авторской редакции

Подписано в печать 27.08.2014
Формат 60x84 1/16. Печать — ризограф.
Уч.-изд. л. 11,89. Усл. п. л. 12,67
Тираж 500 экз. Заказ. №89-2014

Издательство Алтайского государственного
технического университета им. И.И.Ползунова,
656038, г. Барнаул, пр-т Ленина, 46,
<http://izdat.secna.ru>
Лицензия на издательскую деятельность
ЛР № 020822 от 21.09.98 г.

Отпечатано в типографии Фонда «Алтай — 21 век»
656052, Барнаул, ул. Матросова, 120.